

100 великих романов

Уилки КОЛЛИНЗ

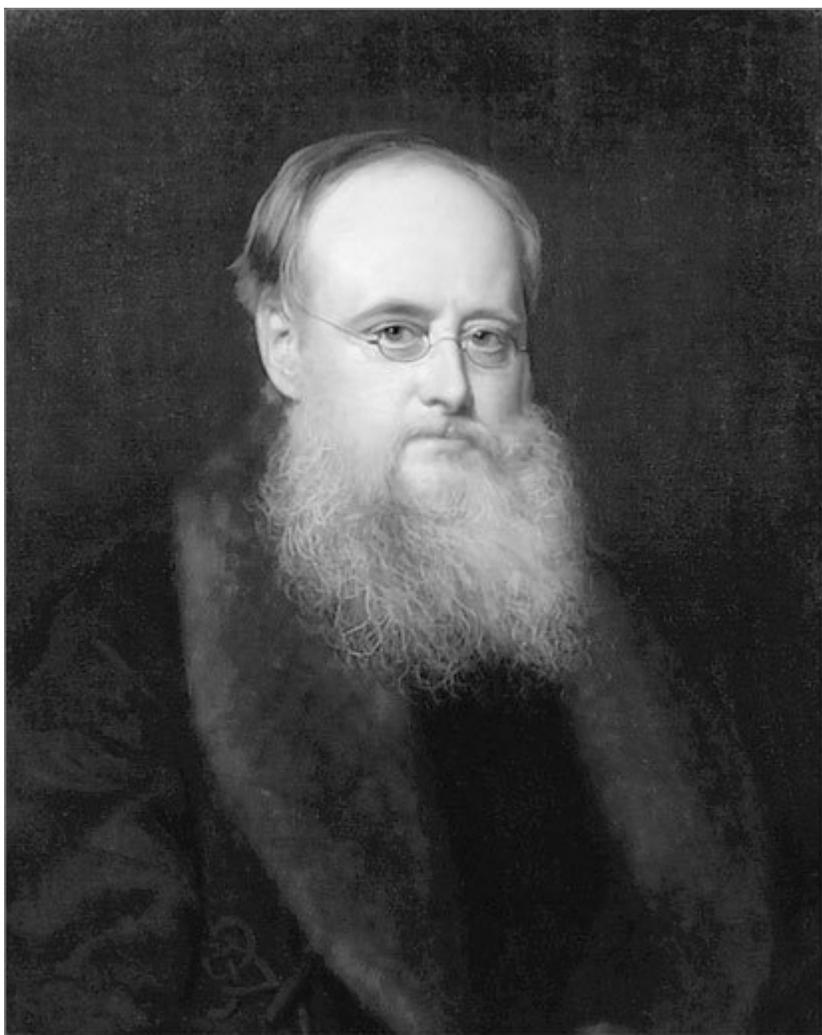
ЛУННЫЙ
КАМЕНЬ

**Уилки Коллинз
Лунный Камень**

© Клех И.Ю., вступительная статья, 2017
© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Уилки Коллинз (1824–1889)

Алмазы шлифованные и граненые

Автор романа «Лунный камень» Уилки Коллинз (1824–1889) считается одним из основоположников детективного романа, что в известной степени справедливо.

Более всего в этом жанре преуспели англосаксы и французы. Английский детектив впитал атмосферу мрачных готических романов XVIII века, образ великого сыщика-любителя изобрел американский романтик Эдгар По, а увековечил в своих повестях и рассказах Конан Дойл, после чего поколение Агаты Кристи придало огранку классическому детективному роману как таковому. Французы же отталкивались от собственных авантурных романов с уголовными сюжетами и в этом преуспели. Общим для англосаксов и французов является рационализм как доминанта культуры, имеющая многовековую традицию. Тайны существуют, но можно придать миру более понятный и приемлемый вид, уменьшив их в масштабе и сведя к ряду успешно разрешаемых загадок и задач (подобно Коту в Сапогах, расправившемуся с Людоедом, в сказке Перро). В чем, собственно, и состоит привлекательность жанра детектива для миллионов читателей.

С читателем автор играет в азартную игру вроде преферанса или современных квестов, позволяя ему самоутвердиться и получать кайф, которого хватило на столетие приблизительно. Американские полицейские «черные» и славянские любительские «иронические» детективы ознаменовали закат отыгранного жанра – с его жесткими правилами, распределением ролей и ограниченным числом сюжетных комбинаций.

Роман «Лунный камень» Коллинза – камень пробный и жанр еще диффузный. В нем переплелись любовно-брачный, детективный и приключенческий сюжеты. Рэчел – типичная героиня британских женских романов, сыщик Кафф – без пяти минут Холмс, а три

таинственных индуса еще дождутся своего звездного часа в книжках об агенте 007.

Коллинз родился в семье известного английского художника, в путешествиях по Италии и Франции с родителями изучил языки, по настоянию отца с семнадцати лет служил клерком в чаеоторговой компании, затем в суде и профессионально заняться литературой смог и сумел только после кончины родителя. Судьбоносным в его жизни стал 1851 год, когда Коллинз познакомился и подружился с Диккенсом благодаря женитьбе младшего брата на дочери великого писателя. Два десятилетия продолжались их плодотворная дружба, сотрудничество и даже временами соавторство. У Диккенса Коллинз учился психологии и приемам комической обрисовки характерных персонажей «старой доброй Англии». В вышедшем через пятнадцать лет «Лунном камне» это ему пригодилось при создании сатирических образов старой девы-миссионерки и образцового старого дворецкого, которому Библию заменял роман о Робинзоне Крузо. В своей любимой книге тот с блеском находил требующие истолкования ответы на все животрепещущие вопросы. В свою очередь Диккенс под впечатлением от «Лунного камня» взялся писать, но не успел закончить интригующую «Тайну Эдвина Друда».

Но в 1851 году произошло также другое значимое событие, наложившее отпечаток на роман Коллинза. В Лондоне открылась первая Всемирная промышленно-торговая выставка, на которой выставлен был, в частности, знаменитый алмаз «Кохинор», доставшийся британской короне после аннексии Пенджаба. Сегодня он украшает корону королевы Елизаветы II, и это отдельная интереснейшая история.

До XIX века короны английских монархов были, как правило, «пустышками» – каркасами, в которые вставлялись взятые напрокат у ювелиров драгоценные камни. Но времена менялись, империя богатели и стяжала ценности колоний и вассалов, открывались новые месторождения и прииски, а европейские ювелиры попутно изобретали все более искусные способы обработки драгоценных

камней и металлов. Ведь золото – всего лишь наиболее химически инертный металл, а алмаз – всего лишь агрегатное состояние углерода, обычного угля, превращающегося под чудовищным давлением в прозрачный кристалл. И не столько их редкость в природе и польза от технического применения, сколько символические нетленность и несокрушимость имеют в представлении людей решающее значение. Спросите у королей, банкиров и женщин.

Столицей искусства огранки алмазов в XIX веке являлся Амстердам. Бриллианты благодаря количеству граней на лицевой и изнаночной сторонах и точному математическому расчету превращались в ловушку света и сверкающее оптическое чудо. После лондонской выставки так произошло и с «Кохинором», хотя поначалу он представлял собой просто ошлифованный алмаз (делалось это камнем о камень) грубоватой огранки. Королева Виктория носила его как огромную брошь (подобно Рэчел в «Лунном камне») – но и в таком виде он впечатлял, как непостижимый и бездонный третий глаз какого-то индийского божества (Шивы в романе Коллинза). Отдаленное представление о нем до европейской огранки может дать алмаз «Шах» в Алмазном фонде Кремля, которым персидский шах откупался от русского царя за гибель Грибоедова. Сегодня только в Лондоне, Амстердаме, Москве и Тегеране можно увидеть бесценные коллекции драгоценностей и ювелирного искусства такого уровня.

Известно, что Коллинз горячо интересовался криминальными хрониками, судебными отчетами и жутковатыми историями знаменитых алмазов, а также был опиоманом. Соединение этих интересов, страстей и склонностей и породило несколько сумбурный и тяжеловесный на сегодняшний вкус роман о череде похищений знаменитого алмаза величиной с перепелиное яйцо (шлифованного то есть, а не ограненного), приносящего своим обладателям только тревоги да несчастья. Мораль отсюда, что не

нужны нам пугающие аномалии и лишние беспокойства (как в русской сказке о курочке рябой, уж прости, читатель).

Особый интерес в этом романе представляет примененный Коллинзом конструктивный прием, похожий на огранку сюжета его участниками и свидетелями. Позаимствованный из судебной практики, он на редкость продуктивен и придает незатейливой истории о краже алмаза неожиданный объем. В XX веке к этому приему блестяще прибегали Фолкнер в романе «Шум и ярость» и Акутагава в новелле «В чаше», по которой Куросава позже снял кинофильм «Расёмон». И если отважиться на кощунство, то еще Отцы Церкви заложили саму возможность подобного подхода к повествованию, узаконив сразу четыре евангелия Нового Завета – как четыре грани одной невероятной истории (да простят меня также христиане, как это велит им религия).

Так что данный признанный образец занимательного чтения – с давно канувшим речевым этикетом, сюжетными натяжками, зыбучими песками и накладными бородами – не так уж прост, как может показаться взыскательному читателю. Немало людей еще помнят его коленкоровый ультрамариновый корешок на книжной полке в респектабельной советской серии «Библиотека приключений». Толика ностальгии не помешает таким читателям.

Игорь Клех

Пролог. Штурм Серингапатама – 1799

Письмо из семейного архива

I

Я пишу эти строки из Индии к моим родственникам в Англию, чтобы объяснить, почему я отказал в дружеском рукопожатии кузену моему, Джону Гернкастлу. Молчание мое по этому поводу было ложно истолковано членами нашего семейства, доброго мнения которых я не хочу лишиться. Прошу их отложить свои выводы до тех пор, пока они не прочтут мой рассказ. Даю честное слово, что напишу строгую и безусловную истину.

Тайное разногласие между мною и моим кузеном возникло во время великого события, в котором участвовали мы оба, – штурма Серингапатама под командованием генерала Бэрда 4 мая 1799 года. Для того чтобы обстоятельства были вполне понятны, я должен обратиться к периоду, предшествовавшему осаде, и к рассказам, ходившим в нашем лагере о драгоценных камнях и грудях золота, хранившихся в серингапатамском дворце.

II

Один из самых невероятных рассказов относится к желтому алмазу – вещи, знаменитой в отечественных летописях Индии.

Стариннейшее из преданий гласит, что камень этот украшал чело четверорукого индийского бога Луны. Отчасти по своему особенному цвету, отчасти из-за легенды – будто камень этот подчиняется влиянию украшаемого им божества и блеск его увеличивается и уменьшается с полнолунием и с ущербом луны – он

получил название, под которым и до сих пор известен в Индии, – Лунного камня. Я слышал, что подобное суеверие некогда имело место и в Древней Греции и в Риме, относясь, однако же, не к алмазу, посвященному божеству (как в Индии), а к полупрозрачному камню низшего разряда, подверженному влиянию луны и точно так же получившему от нее свое название, под которым он и доныне известен минерологам нашего времени.

Приключения желтого алмаза начинаются с одиннадцатого столетия христианской эры.

В ту эпоху магометанский завоеватель Махмуд Газни вторгся в Индию, овладел священным городом Сомнаут и захватил сокровища знаменитого храма, несколько столетий привлекавшего индийских богомольцев и почитавшегося чудом Востока.

Из всех божеств, которым поклонялись в этом храме, один бог Луны избег алчности магометанских победителей. Охраняемый тремя браминами^[1], неприкосновенный идол с желтым алмазом во лбу был перевезен ночью во второй по значению священный город Индии – Бенарес.

Там, в новом капище – в чертоге, украшенном драгоценными камнями, под сводами, покоящимися на золотых колоннах, был помещен бог Луны, ставший вновь предметом поклонения. В ночь, когда капище было достроено, Вишну-зихдатель^[2] явился будто бы во сне трем браминам. Он вдохнул свое дыхание в алмаз, украшавший чело идола, и брамины пали перед ним на колени и закрыли лицо одеждой. Вишну повелел, чтобы Лунный камень охранялся тремя жрецами день и ночь, до скончания века. Брамины преклонились перед божественной волей. Вишну предсказал несчастье тому дерзновенному, кто осмелится завладеть священным камнем, и всем его потомкам, к которым камень перейдет после него. Брамины велели записать это предсказание на вратах святилища золотыми буквами.

Век проходил за веком, и из поколения в поколение преемники трех браминов день и ночь охраняли драгоценный Лунный камень.

Век проходил за веком, пока в начале восемнадцатого столетия христианской эры не воцарился Аурангзеб, монгольский император. По его приказу храмы поклонников Браммы были снова преданы грабежу и разорению, капище четверорукого бога осквернено умерщвлением священных животных, идола разбиты на куски, а Лунный камень похищен одним из военачальников Аурангзеба.

Не будучи в состоянии вернуть свое потерянное сокровище силой, три жреца-хранителя, переодевшись, следили за ним. Одно поколение сменялось другим; воин, совершивший святотатство, погиб ужасной смертью; Лунный камень переходил, принося с собой проклятье, от одного незаконного владельца к другому, и, несмотря на все случайности и перемены, преемники трех жрецов-хранителей продолжали следить за своим сокровищем, в ожидании того дня, когда воля Вишну-зидителя возвратит им их священный камень. Так продолжалось до последнего года восемнадцатого столетия. Алмаз перешел во владение Типпу, серингапатамского султана, который вделал его, как украшение, в рукоятку своего кинжала и хранил среди драгоценнейших сокровищ своей оружейной палаты. Даже тогда – в самом дворце султана – три жреца-хранителя тайно продолжали охранять алмаз. В свите Типпу находились три чужеземца, заслужившие доверие своего властелина, перейдя (может быть, притворно) в магометанскую веру; по слухам, это-то и были переодетые жрецы.

III

Так рассказывали в нашем лагере фантастическую историю Лунного камня. Она не произвела серьезного впечатления ни на кого из нас, кроме моего кузена, – любовь к чудесному заставила его поверить этой легенде. В ночь перед штурмом Серингапатама он самым нелепым образом рассердился на меня и на других за то, что мы назвали ее басней. Возник глупейший спор, и несчастный

характер Гернкастла заставил его выйти из себя. Со свойственной ему хвастливостью он объявил, что если английская армия возьмет Серингапатам, то мы увидим алмаз на его пальце. Громкий хохот встретил эту выходку, и тем дело и кончилось, как думали мы все.

Теперь позвольте мне перенести вас ко дню штурма.

Кузен мой и я были разлучены при самом начале приступа. Я не видел его, когда мы переправлялись через реку; не видел его, когда мы водрузили английское знамя на первом проломе; не видел его, когда мы перешли через ров и, завоеывая каждый шаг, вошли в город. Только в сумерки, когда город был уже наш и генерал Бэрд сам нашел труп Типпу под кучей убитых, я встретился с Гернкастлом.

Мы оба были прикомандированы к отряду, посланному, по приказанию генерала, остановить грабежи и беспорядки, следовавшие за нашей победой. Солдаты предавались страшным бесчинствам, и, что еще хуже, они пробрались в кладовые дворца и разграбили золото и драгоценные камни. Я встретился с моим кузеном на дворе перед кладовыми, куда мы пришли для того, чтобы водворить дисциплину среди наших солдат. Я сразу увидел, что пылкий Гернкастл до крайности возбужден ужасной резней, через которую мы прошли. По моему мнению, он был неспособен выполнить свою обязанность.

В кладовых было много смятения и суматохи, но насилия я еще не видел. Солдаты бесславили себя очень весело, если можно так выразиться. Перекидываясь грубыми прибаутками и остротами, они внезапно вспомнили, в лукавой шутке, историю алмаза. Насмешливый крик «а кто нашел Лунный камень?» снова заставил утихший было грабеж вспыхнуть в другом месте. Пока я тщетно старался восстановить порядок, послышался страшный вопль на другом конце двора, и я тотчас побежал туда, опасаясь какого-нибудь нового бесчинства.

Я подошел к открытой двери и наткнулся на тела двух мертвых индусов, лежавшие на пороге. (По одежде я узнал в них дворцовых офицеров.)

Раздавшийся снова крик заставил меня поспешить в здание, которое оказалось оружейной палатой. Третий индус, смертельно раненный, упал к ногам человека, стоявшего ко мне спиной. Человек этот обернулся в ту минуту, когда я входил, и я увидел Джона Гернкастла с факелом в одной руке и с окровавленным кинжалом в другой. Когда он повернулся ко мне, камень, вделанный в рукоятку кинжала, сверкнул, как огненная искра. Умиравший индус поднялся на колени, указал на кинжал в руке Гернкастла и, прохрипев на своем родном языке: «Проклятие Лунного камня на тебе и твоих потомках!» – упал мертвый на землю.

Прежде чем я успел что-нибудь сделать, солдаты, следовавшие за мною, вбежали в палату. Кузен мой, как сумасшедший, бросился к ним навстречу.

– Очистите помещение, – закричал он мне, – и поставьте у дверей караул!

Когда Гернкастл бросился на солдат с факелом и кинжалом, они отступили. Я поставил двух верных человек из моего отряда на часы у дверей. Всю остальную часть ночи я уже не встречался с моим кузеном.

Рано утром грабеж все еще продолжался, и генерал Бэрд публично, с барабанным боем, объявил, что всякий вор, пойманный на месте преступления, кто бы он ни был, будет повешен. Присутствие полицейского офицера доказывало, что генерал Бэрд не шутит, и в толпе, слушавшей этот приказ, я снова встретился с Гернкастлом.

Здороваясь, он, по обыкновению, протянул мне руку.

Я не решился подать ему свою.

– Ответьте мне прежде, – сказал я, – каким образом умер индус в оружейной палате и что значили его последние слова, когда он указал на кинжал в вашей руке?

– Индус умер, я полагаю, от смертельной раны, – ответил Гернкастл. – А что означали его последние слова, я знаю так же мало, как и вы.

Я пристально посмотрел на него. Ярость, владевшая им накануне, совершенно утихла. Я решил дать ему возможность оправдаться.

– Вы ничего более не имеете сказать мне? – спросил я.

Он отвечал:

– Ничего.

Я повернулся к нему спиной, и с тех пор мы больше не разговаривали друг с другом.

IV

Прошу помнить, что все здесь написанное о моем кузене (если только не встретится необходимость предать эти обстоятельства гласности) предназначается лишь для членов нашей семьи. Гернкастл не сказал ничего такого, что могло бы дать мне повод для разговора с нашим полковым командиром. Моего кузена не раз поддразнивали алмазом те, кто помнил его бурную вспышку перед штурмом; но он молчал, вспоминая, очевидно, обстоятельства, при которых я застал его в оружейной палате. Носились слухи, что он намеревался перейти в другой полк, – вероятно, для того, чтобы расстаться со мной.

Правда это или нет, – но я не могу стать его обвинителем по весьма основательной причине. Если я оглашу все вышенаписанное, у меня не будет никаких доказательств, кроме моральных. Я не только не могу доказать, что он убил двух индусов, стоявших у дверей; я не стану даже утверждать, что он убил третьего, внутри помещения, – потому что не видел этого собственными глазами. Правда, я слышал слова умирающего индуса, но если мне возразят, что они были предсмертным бредом, как я могу это опровергнуть? Пусть наши родственники с той и другой стороны сами составят себе мнение обо всем вышесказанном и решат, основательно или нет отвращение, которое я и поныне испытываю к этому человеку.

Хоть я и не верю фантастической индийской легенде об алмазе, но должен сознаться, что и сам не свободен от некоторого суеверия. Убеждение это или обманчивый домысел, – все равно, я полагаю, что преступление влечет за собою кару. Я не только уверен в виновности Гернкастла, но и не сомневаюсь, что он пожалеет, если оставил алмаз у себя, и что другие тоже пожалеют, взяв этот алмаз, если он отдаст его им.

Часть первая. Пропажа алмаза – 1848 События, рассказанные Габриэлем Беттереджем, дворецким леди Джулии Вериндер

Глава 1

Раскройте первую часть «Робинзона Крузо» на странице сто двадцать девятой, и вы найдете следующие слова:

«Теперь я вижу, хотя слишком поздно, как безрассудно предпринимать какое-нибудь дело, не рассчитав все его издержки и не рассудив, по нашим ли оно силам».

Только вчерашний день раскрыл я моего «Робинзона Крузо» на этом самом месте. Только сегодня утром, 21 мая 1850 года, пришел ко мне племянник миледи, мистер Фрэнклин Блэк, и завел со мною такую речь.

– Беттередж, – сказал мистер Фрэнклин, – я был у нашего адвоката по поводу некоторых семейных дел, и, между прочим, мы заговорили о пропаже индийского алмаза, случившейся в доме тетки моей в Йоркшире. Стряпчий полагает – думаю так же и я, – что всю эту историю следовало бы записать в интересах истины, и чем скорее, тем лучше.

Не понимая еще его намерения и считая, что ради мира и спокойствия всегда следует быть на стороне стряпчего, я сказал, что и я думаю точно так же.

Мистер Фрэнклин продолжал:

– Как вам известно, пропажа алмаза бросила тень подозрения на репутацию невинных людей. Память невинных может пострадать и впоследствии, по недостатку письменных фактов, к которым могли

бы прибегнуть те, кто будет жить после нас. Нет сомнения, что эта наша странная семейная история стоит того, чтобы о ней рассказать, и мне кажется, Беттередж, мы с адвокатом придумали правильный способ, как это сделать.

Без всякого сомнения, они придумали прекрасно, но я еще не понимал, какое отношение имеет все это ко мне.

– Нам надо рассказать известные события, – продолжал мистер Фрэнклин, – и есть люди, причастные к этим событиям и способные последовательно передать их. Вот почему стряпчий думает, что мы все должны написать историю Лунного камня поочередно – насколько простирается наша личная осведомленность, и не более. Мы должны начать с того, каким образом алмаз попал в руки моего дяди Гернкастла, когда он служил в Индии пятьдесят лет тому назад. Такой предварительный рассказ уже имеется – это старая фамильная рукопись, в которой очевидец излагает все существенные подробности. Потом следует рассказать, каким образом алмаз попал в дом моей тетки в Йоркшире два года назад и как он исчез через двенадцать часов после этого. Никто не знает лучше вас, Беттередж, что произошло в то время в доме. Следовательно, вы и должны взять перо в руки и начать рассказ.

Вот в таких-то выражениях сообщили мне, какое участие должен я принять в изложенной истории с алмазом. Если вам любопытно узнать, как я поступил в этих обстоятельствах, то позвольте сообщить вам, что я сделал то, что, вероятно, вы сами сделали бы на моем месте. Я скромно заявил, что подобная задача мне не по силам, а сам подумал, что уж суметь-то я сумею, если только дам себе развернуться. Кажется, мистер Фрэнклин прочитал мои тайные мысли у меня на лице. Он не захотел поверить моей скромности и настоял на том, чтобы я дал себе как следует развернуться.

Прошло два часа, как мистер Фрэнклин меня оставил. Не успел он повернуться ко мне спиной, как я уже направился к своему письменному столу, чтобы начать рассказ. И вот сижу беспомощный, несмотря на все свои способности, и все более убеждаюсь, подобно

вышеупомянутому Робинзону Крузо, что неразумно приниматься за какое-нибудь дело, прежде чем не высчитаешь его издержки и прежде чем не рассудишь, по силам ли оно тебе. Прошу вас, обратите внимание, что я случайно раскрыл книгу как раз на этом месте накануне того дня, когда так опрометчиво согласился приняться за дело, которое теперь у меня на руках; и позвольте спросить: неужели это не было предсказанием?

Я не суеверен; я прочел множество книг за свою жизнь; я, можно сказать, ученый в своем роде. Хотя мне минуло семьдесят, память у меня крепкая и ноги тоже. Пожалуйста, не считайте меня невеждой, когда я выражу свое мнение, что книги, подобной «Робинзону Крузо», никогда не было и не будет написано. Много лет обращался я к этой книге – обыкновенно в минуты, когда покуривал трубку, – и она была мне верным другом и советчиком во всех трудностях этой земной юдоли. В дурном ли я расположении духа – иду к «Робинзону Крузо». Нужен ли мне совет – к «Робинзону Крузо». В былые времена, когда жена чересчур надоест мне, и по сей час, когда чересчур приналягу на стаканчик, – опять к «Робинзону Крузо». Я истрепал шесть новеньких «Робинзонов Крузо» на своем веку. В последний день своего рождения миледи подарила мне седьмой экземпляр. Тогда я по этому поводу хлебнул лишнего, и «Робинзон Крузо» опять привел меня в порядок. Стоит он четыре шиллинга шесть пенсов, в голубом переплете, да еще картинка в придачу.

А ведь это как будто не похоже на начало истории об алмазе? Я словно брожу да ищу бог знает чего, бог знает где. Мы, с вашего позволения, возьмем новый лист бумаги и начнем сызнова с моим нижайшим почтением.

Глава 2

Я упомянул о миледи несколькими строками выше. Пропавшему алмазу никогда бы не бывать в нашем доме, если бы он не был подарен дочери миледи; а дочь миледи не могла бы получить этого подарка, если бы миледи в страданиях и муках не произвела ее на свет. Но если мы начнем с миледи, нам придется начать издавека, а это, позвольте мне сказать вам, когда у вас на руках такое дело, как у меня, служит большим утешением.

Если вы хоть сколько-нибудь знаете большой свет, вы, наверно, слышали о трех прелестных мисс Гернкастл: мисс Аделаиде, мисс Каролине и мисс Джулии – младшей и красивейшей из трех сестер, по моему мнению, а у меня была возможность судить, как вы сейчас убедитесь. Я поступил в услужение к старому лорду, их отцу (слава богу, нам нет никакого дела до него в связи с алмазом, я никогда не встречал ни в высшем, ни в низшем сословии человека с таким длинным языком и с таким беспокойным характером), – я поступил к старому лорду, говорю я, пажом к трем благородным дочерям его, когда мне было пятнадцать лет. Там жил я, пока мисс Джулия не вышла за покойного сэра Джона Вериндера. Превосходный был человек, только нужно было, чтобы кто-нибудь управлял им, и, между нами, он нашел кого-то: он растолстел, повеселел и жил счастливо и благоденствовал с того самого дня, как миледи повезла его в церковь венчаться, до того дня, когда она облегчила его последний вздох и закрыла ему глаза навсегда.

Забыл сказать, что я переселился с новобрачной в дом ее мужа и в его поместье.

– Сэр Джон, – сказала она, – я не могу обойтись без Габриэля Беттереджа.

– Миледи, – отвечал сэр Джон, – я также не могу без него обойтись.

Таким образом он поступал с нею всегда – так именно я и попал к нему в услужение. Мне было все равно, куда ни ехать, только бы не расставаться с моей госпожой.

Видя, что миледи интересуется хозяйством, фермой и тому подобным, я сам начал этим интересоваться, тем более что был седьмым сыном бедного фермера. Миледи отдала меня в помощники к управляющему, я старался изо всех сил и получил повышение. Несколько лет спустя, в понедельник, если не ошибаюсь, миледи говорит мужу:

– Сэр Джон, твой управляющий – глупый старик. Дай ему хорошую пенсию и вместо него назначь Габриэля Беттереджа.

Во вторник сэр Джон отвечает ей:

– Миледи, управляющий получил хорошую пенсию, а Габриэль Беттередж получил его место.

Вы слышали много раз о супругах, живущих несчастливо. Вот пример, совершенно противоположный. Пусть он будет предостережением для некоторых и поощрением для других. А я тем временем буду продолжать свой рассказ.

Вы скажете, что я зажил припеваючи. Я занимал доверенное и почетное место, имел свой собственный коттедж, утром объезжал поместья, днем составлял отчет, вечером курил трубку и читал «Робинзона Крузо» – чего еще мог я желать для того, чтобы считать себя счастливым? Вспомните, чего недоставало Адаму, когда он жил один в раю, и если вы не осуждаете Адама, то не осуждайте и меня.

Женщина, на которой я остановил свое внимание, занималась хозяйством в моем коттедже. Звали ее Селина Гоби. Я согласен с покойным Уильямом Коббетом относительно выбора жены. Смотрите, чтобы женщина хорошо пережевывала пищу и имела твердую походку, – и вы не сделаете ошибки. У Селины Гоби было все как следует во всех отношениях, и это было одною из причин, почему я женился на ней. Было у меня и другое основание, до которого я додумался. Когда она была не замужем, я должен был платить ей жалованье и содержать ее. Сделавшись моей женой, Селина должна была служить мне даром. Вот с какой точки зрения я посмотрел на это. Экономия с примесью любви. Я изложил это миледи надлежащим образом, так, как излагал самому себе.

– Я думал о Селине Гоби, – сказал я, – и мне кажется, миледи, что мне будет дешевле жениться на ней, чем содержать ее в услужении.

Миледи расхохоталась и ответила, что не знает, что для нее более оскорбительно: мой ли способ выражения или мои правила. Я полагаю, ей это показалось смешным по причине, которой вы понять не можете, если вы не знатная особа. Не поняв ничего, кроме того, что я имею позволение сделать предложение Селине, я пошел и сделал его. Что же сказала Селина? Боже ты мой, до чего мало знаете вы женщин, если спрашиваете об этом! Разумеется, она сказала «да».

Когда подошло время свадьбы и начали поговаривать о том, что мне следует сшить новый фрак, я немножко струсил. Я спрашивал других мужчин, что они чувствовали, когда находились в моем положении, и они все сознались, что за неделю до венца сильно желали отказаться от него. Я зашел немножко далее: я постарался отказаться. Конечно, не даром! Я знал, что она даром от меня не отступится. Вознаградить женщину, когда мужчина отказывается от нее, – это предписывают английские законы. Повинуясь законам и старательно все обдумав, я предложил Селине Гоби перину и пятьдесят шиллингов вознаграждения. Вы, может быть, не поверите, а между тем это истинная правда: она была так глупа, что отказалась.

Разумеется, после этого делать было нечего. Я купил новый фрак, самый дешевый, и все остальное сделал так дешево, как только мог. Мы не были счастливой, но мы не были и несчастной четой. Того и другого было пополам. Как это случилось, я не понимаю, только мы всегда мешали друг другу. Когда я хотел подняться по лестнице, моя жена спускалась вниз, а когда моя жена хотела сойти вниз, я шел вверх. Вот какова супружеская жизнь, я сам испытал ее.

После пятилетних недоразумений всемудрому провидению благоугодно было освободить нас друг от друга, взяв мою жену. Я остался с моей маленькой Пенелопой; других детей у меня не было. Вскоре после того умер сэр Джон, и миледи тоже осталась с

маленькой дочерью, мисс Рэчел; других детей не было и у нее. Плохо же я описал миледи, если вам следует разъяснить, что маленькая Пенелопа росла на глазах моей доброй госпожи, отдана была в школу, сделалась проворной девушкой, а как выросла – была определена в горничные к мисс Рэчел.

Я же занимал должность управляющего до Рождества 1847 года, когда в жизни моей произошла перемена. В этот день миледи наведлась ко мне в коттедж на чашку чая. Начала она разговор с замечания, что с того дня, как я поступил пажом к старому лорду, я более пятидесяти лет находился у нее на службе, – и после этих слов подарила мне прекрасный шерстяной жилет, который сама сшила, чтобы предохранить меня от зимних холодов.

Я принял этот великолепный подарок, не находя слов благодарности моей госпоже за оказанную мне честь. Но, к великому моему удивлению, жилет оказался не честью, а подкупом. Оказывается, миледи подметила, прежде чем почувствовал это я сам, что с годами я сдал, и пришла ко мне в коттедж улестить меня (если можно употребить подобное выражение) отказаться от должности управляющего и провести на покое остальные дни моей жизни дворецким в ее доме. Я противился, как только мог, обидному предложению жить на покое. Но госпожа моя знала мою слабую сторону: она выставила это как одолжение для нее самой. Спор наш кончился тем, что я, как старый дурак, вытер глаза своим новым шерстяным жилетом и сказал, что подумаю.

После ухода миледи я впал в ужасное душевное расстройство и решил обратиться к средству, которое еще никогда не изменяло мне в затруднительных и непредвиденных случаях. Я закурил трубку и принялся за «Робинзона Крузо». Не прошло и пяти минут, как я развернул эту необыкновенную книгу, и мне попалось следующее утешительное местечко (страница сто пятьдесят восьмая): «Сегодня мы любим то, что возненавидим завтра». Я тотчас увидел, как мне следует поступить. Сегодня я еще хочу остаться в должности управителя, но завтра, основываясь на «Робинзоне Крузо», я буду

желать совсем другого. Стоит только вообразить себе завтрашний день и завтрашнее расположение духа – и дело будет в шляпе. Успокоив себя таким образом, я заснул в эту ночь как управляющий леди Вериндер, а проснулся утром как ее дворецкий. Все как нельзя лучше, и все по милости «Робинзона Крузо»!

Дочь моя Пенелопа заглянула сию минуту мне за плечо – посмотреть, сколько я написал. Она заметила, что написано превосходно и справедливо во всех отношениях. Но она сделала одно возражение. Она говорит, что я до сих пор писал совсем не то, о чем мне следовало писать. Меня просили рассказать историю алмаза, а я между тем рассказываю свою собственную историю. Странно, не могу объяснить, отчего это. Желал бы я знать, неужели господа сочинители впутывают себя самих в свои рассказы, как я? Если так, я сочувствую им. А между тем вот опять не то. Что же теперь делать? Ничего, сколько мне известно, – только вам не терять терпения, а мне начать сызнова в третий раз.

Глава 3

Вопрос о том, как мне надлежит начать рассказ, старался я решить двумя способами. Во-первых, я почесал в голове – это не привело ни к чему. Во-вторых, посоветовался с моей дочерью Пенелопой, которая и подала мне совершенно новую мысль.

Пенелопа думает, что я должен начать с того самого дня, как мы получили известие, что мистера Фрэнклина Блэка ожидают к нам. Когда вы мысленно остановитесь таким образом на какой-нибудь дате, это удивительно, как ваша память подберет все нужные обстоятельства. Единственное затруднение состоит в том, чтобы вспомнить ход событий. Но Пенелопа предложила это сделать для меня, заглянув в свой собственный дневник, который ее обучили вести в школе и который она продолжает вести и по сей день. В ответ на мое предложение писать рассказ вместо меня, справляясь

со своим дневником, Пенелопа вся вспыхнула и заметила со свирепым взглядом, что дневник ее предназначен только для нее самой, и ни одно живое существо в мире не узнает, что в нем такое написано. Когда я спросил почему, Пенелопа ответила:

– Так, батюшка!

А я говорю вам, что здесь не без каких-нибудь любовных проделок!

Начиная по плану Пенелопы, прошу позволения упомянуть, что утром в среду, 24 мая 1848 года, меня позвали в кабинет миледи.

– Габриэль, – сказала миледи, – вот новость, которая должна вас удивить. Фрэнклин Блэк вернулся из-за границы. Он гостит в Лондоне у отца, а завтра приедет к нам на месяц и проведет у нас день рождения Рэчел.

Будь у меня в руках шляпа, только одно уважение к миледи помешало бы мне подбросить ее к потолку. Я не видел мистера Фрэнклина с тех пор, как он мальчиком жил с нами в этом доме. Он был во всех отношениях (насколько я его помню) самый милый мальчик, какой когда-либо запускал волчок или разбивал окно. Присутствовавшая при нашем разговоре мисс Рэчел заметила, что она помнит его как самого лютого тирана и мучителя кукол и самого жестокого кучера, загонявшего девочек до изнеможения своими жесткими вожжами.

– Я пылаю негодованием и заранее умираю от усталости, – заключила свою речь мисс Рэчел, – когда думаю о ФрэнкLINE Блэке.

Вы, натурально, спросите, почему же мистер Фрэнклин все свои годы с того самого времени, как он был мальчиком, до того времени, как он сделался мужчиной, провел вне своего отечества. Я отвечаю: потому что его отец имел несчастье быть ближайшим наследником одного герцогского титула и не мог юридически этого доказать.

В двух словах, вот каким образом это случилось.

Старшая сестра миледи вышла за знаменитого мистера Блэка, в равной мере прославившегося своим огромным богатством, как и своим судебным процессом с неким герцогом. Сколько лет надоедал

он судам на своей родине, требуя, чтоб герцог был изгнан, а он поставлен на его место, скольких стряпчих обогатил он, сколько других ни в чем не повинных людей заставил поссориться друг с другом из-за пари, – прав он или нет, этого я установить не могу. Жена его умерла, и двое его детей умерли, прежде чем суды решились захлопнуть перед ним дверь и не тянуть больше с него денег. Когда все было кончено и герцог остался при своем, мистер Блэк рассудил, что единственный способ отомстить отечеству за его поступок с ним – это лишить Англию чести воспитывать его сына.

– Как я могу положиться на наши отечественные учреждения, – объяснял он, – после того, что наши отечественные учреждения проделали со мной!

Прибавьте к этому, что мистер Блэк не любил мальчиков, включая и своего, и вы согласитесь, что это могло кончиться только таким путем. Мистер Фрэнклин был увезен из Англии и послан в учреждения, на которые его отец мог положиться, в такую превосходную страну, как Германия; сам мистер Блэк, заметьте, преспокойно остался в Англии, чтобы трудиться на пользу своих соотечественников в парламенте и чтобы представить отчет по делу о герцоге, – отчет, которого он не окончил и до сих пор.

Вот, слава богу, это рассказано. Ни вам, ни мне не следует ломать головы насчет мистера Блэка-старшего. Оставим его с его герцогством и обратимся к алмазу.

Алмаз возвращает нас к мистеру Фрэнклину, которому суждено было самым невинным образом внести этот несчастный камень к нам в дом.

Наш милый мальчик не забыл нас, когда уехал за границу. Время от времени он писал: иногда миледи, иногда мисс Рэчел, а иногда мне. Он перед своим отъездом занял у меня клубок веревок, перочинный нож с четырьмя лезвиями и семь шиллингов шесть пенсов, которых я обратно не получил и не надеюсь получить. Его письма ко мне относились все к новым займам; я слышал, однако, от миледи, как он поживал за границей с тех пор, как стал взрослым.

Научившись тому, чему могли научить его германские учреждения, он поехал во Францию, а потом в Италию; они сделали его там универсальным гением, насколько я мог понять. Он немножко писал, немножко рисовал, немножко пел, играл и сочинял, – заимствуя, как я подозреваю, во всех этих случаях, как он занимал у меня. Состояние его матери (семьсот фунтов в год) досталось ему, когда он сделался совершеннолетним, и прошло сквозь него, как сквозь решето. Чем больше у него было денег, тем больше он имел в них надобности; в кармане мистера Фрэнклина была дыра, которую никогда нельзя было зашить. Повсюду его веселость и непринужденность доставляли ему хороший прием. Он жил то тут, то там, и повсюду адрес его (как он сам его давал) был: «До востребования, Европа». Два раза решался он возвратиться в Англию и увидеться с нами, и два раза (с позволения сказать) какая-нибудь женщина удерживала его. Третья попытка удалась, как вам уже известно из того, что миледи сказала мне. В четверг 25 мая мы должны были в первый раз увидеть, каким мужчиной сделался наш милый мальчик. Он был хорошего происхождения, имел мужественный характер и двадцать пять лет от роду, по нашему расчету. Теперь вы знаете мистера Фрэнклина Блэка столько же, сколько и я, перед тем как мистер Фрэнклин Блэк приехал к нам.

В четверг была прекрасная летняя погода; миледи и мисс Рэчел, не ожидая приезда мистера Фрэнклина, поехали завтракать к каким-то друзьям по соседству.

Когда они уехали, я пошел осмотреть спальню, приготовленную для нашего гостя, и увидел, что все там в порядке. Потом, будучи не только дворецким, но и буфетчиком миледи (по моей собственной просьбе, заметьте: мне было неприятно, чтобы кто-нибудь владел ключами от погреба покойного сэра Джона), – потом, говорю, я вынул наш знаменитый латурский кларет и поставил его согреться до обеда на теплом летнем солнышке. Вздумав и сам посидеть на теплом летнем солнышке, – потому что если это хорошо для старого кларета, то хорошо и для старых костей, – я взял стул, чтоб выйти на

задний двор, когда меня остановил звук тихого барабанного боя, раздавшийся на террасе перед комнатами миледи.

Обойдя кругом террасу, я увидел смотревших на дом трех темнокожих индусов в белых полотняных блузах и штанах.

Когда я присмотрелся поближе, я заметил, что на шее у них висели маленькие барабаны. Перед ними стоял маленький, худенький белокурый английский мальчик, державший мешок. Я рассудил, что эти люди – странствующие фокусники, а мальчик с мешком носит орудия их ремесла. Один из троих, говоривший по-английски и имевший, должен признаться, самые изящные манеры, подтвердил мою догадку: он попросил позволения показать свои фокусы в присутствии хозяйки дома.

Я старик не угрюмый, люблю удовольствия и не стану не доверять человеку только потому, что его кожа потемнее моей. Но самые лучшие из нас имеют свои слабости, – а моя слабость в том, что, когда корзина с фамильным серебром вынута из кладовой, я немедленно вспомню об этой корзине при виде странствующего чужеземца, у которого манеры лучше моих. Поэтому я сообщил индусу, что хозяйки нет дома, и велел ему уйти с его товарищами. В ответ он ловко мне поклонился и ушел. Я, с своей стороны, вернулся к моему стулу и уселся на солнечной стороне двора, погрузившись, если говорить правду, не то чтобы в сон, а в состояние, весьма к нему близкое.

Меня разбудила дочь моя Пенелопа, примчавшаяся ко мне, как на пожар. Чем, вы думаете, было вызвано ее появление? Она, видите ли, потребовала, чтобы три индийских фокусника были немедленно отведены в полицию, по той причине, что будто бы они знали о приезде к нам из Лондона мистера Фрэнклина Блэка и имели намерение нанести ему вред.

Имя мистера Фрэнклина разбудило меня. Я открыл глаза и заставил дочь мою объясниться.

Оказалось, что Пенелопа только что вернулась из сторожки нашего привратника, куда она ходила поболтать с его дочерью. Обе

девушки видели, как выпровоженные мною индусы прошли в сопровождении мальчика. Почему-то забрав себе в голову, что эти иноземцы дурно обращаются с мальчиком, – не потому ли, что он был красив и слабого сложения? – обе девушки пробрались вдоль внутренней стороны живой изгороди, отделявшей нас от дороги, и стали смотреть, что будут делать индусы. А делать они стали странные штуки.

Сперва они оглядели со всех сторон дорогу, чтобы удостовериться, одни ли они. Потом все трое повернулись лицом к фасаду нашего дома и стали пристально в него вглядываться. Потом затараторили и заспорили на своем родном языке, глядя друг на друга с каким-то сомнением. Потом оборотились к английскому мальчику, как бы ожидая, что он поможет им. А потом главный индус, говоривший по-английски, приказал мальчику:

– Протяни руку!

Дочь моя Пенелопа, дойдя до этого места в рассказе, воскликнула, что она просто не понимает, как при таких страшных словах сердце не выскочило у нее из груди. Я подумал, грешным делом, что этому мог помешать корсет. Но вслух пробормотал только одно:

– Ох, меня мороз подирает по коже!

Nota bene: женщины любят такие маленькие уступки.

Когда индус потребовал: «Протяни руку!» – мальчик отступил на шаг, покачал головой и ответил, что ему не хочется. Индус спросил тогда (вовсе без гнева), уж не хочет ли он, чтобы его снова отправили в Лондон и оставили там, где нашли, спящим в пустой корзине на рынке, голодным, оборванным и бесприютным. Это, кажется, решило вопрос. Мальчуган неохотно протянул руку. Индус вынул из-за пазухи бутылку и налил из нее что-то черное, похожее на чернила, на ладонь мальчика. Потом, дотронувшись до головы мальчика и сделав над нею в воздухе какие-то знаки, сказал:

– Гляди.

Мальчик замер на месте и стоял как статуя, глядя на чернила, налитые на его ладонь...

До сих пор все эти проделки индусов в рассказе Пенелопы казались мне фокусами вместе с пустой тратой чернил. Я было снова погрузился в дрему, но последующие слова Пенелопы сразу разогнали мой сон.

Индусы опять зорко оглядели дорогу, и главарь их сказал мальчику:

– Где сейчас англичанин, приехавший из чужих краев?

Мальчик ответил:

– Я его вижу.

Индус сказал:

– По этой или по другой дороге приедет англичанин сегодня?

Мальчик ответил:

– По этой дороге, а не по другой, приедет сегодня англичанин.

Помолчав, индус задал новый вопрос:

– Имеет ли англичанин *это* при себе?

Мальчик ответил, также после короткого молчания:

– Имеет.

Тогда индус задал четвертый и последний вопрос:

– Приедет ли англичанин сюда, как обещал, к вечеру?

Мальчик ответил:

– Не могу сказать.

Индус спросил почему. Мальчик ответил:

– Я устал. У меня в глазах туман, и он мне мешает. Сегодня не могу ничего больше видеть.

На этом вопросы закончились. Индус сказал что-то на своем языке другим двум своим спутникам, указывая на мальчика и на город, в котором (как мы узнали после) они остановились. Потом, снова сделав знаки над головой мальчика, дунул ему в лоб; тот вздрогнул и очнулся. После этого все отправились в город, и девушки уже не видели их более.

Говорят, что почти изо всего можно вывести мораль, если только вы постараетесь отыскать ее. Какую же мораль можно было вывести из всего этого?

Я рассудил, что, во-первых, главный фокусник слышал из разговора прислуги у ворот о приезде мистера Фрэнклина и увидел возможность заработать деньги. Во-вторых, что он, его товарищи и мальчик имели намерение (с целью заработать деньги) пошататься где-нибудь поблизости, куда миледи не приедет домой, а потом воротиться и предсказать ей приезд мистера Фрэнклина как бы по волшебству. В-третьих, что Пенелопа слышала их репетицию, такую же, как у актеров, репетирующих свою пьесу. В-четвертых, что мне не худо в этот вечер присмотреть за столовым серебром. В-пятых, что Пенелопе хорошо бы успокоиться и оставить своего отца опять вздремнуть на солнышке.

Это показалось мне самым благоразумным заключением. Если вы хоть сколько-нибудь знаете молодых женщин, вы не удивитесь, услышав, что Пенелопа не разделяла моего мнения. По словам моей дочери, дело было очень серьезное. Она особенно напомнила мне третий вопрос индуса: «Имеет ли англичанин *это* при себе?»

– О батюшка! – воскликнула Пенелопа, всплеснув руками. – Не шутите с этим! Что значит *это*?

– Мы спросим мистера Фрэнклина, душа моя, – сказал я, – если можешь подождать, пока приедет мистер Фрэнклин.

Я подмигнул, показывая этим, что шучу. Но Пенелопа приняла мои слова совершенно серьезно. Ее озабоченный вид подстрекнул меня.

– Откуда может знать это мистер Фрэнклин? – сказал я.

– Спросите его, – ответила Пенелопа. – И вы увидите, считает ли *он* это забавным.

Пустив в меня последней парфянской стрелой, дочь моя ушла.

Я решил после ее ухода действительно спросить мистера Фрэнклина, хотя бы для успокоения Пенелопы. О нашем с ним разговоре в этот же самый день вы узнаете в своем месте. Но так как я не желаю возбуждать ваше любопытство и держать его неудовлетворенным, прошу разрешения сразу же, прежде чем мы пойдем дальше, предупредить вас, что в нашем с ним разговоре о фокусниках не было и тени шутливости. К моему величайшему

удивлению, мистер Фрэнклин, как и Пенелопа, принял это известие серьезно. Вы поймете, насколько серьезно, когда узнаете, что, по его мнению, это означало Лунный камень.

Глава 4

Мне, право, стыдно занимать ваше внимание собой и своим соломенным стулом. Сонный старик на солнечном заднем дворе – предмет малоинтересный, я это прекрасно знаю. Но рассказ должен идти своим чередом, и вам придется помешкать еще немного со мною в ожидании приезда мистера Фрэнклина Блэка.

Прежде чем я снова успел вздремнуть по уходе дочери, меня разбудило брэнчанье тарелок и блюд в людской, означавшее, что обед готов. Сам я обедаю в своей комнате, и до общего обеда в людской мне дела нет, а потому мне оставалось лишь пожелать им всем хорошего аппетита и опять успокоиться на своем стуле. Только что вытянул я с этой целью ноги, как прибежала другая женщина. Не дочь моя на этот раз, а Нэнси, судомойка. Я загородил ей дорогу и подметил, что, когда она просила меня пропустить ее, лицо ее было надуту, – а этого, из принципа, как глава прислуги, я никогда не пропускаю без исследования:

– Это почему вы убежали из-за стола? Что случилось, Нэнси?

Нэнси постаралась ускользнуть не отвечая, но я взял ее за ухо. Она премиленькая, толстенькая, молоденькая девушка, и я имею обыкновение показывать таким образом свое дружеское внимание к ней.

– Розанна опять опоздала к обеду, – ответила она, – и меня послали за ней. Все трудные работы падают на мои плечи в этом доме. Пустите меня, мистер Беттередж!

Розанна была наша вторая служанка. Так как я чувствовал сострадание к нашей второй служанке (вы сейчас узнаете почему) и видел по лицу Нэнси, что она побежит и обрушится на свою подругу

с бранными словами, которых обстоятельства вовсе не требовали, мне пришло в голову, что у меня сейчас нет никакого дела и что я сам могу сходить за Розанной, намекнув ей быть вперед исправнее. Я знал, что она терпеливо перенесет это от меня.

– Где Розанна? – спросил я.

– Разумеется, на песках! – ответила Нэнси, качая головой. – Ей, видите ли, опять дурно, и она отпросилась подышать свежим воздухом. Она выводит меня из себя!

– Воротись обедать, моя милая, – сказал я, – она не выводит меня из себя, и я за ней схожу.

Нэнси (у нее прекрасный аппетит) осталась довольна. Когда у нее довольный вид, она мила; тогда я треплю ее по подбородку. Это не безнравственно – это привычка.

И вот я взял палку и отправился на пески.

Нет! Так дальше дело не пойдет. Мне жаль, что я опять вас задерживаю, но вам непременно надо выслушать историю песков и историю Розанны, – по той причине, что дело об алмазе тесно связано с ними. Как прилежно стараюсь я вести рассказ не останавливаясь и как плохо мне это удается! Но что же делать! Люди и вещи перепутываются таким досадным образом в этой жизни и сами напрашиваются на ваше внимание. Примем это спокойно, расскажем коротко, и мы скоро проникнем в самую глубь тайны, обещаю вам!

Розанна (говорить о лице прежде, чем о вещи, требует простая вежливость) была единственной новой служанкой в нашем доме. Месяца за четыре до того времени, о котором я пишу, миледи была в Лондоне и ездила в исправительное заведение, имевшее целью не допускать преступниц, освобожденных из тюрьмы, снова возвращаться к дурной жизни. Начальница, видя, что миледи интересуется этим учреждением, указала ей на одну девушку, по имени Розанна Спирман, и рассказала очень печальную историю, которую у меня не хватает здесь духу повторить, потому что я не люблю волновать себя без нужды, да, верно, и вы также. Дело в том,

что Розанна Спирман была воровка, но не из тех воров, которые орудуют целыми конторами в Сити и крадут не из крайней нужды раз в жизни, а обкрадывают тысячи людей; она попала в руки полиции, ее посадили в тюрьму, а потом направили в исправительный дом. Мнение начальницы о Розанне было (несмотря на ее прежние поступки), что это девушка, каких мало, и что ей только нужен случай, для того чтобы показать себя достойной участия любого доброго человека. Миледи (будучи столь добрым человеком, что другого такого и сыскать было бы трудно) сказала начальнице:

– Розанна Спирман найдет этот случай у меня в услужении.

Через неделю Розанна Спирман поступила к нам в дом второй служанкой. Ни одной душе не была рассказана история этой девушки, кроме мисс Рэчел и меня. Миледи, удостоившая советоваться со мною во многом, посоветовалась со мной и по поводу Розанны. Переняв в последнее время привычку покойного сэра Джона всегда соглашаться с миледи, я искренне согласился с ней и насчет Розанны Спирман.

Редко представляется лучший случай, чем тот, какой выпал этой бедной девушке. Ни одна живая душа из прислуги не могла попрекнуть ее прошлым, потому что никто его не знал. Она получала жалованье и пользовалась преимуществами наравне со всеми остальными, и время от времени миледи дружеским словом поощряла ее. Зато, должен сказать, и она оказалась достойной такого ласкового обращения. Хотя она была далеко не крепкого здоровья и подвержена иногда обморокам, о которых я упоминаю ниже, она исполняла свое дело скромно и безропотно, старательно и хорошо. Но как-то не приобрела друзей между служанками, кроме моей дочери Пенелопы, которая была обычно ласкова с Розанной, хотя и не очень близка с ней.

Не знаю, почему эта девушка не нравилась им. В ней не было красоты, которая возбуждала бы в других зависть; она была самая некрасивая девушка во всем доме, и вдобавок одно плечо ее было

выше другого. Я думаю, что слугам больше всего не нравились ее молчаливость и склонность к уединению. Она читала или работала в свободные часы, когда другие болтали между собой. А когда приходила ее очередь отдыхать, в девяти случаях из десяти она спокойно надевала шляпку и отправлялась погулять одна. Она никогда не ссорилась, никогда не обижалась; она только упорно и вежливо держалась поодаль от всех. Прибавьте к этому, что при всей ее некрасивости в ней было что-то похожее не на служанку, а на благородную госпожу. Может быть, это проявлялось в ее голосе, может быть – в лице. Я могу только сказать, что другие женщины подметили это с самого первого дня, когда она поступила к нам в дом, и утверждали (совершенно несправедливо), что Розанна Спирман важничает.

Рассказав историю Розанны, я должен упомянуть об одной из многих причуд этой странной девушки, а потом уже перейти к истории песков.

Дом наш стоит высоко на йоркширском берегу, возле самого моря. Около нас есть прекрасные места для прогулки – во всех направлениях, кроме одного. По-моему, это пренеприятная прогулка. С четверть мили идешь по печальному сосновому лесу и, пройдя между низкими утесами, оказываешься в самой уединенной и безобразной бухте на всем нашем берегу.

Песчаные холмы спускаются тут к морю и оканчиваются двумя остроконечными скалами, выступающими из воды друг против друга. Одна называется Северным, а другая – Южным утесом. Между этими двумя скалами лежат самые ужасные зыбучие пески на всем йоркширском побережье. Во время отлива что-то происходит в их глубине, заставляя всю поверхность песков колебаться самым необычным образом. Поэтому здешние жители и называли их Зыбучими песками. Большая насыпь, тянувшаяся на полмили возле устья бухты, сдерживает напор океана. И зимой и летом, когда прилив заливал пески, море как будто оставляет свои волны на насыпи, катит их, тихо вздымаясь, и бесшумно покрывает песок.

Уединенное и страшное место, могу уверить вас. Ни одна лодка не осмеливается входить в эту бухту. Дети из нашей рыбацкой деревни, называемой Коббс-холл, никогда не приходят сюда играть. Даже птицы, как мне кажется, летят подальше от Зыбучих песков. Чтобы молодая женщина в часы своего отдыха, имея возможность выбрать из десяти приятных прогулок любую и всегда найти спутников, которые были бы готовы пойти с нею, если бы только она сказала: «Пойдемте!» – предпочла такое место и работала или читала тут совсем одна, – это превосходит всякое вероятие, уверяю вас. Однако – объясняйте, как хотите – это была любимая прогулка Розанны Спирман. Только раз или два ходила она в Коббс-холл, к единственному другу, которого имела в наших местах и о котором я скажу вам впоследствии. Теперь я иду к этому самому месту звать девушку обедать. И это благополучно возвращает нас к началу рассказа и направляет опять в сторону песков.

Я не встретил девушку в сосновом лесу. Когда я вышел песчаными холмами к берегу, я увидел ее, в маленькой соломенной шляпке и в простом сером плаще, который она всегда носит, чтобы скрыть, насколько возможно, свое уродливое плечо. Она сидела одна и смотрела на море и на пески.

Она вздрогнула, когда я подошел к ней, и отвернулась от меня. Как глава прислуги, я из принципа никогда не пропускаю без исследования, почему мне не смотрят прямо в лицо; я повернул ее к себе и увидел, что она плачет. Мой носовой платок – один из полдюжины прекраснейших фуляровых носовых платков, подаренных мне миледи, – лежал у меня в кармане. Я вынул его и сказал Розанне:

– Пойдемте и сядем со мной, моя милая, на покато́м берегу. Я сперва вытру вам глаза, а потом осмелюсь спросить, о чем вы плакали.

Когда вы доживете до моих лет, вы узнаете, что сесть на покато́м берегу занимает гораздо больше времени, чем кажется вам теперь. Пока я усаживался, Розанна вытерла себе глаза своим носовым

платком, который был гораздо хуже моего, – дешевый кембриковый. Она казалась очень спокойной и очень несчастной, но села возле меня, как послушная девочка, лишь только я ей велел. Если вы желаете поскорее утешить женщину, посадите ее к себе на колени. Я вспомнил об этом золотом правиле, но Розанна не Нэнси, вот в том-то и дело!

– Теперь скажите мне, моя милая, – продолжал я, – о чем вы плакали?

– О прошедших годах, мистер Беттередж, – спокойно ответила Розанна. – Моя прошлая жизнь иногда приходит мне на ум.

– Полно, полно, милая моя, – сказал я, – ваша прошлая жизнь вся заглажена. Почему бы вам не забыть о ней?

Она взяла меня за полу сюртука. Я старик неопрятный и пачкаю платье, когда ем и пью. То одна женщина, то другая отчищают мою одежду. Накануне Розанна вывела пятно с полы моего сюртука каким-то новым составом, уничтожающим всевозможные пятна. Жир вышел, но на сукне осталось темное пятнышко. Девушка указала на это место и покачала головой.

– Пятно снято, – сказала она, – но место, на котором оно было, все еще видно, мистер Беттередж, место видно!

На замечание, сделанное человеку невзначай, по поводу его собственного сюртука, ответить не так-то легко. Что-то в самой девушке заставило меня особенно пожалеть о ней в эту минуту. У нее были карие прекрасные глаза, хотя она была некрасива вообще, – и она смотрела на меня с каким-то уважением к моей счастливой старости и к моей репутации, как на нечто, чего сама она никогда достигнуть не сможет; и мое старое сердце наполнилось состраданием к нашей второй служанке. Так как я не чувствовал себя способным утешить ее, мне оставалось сделать только одно – повести ее обедать.

– Помогите мне встать, – сказал я. – Вы опоздали к обеду, Розанна, и я пришел за вами.

– Вы, мистер Беттередж! – сказала она.

– За вами послали Нэнси, – продолжал я, – но я подумал, что от меня вы лучше примете маленькую укоризну.

Вместо того чтобы помочь мне встать, бедняжка тихо пожала мне руку. Она силилась удержаться от слез и успела в этом, за что я стал уважать ее.

– Вы очень добры, мистер Беттередж, – сказала она. – Я не хочу обедать сегодня, позвольте мне подольше посидеть здесь.

– Почему вы любите здесь бывать? – спросил я. – Что заставляет вас постоянно приходить в это печальное место?

– Что-то привлекает меня сюда, – сказала девушка, выводя пальцем фигуры на песке. – Я стараюсь не приходить сюда – и не могу. Иногда, – прибавила она тихо, как бы пугаясь своей собственной фантазии, – иногда, мистер Беттередж, мне кажется, что моя могила ждет меня здесь.

– Вас ждет жареная баранина и пудинг с салом! – сказал я. – Ступайте сейчас обедать. Вот что получается, Розанна, когда философствуешь на голодный желудок.

Я говорил строго, чувствуя естественное негодование (в мои лета) на двадцатипятилетнюю женщину, говорящую о смерти.

Она как будто не слыхала моих слов. Она положила руку на мое плечо и удержала меня возле себя.

– Мне кажется, это место околдовало меня, – сказала она. – Я мечтаю о нем днем и ночью, думаю о нем, когда сижу за шитьем. Вы знаете, я так признательна, мистер Беттередж; вы знаете, я стараюсь заслужить вашу доброту и доверие ко мне миледи. Но я спрашиваю себя иногда: не слишком ли спокойна и хороша здешняя жизнь для такой женщины, как я, после всего, что я вынесла? Я чувствую себя более одинокой между слугами, чем когда я здесь, сознавая, что я не такова, как они. Миледи не знает, начальница исправительного дома не знает, каким страшным упреком честные люди служат сами по себе такой женщине, как я. Не браните меня, милый, добрый мистер Беттередж. Я исполняю свое дело, не так ли? Пожалуйста, не

говорите миледи, что я недовольна. Я довольна всем. Душа моя неспокойна иногда, вот и все.

Она сняла руку с моего плеча и вдруг указала мне на пески.

– Посмотрите! – сказала она. – Не удивительно ли? Не страшно ли это? Я видела это раз двадцать, но это ново для меня, как будто я никогда не видела его прежде.

Я взглянул, куда она указывала. Начался отлив, и страшный песок стал колебаться. Широкая коричневая поверхность его медленно поднималась, а потом вся задрожала.

– Знаете, на что это похоже? – сказала Розанна, опять схватив меня за плечо. – Это похоже на то, будто сотня людей задыхается под этим песком, – люди селятся выйти на поверхность и тонут все глубже в его страшной глубине. Бросьте камень, мистер Беттередж. Бросьте камень, и посмотрим, как втянет его песок!

Вот сумасбродные-то речи! Вот как голодный желудок действует на растревоженную душу! Ответ мой (правда резкий, но на пользу бедной девушке, уверяю вас!) вертелся у меня на языке, когда его внезапно остановил голос из-за песчаных холмов, звавший меня по имени.

– Беттередж! – кричал этот голос. – Где вы?

– Здесь! – закричал я в ответ, не понимая, кто бы это мог быть.

Розанна вскочила и стала смотреть в ту сторону, откуда слышался голос. Я сам собирался уже подняться, но тут меня испугала внезапная перемена в лице девушки.

Лицо ее покрылось таким прекрасным румянцем, какого я никогда не видел у нее прежде; она как будто вся просияла от безмолвного и радостного изумления.

– Кто это? – спросил я.

Розанна повторила мой же вопрос.

– О! Кто это? – сказала она тихо, скорее про себя, чем говоря со мною.

Я повернулся и стал смотреть в ту сторону. К нам подходил между холмами молодой человек с блестящими глазами, в прекрасном

сером костюме, в таких же перчатках и шляпе, с розаном в петлице и с улыбкой на лице, которая могла бы вызвать в ответ улыбку даже у Зыбучих песков. Прежде чем я успел стать на ноги, он прыгнул на песок возле меня, бросился мне на шею, по иностранному обычаю, и так крепко обнял, что из меня чуть дух не вылетел.

– Милый старичок Беттередж, – сказал он, – я должен вам семь шиллингов и шесть пенсов. Теперь вы знаете, кто я?

Господи, спаси нас и помилуй! Это был приехавший на четыре часа раньше, чем мы его ожидали, мистер Фрэнклин Блэк!

Прежде чем я успел сказать слово, я увидел, что мистер Фрэнклин с удивлением смотрит на Розанну. Следя за направлением его глаз, я тоже посмотрел на девушку; она покраснела больше прежнего, может быть потому, что встретилась глазами со взглядом мистера Фрэнклина, повернулась и вдруг ушла от нас в замешательстве, совершенно для меня непонятном, не поклонившись молодому джентльмену и не сказав мне ни слова, что совсем не походило на нее: более вежливой и приличной служанки трудно было найти.

– Какая странная девушка! – сказал мистер Фрэнклин. – Желал бы я знать, что такого удивительного нашла она во мне?

– Я полагаю, сэр, – ответил я, подтрунивая над континентальным воспитанием нашего молодого джентльмена, – ее удивил ваш заграничный лоск.

Я привел здесь небрежный вопрос мистера Фрэнклина и мой глупый ответ в утешение и поощрение всем глупым людям, ибо я заметил, что ограниченным людям служит большим утешением сознание, что и те, которые умнее их, при случае поступают не лучше, чем они. Ни мистеру Фрэнклину с его удивительным заграничным воспитанием, ни мне, в моих летах, с моею опытностью и природным умом, не пришло в голову, что значило непонятное смущение Розанны Спирман. Мы перестали думать о бедняжке, прежде чем скрылся за песчаными холмами ее серый плащ. «Что ж из этого?» – спросите вы весьма естественно. Читайте,

добрый друг, терпеливо, и, может быть, вы пожалеете Розанну Спирман так же, как пожалел ее я, когда узнал всю правду.

Глава 5

Когда мы остались одни, я прежде всего сделал третью попытку приподняться с песка. Мистер Фрэнклин остановил меня.

– В этом страшном месте есть одно преимущество, – сказал он, – мы здесь одни. Не вставайте, Беттередж, я должен сказать вам кое-что.

Покуда он говорил, я смотрел на него и старался найти сходство с мальчиком, которого помнил, в мужчине, находившемся передо мною. Мужчина сбил меня с толку. Как я ни смотрел, я так же мало мог бы узнать румяные щечки мальчика, как и его детскую карточку. Цвет лица мистера Фрэнклина сделался бледным, а нижняя часть лица покрылась, к моему величайшему удивлению и разочарованию, кудрявой каштановой бородкой и усами. Его живая развязность была очень приятна и привлекательна, я с этим согласен, но она не могла сравниться с его прежней непринужденностью обращения. Что еще хуже, он обещал сделаться высоким и не сдержал обещания. Он был гибок, строен и хорошо сложен, но ни на крошечку не выше среднего роста. Словом, он совершенно обманул мои ожидания. Годы не оставили в нем ничего прежнего, кроме светлого, прямого взгляда глаз. В этом я опять узнал нашего милого мальчика и этим заключил свои исследования.

– Добро пожаловать в родное местечко, мистер Фрэнклин, – сказал я. – Тем приятнее видеть вас, что вы приехали несколькими часами ранее, чем мы ожидали.

– У меня была причина приехать раньше, мистер Беттередж, – ответил мистер Фрэнклин. – Я подозревал, Беттередж, что за мной следили и подстерегали меня в Лондоне три или четыре дня, и я

приехал с утренним, а не с последним поездом, потому что мне хотелось ускользнуть от одного иностранца мрачной наружности.

Слова эти чрезвычайно удивили меня. В голове моей промелькнула, как молния, мысль о трех фокусниках и о предположении Пенелопы, что они намерены нанести какой-то вред мистеру Фрэнклину Блэку.

– Кто следил за вами, сэр, и почему? – спросил я.

– Расскажите мне о трех индусах, которые были у вас сегодня, – продолжал мистер Фрэнклин, не обращая внимания на мой вопрос. – Может быть, Беттередж, мой иностранец и три фокусника окажутся друг другу сродни.

– А как вы узнали о фокусниках, сэр? – спросил я, отвечая на вопрос вопросом.

Я сознаю, что это был очень дурной тон. Но ведь вы не ожидаете многого от бедной человеческой природы, – не ожидайте же многого и от меня.

– Я видел Пенелопу, – продолжал мистер Фрэнклин, – и она рассказала мне. Ваша дочь обещала сделаться хорошенькой, Беттередж, и сдержала свое обещание. У Пенелопы маленькие уши и маленькие ноги. Разве покойная миссис Беттередж обладала этими неоцененными преимуществами?

– Покойная миссис Беттередж обладала множеством недостатков, сэр, – сказал я. – Один из них – если вы позволите упомянуть о нем – состоял в том, что она никогда ничем не занималась серьезно. Она скорее походила на муху, чем на женщину, она не могла остановиться ни на чем.

– Она пришлась бы как раз по мне, – заметил мистер Фрэнклин. – Я также не останавливаюсь ни на чем. Беттередж, вы сделались еще остроумнее прежнего. Ваша дочь упомянула об этом, когда я расспрашивал ее подробно о фокусниках. «Батюшка вам все расскажет, сэр, он удивительный человек для своих лет и выражается бесподобно» – собственные слова Пенелопы; при этом она божественно покраснела. При всем моем уважении к вам я не

удержался от того, чтобы... Впрочем, это пустяки; я знал ее, когда она была ребенком, и она не сделалась от этого для меня хуже. Будем говорить серьезно. Что делали тут фокусники?

Я был не совсем доволен своей дочерью – не за то, что она позволила мистеру Фрэнклину поцеловать себя – мистеру Фрэнклину это дозволено, – но за то, что она заставила меня повторять эту глупую историю. Однако делать было нечего, пришлось снова пересказывать все обстоятельства. Веселость мистера Фрэнклина пропадала, по мере того как я говорил. Он сидел, нахмутив брови и дергая себя за бороду. Когда я кончил, он повторил два вопроса, которые главный фокусник задал мальчику, – вероятно для того, чтобы хорошенько запечатлеть их в своей памяти.

– «По этой дороге, а не по другой приедет сегодня англичанин? Имеет ли англичанин *это* при себе?» Я подозреваю, – сказал мистер Фрэнклин, вынимая из кармана маленький запечатанный пакет, – что это значит вот что: это, Беттередж, значит – знаменитый алмаз дяди моего Гернкастла.

– Великий Боже, сэр! – вскричал я. – Как к вам попал алмаз нечестивого полковника?

– Нечестивый полковник в завещании своем отказал этот алмаз в подарок кухне моей Рэчел в день ее рождения, – ответил мистер Фрэнклин, – а мой отец, как душеприказчик нечестивого полковника, поручил мне привезти его сюда.

Если бы море, тихо плескавшееся по зыбучему песку, вдруг превратилось перед моими глазами в сушу, – сомневаюсь, удивило ли бы меня это более, чем слова мистера Фрэнклина.

– Полковник отказал алмаз мисс Рэчел? – воскликнул я. – А ваш отец, сэр, душеприказчик полковника? Ну, готов биться об заклад на что угодно, мистер Фрэнклин, что ваш отец не захотел бы дотронуться до полковника даже щипцами!

– Сильно сказано, Беттередж. Что дурного можно сказать о полковнике? Он принадлежал к вашему времени, не к моему.

Расскажите мне, что вы знаете о нем, а я расскажу вам, как отец мой сделался его душеприказчиком, и еще кое о чем. Я сделал в Лондоне некоторые открытия по поводу моего дяди Гернкастла и его алмаза, которые кажутся мне не совсем благовидными, и я хотел бы знать, подтверждаете ли вы их. Вы назвали его сейчас «нечестивым». Поищите-ка в вашей памяти, старый друг, и скажите мне почему.

Видя, что он говорит серьезно, я рассказал ему все, что знал.

Вот сущность моего рассказа, приводимая здесь единственно для вас. Будьте внимательны, а то вы совсем собьетесь с толку, когда мы зайдем подальше в этой истории. Выкиньте из головы детей, обед, новую шляпку и что бы там ни было. Постарайтесь забыть политику, лошадей, биржевой курс в Сити и неприятности в вашем клубе. Надеюсь, вы не рассердитесь на мою смелость; я пишу это только для того, чтобы возбудить ваше внимание, любезный читатель. Боже, разве я не видел в ваших руках величайших авторов и разве я не знаю, как легко отвлекается ваше внимание, когда его просит у вас книга, а не человек?!

Я упоминал выше об отце миледи, старом лорде с крутым нравом и длинным языком. У него было всего-навсего пять человек детей. Сначала два сына; потом, после довольно долгого времени, жена его опять сделалась беременна, и три молодые девицы появились на свет одна за другой так скоро, как только позволила это природа; моя госпожа, как уже было упомянуто, была самая младшая и самая лучшая из трех. Из двух сыновей старший, Артур, наследовал титул и имение отца. Второй, высокородный Джон, получил прекрасное состояние, оставленное ему одним родственником, и определился на военную службу.

Дурна та птица, которая пачкает свое собственное гнездо. Я считаю благородную фамилию Гернкастлов своим гнездом и почту за милость, если мне позволят не входить в подробности о высокородном Джоне. Я глубоко убежден, что это один из величайших негодяев, когда-либо существовавших на свете. Он начал службу с гвардейского полка. Он должен был уйти оттуда,

прежде чем ему миновало двадцать два года, – умолчу, по какой причине. Слишком большая строгость в армии была не по силам высокородному Джону. Он отправился в Индию посмотреть, так же ли там строго, и понюхать пороху. Что касается храбрости, то, надо отдать ему справедливость, он был смесью бульдога, боевого петуха и дикаря. Гернкастл участвовал во взятии Серингапатама. Вскоре после этого он перешел в другой полк, а впоследствии и в третий. Тут он был произведен в полковники, получил солнечный удар и вернулся в Англию.

Он приехал с такой репутацией, что перед ним заперлись двери всех его родных; миледи (только что вышедшая замуж) первая объявила (с согласия своего мужа), что ее брат никогда не войдет к ней в дом. Запятнанная репутация полковника заставляла людей избегать его; но мне надо здесь упомянуть только об одном пятне, связанном с алмазом.

Говорят, что он, несмотря на свою смелость, никому не признавался, каким путем завладел этой индийской драгоценностью. Он никогда не пытался продать алмаз, не нуждаясь в деньгах и (опять надо отдать ему справедливость) не дорожа ими. Он никому его не дарил и не показывал ни одной живой душе. Одни говорили, будто он опасается, как бы это не навлекло на него неприятности от начальства; другие (не знавшие натуру этого человека) утверждали, что, если он покажет алмаз, это может стоить ему жизни.

В последних слухах, может статья, и есть доля правды. Было бы несправедливо назвать его трусом, но это факт, что жизнь его два раза подвергалась опасности в Индии, и все твердо были убеждены, что Лунный камень тому причиной. Когда полковник вернулся в Англию и все начали его избегать, это опять-таки было приписано Лунному камню. Тайна жизни полковника мешала ему во всем, она изгнала его из среды соотечественников. Мужчины не пускали его в свои клубы; женщины (а их было немало), на которых он хотел жениться, отказывали ему; друзья и родственники вдруг делались близоруки, встречаясь с ним на улице.

Другие в таких затруднительных обстоятельствах постарались бы оправдаться перед светом. Но уступить, даже когда он не прав и когда все общество восстало против него, было не в привычках высокородного Джона. Он держал при себе алмаз в Индии, желая показать, что не боится быть убитым. Он оставил при себе алмаз в Англии, желая показать, что презирает общественное мнение. Вот вам портрет этого человека, как на полотне: характер, шедший всему наперекор, и лицо хотя красиво, но с дьявольским выражением.

Время от времени до нас доходили о нем самые различные слухи. Рассказывали, будто он стал курить опиум и собирать старые книги; будто он производит какие-то странные химические опыты; будто он пьянствует и веселится с самыми низкими людьми в самых низких лондонских трущобах. Как бы то ни было, полковник вел уединенную, порочную, таинственную жизнь; один раз – только один раз, – после его возвращения в Англию, я сам видел его лицом к лицу.

Года за два до того времени, о котором я теперь пишу, и года за полтора до своей смерти полковник неожиданно приехал в дом к миледи в Лондоне. Это было в день рождения мисс Рэчел, двадцать первого июля, и в честь этого дня, по обыкновению, собирались гости. Лакей пришел сказать мне, что какой-то господин желает меня видеть.

Войдя в переднюю, я нашел полковника, похудевшего, состарившегося, изнуренного и оборванного, но по-прежнему дерзкого и злого.

«Ступайте к моей сестре, – сказал он, – и доложите, что я приехал пожелать моей племяннице много раз счастливо встретить этот день».

Он уже несколько раз пытался письменно примириться с миледи, – только для того (я твердо в этом убежден), чтобы сделать ей неприятность. Но к нам в дом он приехал в первый раз. У меня вертелось на языке сказать ему, что у миледи гости. Но дьявольское выражение его лица испугало меня. Я пошел передать его поручение

и, по собственному его желанию, оставил полковника ждать ответа в передней. Слуги таращили на него глаза, стоя поодаль, как будто он был ходячей разрушительной машиной, начиненной порохом и ядрами, каждую минуту способной произвести между ними взрыв.

Миледи также обладает – крошечку, не более, – фамильной горячностью.

«Скажите полковнику Гернкастлу, – сказала она, когда я передал ей поручение ее брата, – что мисс Вериндер занята, а я не хочу его видеть».

Я старался уговорить миледи дать ответ повежливее, зная, что полковник не поклонник той сдержанности, которой вообще подчиняются джентльмены. Совершенно бесполезно. Фамильная горячность тотчас обратилась на меня.

«Когда мне нужен ваш совет, – сказала миледи, – вы знаете, что я сама спрашиваю его. Теперь я вас не спрашиваю».

Я пошел вниз с этим поручением, взяв на себя смелость передать его в новом и исправленном виде.

«Миледи и мисс Рэчел сожалеют, что они заняты, полковник, – сказал я, – и просят извинить за то, что они не будут иметь чести видеть вас».

Я ожидал от него вспышки даже при той вежливости, с какою я передал ответ миледи. К удивлению моему, ничего подобного не случилось: полковник испугал меня, приняв это с неестественным спокойствием. Глаза его, серые, блестящие, с минуту были устремлены на меня; он засмеялся, не громко, как другие люди, а про себя, тихо и страшно зло.

«Благодарю вас, Беттередж, – сказал он, – я буду помнить день рождения моей племянницы».

С этими словами он повернулся и вышел из дома.

Когда через год снова наступил день рождения мисс Рэчел, мы услышали, что полковник болен и лежит в постели. Полгода спустя, то есть за полгода до того времени, о котором я теперь пишу, миледи получила письмо от одного весьма уважаемого пастора. Оно

сообщало ей о двух удивительных семейных новостях. Во-первых, о том, что полковник простил своей сестре на смертном одре; во-вторых, о том, что простил он и всем другим и принял весьма назидательную кончину. Я сам (несмотря на епископов и пасторов) имею нелицемерное уважение к церкви, но я убежден, что высокородный Джон постоянно находился во власти дьявола и что последний гнусный поступок в жизни этого гнусного человека состоял в том (с позволения вашего сказать), что он обманул священника.

Вот сущность моего рассказа мистеру Фрэнклину. Я заметил, что он слушает все более внимательно по мере продолжения рассказа и что сообщение о том, как сестра не приняла полковника в день рождения его племянницы, по-видимому, поразило мистера Фрэнклина, словно выстрел, попавший в цель. Хотя он в этом и не сознался, я увидел довольно ясно по его лицу, как это растревожило его.

– Вы рассказали все, что знали, Беттередж, – заметил он. – Теперь моя очередь. Но, прежде чем рассказать вам, какие открытия я сделал в Лондоне и каким образом был замешан в это дело с алмазом, мне хочется знать следующее. По вашему лицу видно, мой старый друг, что вы как будто не совсем понимаете, к какой цели ведет наше совещание. Обманывает ли меня ваше лицо?

– Нет, сэр, – ответил я. – Мое лицо, по крайней мере в данном случае, говорит правду.

– Ну, так я постараюсь, – сказал мистер Фрэнклин, – убедить вас разделить мою точку зрения, прежде чем мы пойдем далее. Я усматриваю три очень серьезных вопроса, связанных с подарком полковника в день рождения моей кузины Рэчел. Слушайте меня внимательно, Беттередж, и пересчитывайте по пальцам, если это поможет вам, – сказал мистер Фрэнклин, находя некоторое удовольствие в показе своей собственной дальновидности, что хорошо напомнило мне те прежние времена, когда он был мальчиком. – Вопрос первый: был ли алмаз полковника предметом

заговора в Индии? Вопрос второй: последовал ли заговор за алмазом полковника в Англию? Вопрос третий: знал ли полковник, что заговор последовал за алмазом, и не с умыслом ли оставил он в наследство неприятности и опасность своей сестре через ее невинную дочь? Вот что хочу я узнать, Беттередж. Не пугайтесь!

Хорошо ему было предупредить меня, когда я уже перепугался.

Если он прав, в наш спокойный английский дом вдруг ворвался дьявольский индийский алмаз, а за ним заговор живых мошенников, спущенных на нас мщением мертвеца. Вот каково было наше положение, открывшееся мне в последних словах мистера Фрэнклина! Слыхано ли что-нибудь подобное – в девятнадцатом столетии, заметьте, в век прогресса, в стране, пользующейся благами британской конституции! Никто никогда не слышал ничего подобного, а следовательно, никто не может этому поверить. Тем не менее буду продолжать мой рассказ.

Когда вы вдруг испугаетесь до такой степени, как испугался я, этот испуг почти неминуемо скажется на вашем желудке, и внимание ваше отвлечется, вы начнете вертеться. Я молча заерзал, сидя на песке. Мистер Фрэнклин заметил, как я боролся со встревоженным желудком – или духом, если хотите, а это одно и то же, – и, остановившись именно в ту минуту, когда он готовился начать свой рассказ, спросил меня резко:

– Что такое с вами?

Что такое было со мной? Ему я не сказал, а вам скажу по секрету. Мне захотелось закурить трубку и почитать «Робинзона Крузо».

Глава 6

Оставив при себе свои чувства, я почтительно попросил мистера Фрэнклина продолжать. Мистер Фрэнклин ответил: «Не вертитесь, Беттередж!» – и продолжал.

Первые слова нашего молодого джентльмена разъяснили мне, что открытие, относящееся к нечестивому полковнику и к алмазу, он сделал (прежде чем приехать к нам) при посещении стряпчего своего отца в Хэмстеде. Мистер Фрэнклин случайно проговорился ему, когда они сидели вдвоем после обеда, что отец поручил ему отвезти мисс Рэчел подарок ко дню ее рождения. Слово за слово – беседа кончилась тем, что стряпчий открыл мистеру Фрэнклину, в чем состоял этот подарок и как возникли дружеские отношения между покойным полковником и мистером Блэком-старшим. Обстоятельства эти так необыкновенны, что я сомневаюсь, способен ли передать их своим языком. Предпочитаю изложить открытие мистера Фрэнклина его собственными словами.

– Вы помните то время, Беттередж, – сказал он, – когда отец мой пытался доказать свои права на это несчастное герцогство? Как раз в это самое время и возвратился из Индии дядя Гернкастл. Отец мой узнал, что у него есть какие-то бумаги, которые могут быть полезны для его процесса. Он поехал к полковнику под предлогом поздравить его с приездом в Англию. Но полковника не так-то легко было провести подобным образом. «Вам что-то от меня нужно, – сказал он, – иначе вы не решились бы рисковать своей репутацией, приехав ко мне». Отец мой понял, что ему больше ничего не остается, как откровенно признаться во всем; он тотчас сознался, что ему нужны бумаги. Полковник просил дать ему день на размышление. Ответ его пришел в виде чрезвычайно странного письма, которое приятель мой, стряпчий, показал мне. Полковник начал с того, что он сам имеет надобность в моем отце и предлагает ему дружескую услугу за услугу. Случайности войны (его собственное выражение!) доставили ему обладание одним из самых больших алмазов на свете, и он имеет основание думать, что ни сам он, ни его драгоценный камень не будут в безопасности ни в одном доме, ни в одной части света, если он оставит этот камень при себе. При таких рискованных обстоятельствах он решился отдать алмаз на хранение другому человеку. Этот человек лично не подвергается

никакому риску. Он может отдать драгоценный камень на хранение в любое место – как, например, банкиру или ювелиру, у которых есть особая кладовая для хранения драгоценностей. Его личная ответственность в этом деле будет пассивного свойства. Он будет получать – или сам, или через надежного поверенного – по заранее условленному адресу, в заранее условленные дни, каждый год письмо от полковника с простым извещением, что тот еще жив. В случае если письмо не будет получено в условленный день, молчание полковника может служить верным признаком того, что он убит. В таком случае, но не иначе, определенные инструкции относительно распоряжения алмазом, запечатанные и хранящиеся вместе с ним, должны быть вскрыты и безусловно исполнены. Если отец мой согласится принять это странное поручение, то бумаги полковника будут отданы в его распоряжение. Вот что заключалось в письме.

– Что же сделал ваш отец, сэръ? – спросил я.

– Что он сделал? – повторил мистер Фрэнклин. – Я вам скажу, что он сделал. Он применил отменную способность, называемую здравым смыслом, к оценке письма полковника. Он объявил, что все это – чистейший вздор. Где-то в своих странствованиях по Индии полковник подцепил какое-нибудь дрянное стеклышко, которое принял за алмаз. Что касается опасения быть убитым и принятия предосторожностей для сохранения его жизни и этого стеклышка, то ныне девятнадцатое столетие, и каждому здравомыслящему человеку стоит только обратиться к полиции. Известно, что полковник много лет уже употреблял опиум, и если единственный способ достать драгоценные бумаги состоит в том, чтобы принять бред опиума за факт, то отец мой был вполне готов принять на себя возлагаемую на него смешную ответственность тем охотнее, что она не навлечет на него никаких хлопот. Алмаз и запечатанные инструкции были отданы в кладовую банкира, а письма полковника, периодически сообщавшие, что он жив, получались и распечатывались стряпчим нашего семейства, мистером Бреффом,

поверенным моего отца. Ни один разумный человек в подобном положении не мог бы взглянуть на это дело иначе. Нам только то и кажется вероятным, Беттередж, что согласно с нашим собственным житейским опытом, и мы верим роману только тогда, когда прочтем его в газете.

Мне стало ясно, что сам мистер Фрэнклин считает мнение своего отца о полковнике опрометчивым и ошибочным.

– А каково ваше мнение об этом деле, сэр? – спросил я.

– Дайте прежде покончить с историей полковника, – ответил мистер Фрэнклин. – Для английского ума характерно отсутствие системы, и ваш вопрос, мой старый друг, служит этому примером. Когда мы перестаем делать машины, мы (в умственном отношении) самый неряшливый народ во всей вселенной!

«Вот оно заграничное-то воспитание! – подумал я. – Он, должно быть, во Франции научился подтрунивать над собственной нацией».

Между тем мистер Фрэнклин опять взялся за прерванную нить рассказа и продолжал:

– Отец мой получил нужные бумаги и с той поры не видал более своего шурина. Каждый год в заранее условленные дни заранее условленное письмо получалось от полковника и распечатывалось стряпчим Бреффом. Я видел целую кучу этих писем. Все они состояли из одной и той же краткой деловой фразы: «Сэр, это удостоверяет вам, что я еще жив; пусть алмаз остается по-прежнему. Джон Гернкастл». Вот все, что он писал, и приходило это аккуратно к назначенному дню. Но шесть или восемь месяцев тому назад форма письма изменилась в первый раз. Теперь там стояло: «Сэр, говорят, что я умираю. Приезжайте ко мне и помогите мне составить завещание». Стряпчий Брефф поехал и нашел полковника в маленькой пригородной вилле, с прилегающими к ней землями, где полковник жил один, с тех пор, как оставил Индию. Он держал собак, кошек и птиц для компании, но с ним не было ни единого человеческого существа, кроме приходящей служанки для присмотра за хозяйством и доктора. Завещание оказалось очень

простым. Полковник истратил большую часть своего состояния на химические опыты. Его завещание начиналось и кончалось тремя пунктами, которые он продиктовал в постели при полном обладании своими умственными способностями. В первом пункте он обеспечивал содержание и уход за своими животными. Вторым пунктом основывалась кафедра экспериментальной химии в одном из северных университетов. В третьем полковник завещал Лунный камень, как подарок ко дню рождения, своей племяннице, с условием, чтобы мой отец был его душеприказчиком. Отец начал было отказываться. Но, подумав немного, уступил: отчасти из-за уверенности, что обязанность душеприказчика не доставит ему никаких хлопот, отчасти из-за намека стряпчего, сделанного им в интересах Рэчел, – что алмаз все-таки может чего-нибудь стоить.

– Полковник не сказал, сэр, – спросил я, – по какой причине он завещал алмаз мисс Рэчел?

– Он не только сказал, но и написал эту причину в своем завещании, – ответил мистер Фрэнклин. – Я взял себе выписку, которую вы сейчас увидите. Не спешите, Беттередж! Все должно идти по порядку. Вы слышали о завещании полковника, теперь вы должны услышать, что случилось после его смерти. Формальности потребовали, чтобы алмаз был оценен, прежде чем будет предъявлено завещание. Все ювелиры, к которым для этого обратились, тотчас подтвердили заявление полковника, что это самый большой алмаз на свете. Вопрос о точной оценке представил довольно серьезные затруднения. Величина камня сделала его феноменом между алмазами, цвет поставил его в категорию совершенно особой, и вдобавок к этим сбивчивым фактам в нем оказался недостаток – в виде пятна в самой середине камня. Даже с таким недостатком самая низкая оценка алмаза равнялась двадцати тысячам фунтов. Представьте себе удивление моего отца: он чуть было не отказался от обязанности душеприказчика, чуть было не выпустил из нашей семьи эту великолепную драгоценность! Интерес, возбужденный в нем этим делом, побудил его вскрыть запечатанные

инструкции, хранившиеся вместе с алмазом. Стряпчий показал мне эти инструкции вместе с другими бумагами, и, по моему мнению, они дают ключ к заговору, угрожавшему жизни полковника.

– Стало быть, вы думаете, сэр, – сказал я, – что заговор имел место?

– Не обладая отменным «здравым смыслом» моего отца, – ответил мистер Фрэнклин, – я думаю, что жизнь полковника действительно находилась в опасности, как он и говорил. Запечатанная инструкция объясняет, отчего он все-таки умер спокойно в своей постели. В случае его насильственной смерти (то есть в случае, если бы от него не было получено условленное письмо в назначенный день), отец мой должен был секретно отправить Лунный камень в Амстердам и отдать знаменитому резчику, чтобы разбить на четыре или на шесть отдельных камней, камни эти продать за любую цену, а вырученные деньги употребить на основание той кафедры экспериментальной химии, о которой потом полковник упомянул в своем завещании. Теперь, Беттередж, напрягите-ка свой находчивый ум и сообразите, к какому заключению приводят указания полковника?

Я тотчас наострил свой ум. Но ему была свойственна английская медлительность, и он все перепутал, пока мистер Фрэнклин не указал на то, что именно следовало видеть.

– Заметьте, – сказал мистер Фрэнклин, – что ценность бриллианта была искусно поставлена в зависимость от сохранения жизни полковника. Он не удовольствовался тем, что сказал врагам, которых опасался: «Убейте меня – и вы будете не ближе к алмазу, чем сейчас. Он там, откуда вы не можете его достать, – в кладовой банкира». Он сказал вместо этого: «Убейте меня – и алмаз перестанет быть алмазом: его тождество уничтожится». О чем это говорит?

Тут, как мне показалось, меня озарила вспышка чудесной прозорливости, свойственной иностранцам.

– Знаю! – сказал я. – Это значит, что цена камня понизится и злодеи останутся в дураках.

– Ничуть не бывало! – сказал мистер Фрэнклин. – Я об этом справлялся. Алмаз с пятном, разбитый на отдельные камни, будет стоить дороже, чем целый, по той простой причине, что четыре или шесть прекрасных бриллиантов должны стоить дороже, чем один большой камень, но с пятном. Если бы простое воровство из-за прибыли было целью заговора, инструкции полковника решительно сделали бы алмаз еще привлекательнее для воров. За него можно было бы получить больше денег, а продать его гораздо легче, если бы он вышел из рук амстердамских мастеров.

– Господи помилуй, сэр! – воскликнул я. – В чем же состоял заговор?

– Заговор, составленный индусами, которым прежде принадлежал алмаз, – сказал мистер Фрэнклин, – основан на каком-то древнем индийском суеверии. Таково мое мнение, подтвержденное одним фамильным документом, который находится при мне в настоящую минуту.

Теперь я понял, почему появление трех индийских фокусников у нашего дома показалось мистеру Фрэнклину обстоятельством, достойным внимания.

– Я не хочу навязывать вам своего мнения, – продолжал мистер Фрэнклин. – Мысль об избранных служителях древнего индийского суеверия, посвятивших себя, несмотря на все затруднения и опасности, задаче возвратить священную национальную драгоценность и выжидающих для этого первого удобного случая, кажется мне совершенно согласной с тем, что нам известно о терпении восточных племен и о влиянии восточных религий. Я человек с живым воображением, и мясник, булочник и налоговый инспектор не кажутся мне единственной правдоподобной реальностью. Пусть же моя догадка оценивается как угодно; перейдем к единственному практическому вопросу, касающемуся нас. Переживет ли полковника заговор о Лунном камне? И знал ли полковник об этом, когда оставлял своей племяннице подарок ко дню ее рождения?

Я начинал понимать, что дело это ближе всего касается теперь миледи и мисс Рэчел. Ни одно слово, сказанное мистером Фрэнклином, теперь не ускользнуло от меня.

– Мне не очень хотелось, когда я узнал историю Лунного камня, – продолжал он, – привозить его сюда, но мистер Брефф напомнил мне, что кто-нибудь должен же передать моей кузине наследство дяди и что я могу сделать это точно так же, как и всякий другой. Когда я вынул алмаз из банка, мне показалось, что за мной следит на улице какой-то оборванный смуглый человек. Я отправился к отцу за своими вещами и нашел там письмо, неожиданно удержавшее меня в Лондоне. Я вернулся в банк с алмазом и опять увидел этого оборванного человека. Снова вынимая алмаз из банка сегодня утром, я встретил этого человека в третий раз, ускользнул от него и уехал (прежде чем он успел напасть на мой след) с утренним, вместо послеобеденного, поездом. Вот я здесь с алмазом, и мы оба в целости и сохранности. И какую же первую новость я слышу? Я слышу, что здесь были три странствующих индуса и что мой приезд из Лондона и то, что я должен иметь при себе, были главным предметом их разговора в то время, когда они думали, что они одни. Не стану терять времени на рассказ о том, как они выливали чернила в ладонь мальчика и приказывали ему увидеть вдали человека. Штука эта, которую я часто видел на Востоке, и по моему мнению и по-вашему, не более как фокус. Вопрос, который мы теперь должны решить, состоит в том, не приписываю ли я ошибочно большое значение простой случайности, или мы действительно имеем доказательство, что индусы напали на след Лунного камня с той минуты, как он взят из банка.

Но ни он, ни я, казалось, не были расположены заниматься этим исследованием. Мы посмотрели друг на друга, потом на прилив, все выше и выше покрывавший Зыбучие пески.

– О чем вы думаете? – вдруг спросил мистер Фрэнклин.

– Я думаю, сэр, – ответил я, – что мне хотелось бы зарыть алмаз в зыбучий песок и решить этим вопрос раз и навсегда.

– Если вы имеете у себя в кармане стоимость Лунного камня, – ответил мистер Фрэнклин, – объявите это, Беттередж, и дело с концом!

Любопытно заметить, как облегчает вас самая пустая шутка, когда у вас беспокойно на душе. Нам показалась очень забавной мысль покончить с законной собственностью мисс Рэчел и ввести мистера Блэка, как душеприказчика, в страшные хлопоты, хотя теперь я не могу понять, что тут было смешного.

Мистер Фрэнклин первый снова вернулся к предмету разговора. Он вынул из кармана конверт, вскрыл его и подал мне лежавшую там бумагу.

– Беттередж, – сказал он, – мы должны в интересах тетушки обсудить вопрос о том, какая причина заставила полковника оставить это наследство своей племяннице. Припомните обращение леди Вериндер со своим братом с того самого времени, как он вернулся в Англию, и до той минуты, когда он сказал вам, что будет помнить день рождения племянницы. И прочтите это.

Он дал мне выписку из завещания полковника. Она при мне, когда я пишу эти строки, и я ее списываю сюда для вас:

«В-третьих и в последних, дарю и завещаю моей племяннице, Рэчел Вериндер, единственной дочери сестры моей Джулии Вериндер, вдовы, – в том случае, если ее мать, названная Джулия Вериндер, будет жива после моей смерти, – желтый алмаз, принадлежащий мне и известный на Востоке под названием Лунного камня. И поручаю моему душеприказчику отдать алмаз или самому, или через какого-нибудь надежного посредника, которого он выберет, в собственные руки вышеупомянутой племянницы моей, Рэчел, в первый же день ее рождения после моей смерти и в присутствии, если возможно, моей сестры, вышеупомянутой Джулии Вериндер. И я желаю, чтобы вышеупомянутой сестре моей был сообщен посредством верной копии третий и последний пункт моего завещания, что я дарю алмаз дочери ее, Рэчел, в знак моего полного прощения за тот вред, который ее поступки причинили моей

репутации, а особенно в доказательство, что я прощаю, как и следует умирающему, оскорбление, нанесенное мне как офицеру и джентльмену, когда ее слуга, по ее приказанию, не пустил меня к ней в день рождения ее дочери».

Я возвратил бумагу мистеру Фрэнклину, решительно недоумевая, что ему ответить. До этой минуты я думал, как вам известно, что полковник умер так же нечестиво, как и жил. Не скажу, чтобы копия с этого завещания заставила меня переменить это мнение; скажу только, что она поколебала меня.

– Ну, – спросил мистер Фрэнклин, – теперь, когда вы прочли собственные слова полковника, что вы на это скажете? Привезя Лунный камень к тетушке в дом, служу я слепо его мщению или оправдываю его, как раскаявшегося христианина?

– Тяжело представить себе, сэр, – ответил я, – что он умер с гнусным мщением в сердце и с гнусным обманом на устах. Одному Богу известна правда. Меня не спрашивайте.

Мистер Фрэнклин вертел и комкал в руках выписку из завещания, как будто надеясь выжать из нее таким образом истину. В то же время он поразительно изменился. Из живого и веселого он сделался теперь, непонятно как, тихим, торжественным, задумчивым молодым человеком.

– Этот вопрос имеет две стороны, – сказал он, – объективную и субъективную. Которую нам предпочесть?

Он получил не только французское, но и немецкое воспитание. До сих пор он находился под влиянием, как я полагал, первого из них. А теперь (насколько я мог разобрать) его место заступило второе. Одно из правил моей жизни: никогда не примечать того, чего я не понимаю. Я выбрал среднее между объективной и субъективной стороной. Говоря попросту, я вытаращил глаза и не сказал ни слова.

– Извлечем сокровенный смысл из всего этого, – сказал мистер Фрэнклин. – Почему дядя отказал алмаз Рэчел? Почему не отказал он его тетушке?

– Это по крайней мере отгадать не трудно, сэр, – ответил я. – Полковник Гернкастл знал хорошо, что миледи не захочет принять никакого наследства от него.

– Но почему он знал, что Рэчел не откажется также?

– Есть ли на свете молодая девушка, сэр, которая могла бы устоять от искушения принять такой подарок, как Лунный камень?

– Это субъективная точка зрения, – сказал мистер Фрэнклин. – Вам делает большую честь, Беттередж, что вы способны на субъективную точку зрения. Но в завещании полковника есть еще другая тайна, до сих пор не объясненная: почему он дарит свой камень Рэчел в день ее рождения лишь при том необходимом условии, чтобы мать ее была в живых?

– Я не желаю порочить покойника, сэр, – ответил я, – но если он с умыслом оставил в наследство сестре хлопоты и опасность через ее дочь, то непременно условием этого наследства должно быть, чтобы сестра его находилась в живых, дабы почувствовать всю неприятность этого.

– О, так вот какие вы приписываете ему намерения! Это опять-таки субъективное истолкование! Бывали вы в Германии, Беттередж?

– Нет, сэр. А ваше истолкование, позвольте узнать?

– Мне кажется, – сказал мистер Фрэнклин, – что цель полковника, может быть, состояла не в том, чтобы принести пользу племяннице, которую он даже никогда не видел, но чтобы доказать сестре, что он простил ее, и доказать очень любезно, посредством подарка, сделанного ее дочери. Это совершенно другое объяснение по сравнению с вашим, Беттередж, и оно внушено объективной точкой зрения. По всему видно, что одно истолкование может быть так же справедливо, как и другое.

Доведя дело до этого приятного и успокоительного вывода, мистер Фрэнклин, по-видимому, решил, что он исполнил все, что от него требовалось. Он бросился навзничь на песок и спросил, что же ему теперь делать. Он выказал себя таким умным и дальновидным, прежде чем пуститься в заграничную тарабарщину, и все время до

такой степени первенствовал надо мной в этом деле, что я совершенно не был готов к внезапной перемене, когда он, сложив оружие, вдруг обратился за помощью ко мне. Только впоследствии узнал я от мисс Рэчел – первой, кто сделал это открытие, – что странные перемены и переходы в мистере ФрэнкLINE происходили от его заграничного воспитания. В том возрасте, когда мы все способны принимать нашу окраску как отражение окраски других людей, его послали за границу, и он переходил от одной нации к другой, прежде чем настала пора для того, чтобы какой-нибудь один преимущественный колорит установился на нем твердо. Вследствие этого он воротился с такими различными сторонами в своем характере, более или менее неоконченными и более или менее противоречащими одна другой, что как будто проводил жизнь в постоянном несогласии с самим собой. Он мог быть и деловым человеком и лентяем, со сбивчивым и с ясным умом, образцом решимости и беспомощности в одно и то же время. У него была и французская, и немецкая, и итальянская сторона; первоначальный английский фундамент выказывал иногда, как бы говоря: «Вот я жалко исковеркан, как видите, но все-таки во мне осталось кое-что моего». Мисс Рэчел обыкновенно говорила, что итальянская сторона одерживала верх в тех случаях, когда он неожиданно сдавал и просил вас со своей милой кротостью снять с него ответственность и возложить на свои плечи. Вы не окажете ему несправедливости, я полагаю, если заключите, что итальянская сторона одержала верх и теперь.

– Вам самим следует решить, сэр, – сказал я, – что теперь делать; уж конечно, не мне.

Мистер ФрэнкLINE, по-видимому, не оценил всей силы моих слов – в то время он был в таком состоянии, что не мог видеть ничего, кроме неба над своей головой.

– Я не желаю пугать тетушку без причины, – сказал он, – но и не желаю оставлять ее без надлежащего предостережения. Если бы на

моем месте были вы, Беттередж... Скажите мне в двух словах, что бы сделали вы?

Я сказал ему в двух словах:

– Подождал бы.

– Готов от всего сердца, – сказал мистер Фрэнклин. – Долго ли?

Я начал объяснять свою мысль.

– Как я понимаю, сэр, – сказал я, – кто-нибудь должен же отдать этот проклятый алмаз мисс Рэчел в день ее рождения, и вы можете сделать это точно так же, как всякий другой. Очень хорошо. Сегодня двадцать пятое мая, а день рождения двадцать первого июня. Перед нами почти четыре недели. Подождем и посмотрим, что случится за это время, и либо предостережем миледи, либо нет – в зависимости от обстоятельств.

– Прекрасно, Беттередж! – воскликнул мистер Фрэнклин. – Но что нам делать с алмазом до дня рождения?

– То же, что сделал ваш отец, сэр, – ответил я. – Отец ваш сдал его в банк в Лондоне, а вы отдайте его в банк во Фризинголле.

Фризинголл – наш ближайший город, и банк его так же надежен, как Английский банк.

– Будь я на вашем месте, сэр, – прибавил я, – я прямо отправился бы верхом с алмазом во Фризинголл, прежде чем дамы вернутся.

Возможность предпринять что-нибудь, да еще верхом, заставила мистера Фрэнклина мигом вскочить на ноги. Он вскочил и бесцеремонно заставил встать и меня.

– Беттередж, вы золото, а не человек! – сказал он. – Пойдем и велите тотчас же оседлать лучшую лошадь в конюшне.

Тут, слава богу, английский фундамент проступил, наконец, сквозь весь заграничный лоск! Это был тот же мистер Фрэнклин, которого я помнил, оживившийся по-прежнему при мысли о поездке верхом и напомнивший мне доброе старое время. Оседлать для него лошадь? Я оседлал бы ему двенадцать лошадей, если бы только он мог поскакать на всех разом!

Мы поспешно возвратились домой, поспешно велели оседлать самую быстроногую лошадь из всей конюшни, и мистер Фрэнклин поспешно ускакал отдать в кладовую банка проклятый алмаз. Когда затих стук копыт его лошади в аллее и я опять остался один, я почти готов был спросить себя, не привиделось ли мне все это во сне.

Глава 7

Пока я находился в такой растерянности, чрезвычайно нуждаясь в чем-нибудь успокоительном для приведения в порядок своих чувств, дочь моя Пенелопа попала мне навстречу, точь-в-точь как ее покойная мать попадалась мне на лестнице, и тотчас пристала ко мне с расспросами. Я рассказал ей о своей встрече с мистером Фрэнклином. При настоящих обстоятельствах оставалось только одно – тотчас же прихлопнуть гасильником любопытство Пенелопы. Я ответил ей, что мы с мистером Фрэнклином толковали об иностранной политике и договорились до того, что оба крепко заснули на солнце. Попробуйте дать этот ответ, когда жена или дочь пристанут к вам с неуместным вопросом, и будьте уверены, что, по природной женской кротости, они расцелуют вас и опять станут приставать при первом же удобном случае.

День прошел, и миледи с мисс Рэчел вернулись.

Бесполезно говорить, как они удивились, когда услышали, что мистер Фрэнклин Блэк приезжал и опять уехал верхом. Бесполезно также говорить, что они тотчас задали неуместные вопросы и что «иностранная политика» и крепкий сон на солнце не годились для них. Не придумав ничего другого, я сказал, что приезд мистера Фрэнклина с ранним поездом надо единственно приписать одной из его причуд. Когда меня спросили, неужели отъезд его верхом был также причудой, я ответил: «Да, точно так» – и отделался, кажется, очень ловко.

Преодолев затруднения с дамами, я нашел еще больше затруднений, ожидавших меня, когда вернулся в свою комнату. Пришла Пенелопа – с природной женской кротостью – поцеловать меня и – с природным женским любопытством – задать новый вопрос. На этот раз она только пожелала узнать, что случилось с нашей второй служанкой, Розанной Спирман.

Оставив мистера Фрэнклина и меня на Зыбучих песках, Розанна, как оказалось, воротилась домой в самом непонятном расположении духа. Она менялась в лице (если верить Пенелопе), как цвета радуги. Она была то весела, то грустна без всякой причины. Не переводя духа, она задала сотню вопросов о мистере ФрэнкLINE Блэке и тотчас же рассердилась на Пенелопу за то, что та предположила, будто посторонний джентльмен смог заинтересовать ее. Заметили, как она, улыбаясь, чертила имя мистера Фрэнклина на дне своего рабочего ящика. Застали ее в слезах, смотрящей в зеркало на свое уродливое плечо. Знала ли она прежде мистера Фрэнклина? Совершенно невозможно! Не слышали ли они чего-нибудь друг о друге? Опять невозможно! Я мог засвидетельствовать, что удивление мистера Фрэнклина было искренне, когда он увидел, как девушка смотрит на него. Пенелопа могла засвидетельствовать, что любопытство девушки было искренне, когда она расспрашивала о мистере ФрэнкLINE. Разговор наш был довольно скучен до тех пор, пока дочь моя не высказала вдруг самое нелепое предположение, какое я когда-либо слышал в своей жизни.

– Батюшка, – сказала Пенелопа совершенно серьезно, – остается только одно объяснение: Розанна влюбилась в мистера Фрэнклина Блэка с первого взгляда.

Вы слышали о прелестных молодых девицах, влюблявшихся с первого взгляда, и находили это весьма естественным. Но чтобы горничная из исправительного дома, дурная собой и с уродливым плечом, влюбилась с первого взгляда в джентльмена, приехавшего в гости к ее госпоже?! Найдите мне что-нибудь подобное этой

нелепости, в любом романе, если можете. Я хохотал до слез. Пенелопа рассердилась на меня за мою веселость.

– Я прежде не замечала, чтобы вы были жестоки, батюшка, – сказала она очень кротко и ушла.

Слова моей девочки точно обдали меня холодной водой. Я взбесился на себя за то, что разволновался, когда она проговорила их, – но это было именно так. Мы переменим предмет рассказа, если вы позволите. Мне жаль, что я вынужден был написать об этом, и не без причины, как вы увидите дальше.

Настал вечер; звонок, возвещавший, что пора одеваться к обеду, раздался прежде, чем мистер Фрэнклин возвратился из Фризинголла. Я сам отнес горячую воду к нему в комнату, ожидая услышать после этого необыкновенно продолжительного отсутствия о каком-нибудь приключении. Но, к моему великому разочарованию (вероятно, и к вашему), не случилось ничего. Он не встретился с индусами ни по пути туда, ни на обратном пути. Он отдал Лунный камень в банк, сказав просто, что это камень очень дорогой, и привез расписку в кармане. Я сошел вниз, чувствуя, что после всех наших утренних тревог об алмазе конец этот слишком обыден.

Как произошло свидание мистера Фрэнклина с теткой и кузиной, не знаю.

Я дал бы многое, чтобы служить за столом в этот день. Но при моем положении в доме служить за обедом (исключая большие семейные празднества) значило бы унижить свое достоинство в глазах других слуг, – миледи и без того считала меня довольно склонным к этому; не к чему было искать еще случая для этого. Известия из «верхних областей» в тот вечер были принесены мне Пенелопой и лакеем. Пенелопа сказала, что мисс Рэчел никогда не занималась так тщательно своей прической и никогда не казалась так весела и хороша. Лакей донес, что сохранение почтительного спокойствия в присутствии высших и прислуживание мистеру Фрэнклину Блэку за обедом – две вещи самые несовместимые, какие только случалось ему встретить при исполнении своих

обязанностей. Позднее вечером мы услышали, как они играли и пели дуэты. Мистер Фрэнклин брал высоко, мисс Рэчел еще выше, а миледи на фортепиано, поспевая за ними, как на скачках, так сказать, через канавы и заборы, благополучно помогала им, так что приятно было слышать их в открытые окна на террасе. Еще позднее я отнес мистеру Фрэнклину в курительную комнату содовой воды и виски и увидел, что мисс Рэчел вытеснила алмаз из его головы.

– Самая очаровательная девушка из всех виденных мною, с тех пор как я вернулся в Англию! – Вот все, чего я мог от него добиться, покуда старался навести разговор на более серьезные предметы.

Около полуночи я вместе с моим помощником (Сэмюелом, лакеем) обошел, по обыкновению, вокруг дома, чтобы запереть все двери. Когда все двери были заперты, за исключением боковой, отворявшейся на террасу, я отослал Сэмюела спать, а сам вышел подышать свежим воздухом, прежде чем пойду спать в свою очередь.

Ночь была тихая и душная, и луна сияла на небе. Так было тихо, что я слышал время от времени очень слабо и глухо шум моря, когда прибой подкатывался к песчаному берегу возле устья нашей маленькой бухты. Дом стоял так, что на террасе было темно; но яркий лунный свет освещал песчаную дорожку, шедшую по другую сторону террасы. Поглядев сперва на море, а потом в ту сторону, я увидел тень человека, отбрасываемую лунным светом из-за угла дома.

Будучи стар и лукав, я не вскрикнул; но так как я также, к несчастью, стар и тяжел, ноги изменили мне на песке. Прежде чем я успел тихонько пробраться за угол, как намеревался, я услышал топот ног полегче моих – и, как мне показалось, не одной пары, – торопливо удалявшихся. Когда я дошел до угла, беглецы, кто бы они там ни были, исчезли в кустарнике по другую сторону дорожки и скрылись из глаз между густыми деревьями и кустами в той части парка. Из кустарника они могли легко пробраться через наш забор на дорогу. Будь я сорока годами моложе, я, быть может, и успел бы

поймать их, прежде чем они убегут из нашего парка. Теперь же я возвратился, чтобы послать пару ног помоложе моих. Не потревожив никого, Сэмюел и я взяли ружья, обошли вокруг дома и обшарили кустарники. Удостоверившись, что в наших владениях никто не прятался, мы вернулись. Пройдя через дорожку, где я видел тень, я в первый раз заметил светлую вещицу, лежавшую на песке, освещенную луной. Подняв эту вещицу, я увидел, что это была скляночка с густой, приятного запаха, жидкостью, черной, как чернила.

Я ничего не сказал Сэмюелу. Но вспомнив, что Пенелопа говорила мне о фокусниках и о том, как они наливали чернила на ладонь мальчика, я тотчас догадался, что спугнул трех индусов, шатавшихся около дома и старавшихся своим языческим способом разузнать в эту ночь об алмазе.

Глава 8

Здесь на мгновение сделаем остановку.

Призвав на помощь свои воспоминания и дневник Пенелопы, я вижу, что мы можем быстро пройти промежуток между приездом мистера Фрэнклина Блэка и днем рождения мисс Рэчел. Большая часть этого времени прошла, не принеся с собой ничего, достойного упоминания. С вашего позволения и с помощью Пенелопы я упомяну здесь только о некоторых событиях, чтобы потом продолжать рассказывать историю день за днем, как только мы дойдем до того времени, когда Лунный камень сделался в нашем доме предметом всеобщего внимания.

Начну со скляночки приятно пахнущих чернил, которую я нашел на песчаной дорожке ночью.

На следующее утро (двадцать шестого числа) я показал мистеру Фрэнклину эту колдовскую штуку и сообщил ему то, что уже рассказал вам. Он решил, что индусы не только следили за алмазом,

но имели глупость верить в свое колдовство, – он подразумевал под этим знаки над головою мальчика, наливание чернил на его ладонь и надежду, что ребенок увидит людей и предметы, недоступные для человеческого зрения. Мистер Фрэнклин сказал мне, что и у нас, так же как на Востоке, есть люди, занимающиеся этими странными фокусами (однако без чернил) и называющие их французским именем, чем-то вроде «ясновидения».

– Поверьте, – сказал мистер Фрэнклин, – индусы убеждены, что мы оставили алмаз здесь, и привезли с собою своего ясновидящего мальчика, чтобы он показал им дорогу к нему, как только они заберутся в дом.

– Вы полагаете, сэр, что они повторят свою попытку? – спросил я.

– Это зависит от того, что именно мальчик может сказать. Если он способен увидеть алмаз в железном сундуке фризинголлского банка, индусы до поры до времени не будут тревожить нас своими посещениями. Если он этого не сможет, у нас еще будет случай спугнуть их в кустарнике, прежде чем пройдет несколько ночей.

Я ожидал, что именно так и будет, но – странное дело – случай этот действительно больше не повторился.

Услышали ли фокусники в городе, что мистера Фрэнклина видели в банке, и вывели из этого свое заключение, или мальчик действительно увидел алмаз там, где он теперь находился (чему я решительно не верю), или это было простым совпадением, только ни тени индуса не показалось возле нашего дома в те недели, которые прошли до дня рождения мисс Рэчел. Фокусники оставались в городе и в окрестностях, занимаясь своим ремеслом, а мистер Фрэнклин и я ждали, что будет, решив не тревожить мошенников слишком рано, выказывая им свои подозрения. Этим отчетом о поступках обеих сторон и кончается все, что я могу пока сказать об индусах.

С двадцать девятого числа мисс Рэчел и мистер Фрэнклин придумали новый способ проводить время, которое иначе им некуда было бы девать. Есть причины обратить особенное внимание на

занятие, которое их увлекло, так как оно имеет отношение к случившемуся позже.

Вообще говоря, господа имеют в жизни весьма неудобный подводный камень – свою собственную праздность. Жизнь их по большей части проходит в изыскании какого-нибудь занятия; и любопытно видеть – особенно, если у них есть вкус к чему-нибудь умственному, – как часто они слепо набрасываются на предмет прямо-таки отвратительный. В девяти случаях из десяти они принимаются или мучить кого-нибудь, или портить что-нибудь, и при этом твердо убеждены, что образуют свой ум, тогда как, попросту сказать, они только поднимают кутерьму в доме. Я видел (с сожалением должен сказать), что и дамы, точно так же как мужчины, разгуливают изо дня в день, например, с пустыми коробочками от пилюль и ловят ящериц, жуков, пауков и лягушек, а возвращаясь домой, втыкают в несчастных булавки или режут их на куски без малейшего угрызения совести. Вы видите, как ваш барин или барыня разглядывают внутренность паука в увеличительное стекло, или вам попадается на лестнице лягушка без головы; а когда вы удивляетесь, что означает эта отвратительная жестокость, вам говорят, что молодой барин или молодая барышня имеют склонность к естественным наукам. Иногда же опять-таки вы замечаете, как они по целым часам, из нелепого любопытства, портят прекрасные цветы острым инструментом, стараясь узнать, из чего они сделаны. Разве цвет их сделается красивее или запах приятнее оттого, что вы это узнаете? Да ведь нужно же бедняжкам провести время – видите ли, – нужно же провести время! Вы пачкались в грязи и лепили из нее пирожки, когда были ребенком, а когда выросли – пачкаетесь в науках, режете пауков и портите цветы. В обоих случаях весь секрет заключается в том, что вашей бедной праздной голове не о чем думать, а вашим бедным праздным ручкам нечего делать. Тем и кончится, что вы начнете портить красками полотно да навоняете ими на весь дом; или разведете в стеклянном ящике с грязной водой головастиков, от которых всех в доме тошнит; или станете

откалывать и собирать там и сям кусочки камней, посыпая ими домашнюю провизию; или займетесь фотографией, пачкая себе пальцы и беспощадно искажая физиономию всех и каждого в доме. Конечно, тяжело приходится людям, которые должны доставать себе приют, пищу и одежду, чтобы прикрыться. Но сравните самый тяжелый труд, которым вы когда-либо занимались, с той праздностью, которая заставляет вас портить цветы и перевертывать желудки пауков, и благодарите свою счастливую звезду, что ваша голова должна о чем-нибудь думать, а ваши руки должны что-нибудь делать.

С удовольствием скажу, что мистер Фрэнклин и мисс Рэчел не мучили никого. Они ограничились тем, что наделали кутерьмы и, надо отдать им справедливость, испортили только одну дверь.

Универсальный гений мистера Фрэнклина, пачкавшийся во всем, допачкался до так называемой декоративной живописи. Он сообщил нам, что изобрел новый состав для разведения краски; как он изготовлялся, я не знаю. А чем отличался этот состав, я могу сказать вам в двух словах: он вонял. Так как мисс Рэчел непременно хотела испробовать этот новый состав, мистер Фрэнклин послал в Лондон за материалами и приготовил состав с таким букетом, что даже собаки чихали, когда входили в комнату; надел на мисс Рэчел передник и косыночку и заставил ее расписывать свою собственную маленькую гостиную, называемую, за неимением английского слова, «будуаром». Начали с внутренней стороны двери. Мистер Фрэнклин счистил с нее всю прекрасную лакировку пемзой и сделал то, что он называл «поверхностью для работы». Потом мисс Рэчел покрыла эту поверхность, по его указанию и с его помощью, узорами и фигурами – грифами, птицами, цветами, купидонами и тому подобным, с рисунков, сделанных знаменитым итальянским живописцем, имени которого я не припомню, – того самого, что поразил мир Девой Марией и взял любовницу из булочной. Работа эта была самая хлопотливая и прегрязная. Но наша барышня и молодой джентльмен, казалось, не уставали заниматься ею. Когда

они не ездили верхом, не принимали гостей, не сидели за столом, не пели, они рядышком, трудолюбиво, как пчелы, портили дверь. Какой это поэт сказал, что сатана всегда придумает какой-нибудь вред даже и для праздных рук? Если бы он занимал место дворецкого миледи и видел мисс Рэчел с кистью, а мистера Фрэнклина с его составом, он не мог бы написать о них ничего правдивее, нежели это.

Следующий день, о котором стоит упомянуть, было воскресенье, четвертое июня.

В этот вечер мы в людской первый раз обсудили домашний вопрос, который, так же как и расписывание двери, имеет отношение к тому, что еще предстоит.

Видя, какое удовольствие мистер Фрэнклин и мисс Рэчел находят в обществе друг друга и какая это была бы прекрасная парочка во всех отношениях, мы, весьма естественно, предположили, что они займутся чем-нибудь другим, кроме расписывания двери; некоторые из нас говорили, что еще не минует и лето, как в доме будет свадьба. Другие (во главе со мной) соглашались, что, весьма вероятно, мисс Рэчел выйдет замуж; но сомневались (по причинам, которые сейчас будут изложены), что мистер Фрэнклин Блэк будет ее женихом.

А в том, что мистер Фрэнклин был влюблен, никто из наблюдавших его не сомневался. Затруднение состояло в том, чтобы понять мисс Рэчел. Позвольте мне иметь честь познакомить вас с ней; после этого я предоставлю вам самим разгадать ее, если вы сможете.

Двадцать первого июня наступал восемнадцатый год рождения нашей молодой барышни. Если вам нравятся брюнетки (как я слышал, в последнее время они вышли из моды в большом свете) и если вы не имеете особенного предрассудка насчет роста, я скажу, что вы никогда не видели такой хорошенькой девушки, как мисс Рэчел. Она была мала и гибка, но бесподобно сложена с головы до ног. Глядя, как она сидит, как стоит и, особенно, как ходит, всякий

человек в здравом уме удостоверился бы, что грация ее фигуры (если вы простите мне это выражение) заключается в ее сложении, а не в платье. Я никогда ни у кого не видел таких черных волос, как у нее. Глаза под стать волосам; нос, должен сознаться, довольно мал. Рот и подбородок (говоря словами мистера Фрэнклина) – лакомые кусочки для богов, а цвет ее лица (по тому же неопровержимому авторитету) был такой же теплый, как солнце, с тем великим преимуществом, что на него было всегда приятно смотреть. Прибавьте ко всему сказанному, что она держала голову прямо, как стрела, надменно, повелительно, аристократично, что она имела чистый голос, звучный, как металл, улыбку, которая очень мило возникала в глазах, прежде чем ей появиться на губах, – и вот вам ее портрет во весь рост, – я нарисовал его, как умел.

А каков был ее характер? Неужели у этого очаровательного создания не было недостатков? У нее было ровно столько же недостатков, сколько и у вас, сударыня, – ни более, ни менее.

Говоря серьезно, моя милая, хорошенькая мисс Рэчел, обладая бездной прелестей и очарования, имела один недостаток, и строгое беспристрастие принуждает меня это признать. Она отличалась от многих других девушек тем, что у нее были свои собственные идеи и она была так причудлива, что даже шла наперекор модам, если моды шли вразрез с ее вкусом. В безделицах эта независимость была еще сносной, но в делах важных она заходила (как думали миледи и я) слишком далеко. Она рассуждала так, как немногие женщины вдвое ее старше рассуждают, никогда не спрашивала совета, никогда не говорила заранее, что она намерена делать, никогда не поверяла секретов никому, даже матери. В малых и больших вещах, с людьми, которых она любила, и с людьми, которых она ненавидела (и то и другое с равной энергией), мисс Рэчел всегда поступала по-своему, полагаясь только на себя и в радостях и в горестях своей жизни. Часто я слышал от миледи: «Лучший друг и злейший враг Рэчел – она сама».

Прибавлю к этому еще одно и на том закончу.

При всей ее скрытности, при всем ее своеволии в ней не было и тени фальши. Я не помню, чтобы она когда-нибудь сказала «нет», думая «да». Я припоминаю, что в детстве не раз эта добрая душа принимала на себя вину и подвергалась наказанию за какой-нибудь проступок любимой подруги; никто никогда не слышал от нее признания, когда это обнаруживалось и ее допрашивали. Но никто не слышал также, чтобы она солгала. Она глядела вам прямо в лицо, качая своей упрямой головкой, и говорила просто: «Не скажу».

Снова наказанная за это, она сознавалась, что жалеет, зачем сказала «не скажу», но, несмотря на то, что ее сажали на хлеб и воду, все-таки не говорила. Своевольна, чертовски своевольна иногда, – я согласен с этим; но тем не менее это было самое прелестное создание, когда-либо родившееся на свет. Может быть, вы найдете тут некоторое противоречие. В таком случае позвольте шепнуть вам словечко на ушко. Изучайте повнимательнее вашу жену в продолжение двадцати четырех часов. Если ваша добрая супруга не выкажет за это время какого-нибудь противоречия – помогите вам Бог, вы женились на чудовище!

Теперь я познакомил вас с мисс Рэчел, и это ставит нас лицом к лицу с вопросом о видах этой молодой девицы на замужество.

Двенадцатого июня госпожа моя послала приглашение одному джентльмену в Лондон, приехать на день рождения мисс Рэчел. Этому-то счастливому смертному, как я полагал, было отдано ее сердце. Как и мистер Фрэнклин, он был ее кузен. Звали его мистер Годфри Эблудайт.

Вторая сестра миледи (не пугайтесь, мы не станем на этот раз слишком глубоко вдаваться в семейные дела) – вторая сестра миледи, говорю я, испытала разочарование в любви, а потом, лишь бы только выйти замуж, отважилась на то, что называется «неравным браком». Страшно взбаламутилась вся семья, когда высокородная Каролина непременно захотела быть женой мистера Эблудайта, фризинголлского банкира. Он был очень богат и очень добр и произвел на свет огромную семью – все это пока говорит в его

пользу. Но он вздумал приобрести высокое положение – и это говорит против него. Однако время и прогресс современного просвещения поправили дело, и неравный брак обошелся благополучно. Мы теперь все либералы (только бы вы не могли оцарапать меня, если я оцарапаю вас), – какое мне дело, в парламенте вы или нет, мусорщик вы или герцог? Это современный взгляд. А я держусь современного взгляда. Эблуайты жили в прекрасном доме с большим парком, на некотором расстоянии от Фризинголла. Очень достойные люди, весьма уважаемые во всех окрестностях. Мы не будем уделять им слишком много внимания на этих страницах, исключая мистера Годфри, второго сына мистера Эблуайта, который займет здесь важное место, с вашего позволения, так как он имеет отношение к мисс Рэчел.

При всем блеске, уме и вообще хороших качествах мистер Фрэнклин едва ли мог, по моему мнению, затмить мистера Годфри в глазах нашей молодой барышни.

Во-первых, мистер Годфри ростом был гораздо выше. Он был выше шести футов, цвет лица имел прекрасный, белый, румяный, лицо гладкое и круглое, чисто выбритое, на голове прекрасные длинные льняные волосы, небрежно откиннутые на затылок. Но зачем мне стараться описывать его? Если вы когда-нибудь состояли в комитете дамской благотворительности в Лондоне, вы знаете мистера Годфри Эблуайта так же хорошо, как и я. Он был адвокат по профессии, дамский угодник по темпераменту и милосердный самаритянин по собственному выбору. Женская благотворительность и женская нищета не могли без него обойтись. В материнских обществах помощи бедным роженицам, в обществах Святой Магдалины для спасения падших женщин, в объединениях ригористов^[3] для помещения на работу бедных женщин вместо бедных мужчин, предоставляющих мужчинам пробиваться, как они сами знают, – он был вице-президентом, директором, членом. Где только дамский комитет, там и мистер Годфри со шляпой в руке сдерживает горячность собрания и ведет милых дам по тернистому

деловому пути. Я полагаю, что это был самый совершенный филантроп (с небольшим состоянием), когда-либо рождавшийся в Англии. На благотворительных собраниях не легко было найти оратора, равного ему по уменью выжимать слезы и деньги. Это был законченный общественный деятель. В последний раз, когда я был в Лондоне, госпожа моя доставила мне два удовольствия. Она послала меня в театр посмотреть танцовщицу, которая всех сводила с ума, и в Экстер-холл послушать мистера Годфри. Танцовщица выступала с оркестром. Джентльмен выступал с носовым платком и со стаканом воды. На представлении ногами – давка, на представлении языком – тоже. И при всем том – самый кроткий и невзыскательный человек, какого только случилось вам встретить. Он любил всех. И все любили его. Какие шансы имел мистер Фрэнклин, какие шансы имел кто-либо с обыкновенной репутацией и обыкновенными способностями рядом с таким человеком?

Четырнадцатого числа был получен ответ от мистера Годфри.

Он принял приглашение моей госпожи со среды (дня рождения) до вечера пятницы, – когда обязанности по комитету дамской благотворительности заставят его воротиться в город. Он вложил в письмо стихи на то, что он изящно называл «днем рождества» своей кузины. Мне сообщили, что мисс Рэчел, присоединившись к мистеру Фрэнклину, трунила над этими стихами за обедом, и Пенелопа, которая была на стороне мистера Фрэнклина, спросила меня с торжеством, что я насчет этого думаю.

– Мисс Рэчел навела тебя, душа моя, на фальшивый след, – ответил я, – твое чутье не разберет его, а мой нос обмануть нелегко. Подожди, пока вслед за стихами мистера Эблуайта появится сам мистер Эблуайт.

Дочь моя ответила, что мистер Фрэнклин может попытаться счастья, прежде чем поэт явится вслед за стихами. Должен сознаться, что действительно мистер Фрэнклин не оставил ни одной неиспользованной возможности, чтобы заслужить благосклонность мисс Рэчел.

Хотя он был одним из самых закоренелых курильщиков, каких только случалось мне встречать, он тотчас бросил сигары, когда она сказала как-то, что терпеть не может запаха табака, пропитавшего его платья. Он спал так дурно после решения ограничить себя в курении и, лишившись успокоительного действия табака, к которому привык, приходил каждое утро с таким расстроенным и изнуренным видом, что сама мисс Рэчел попросила его опять приняться за сигары. Но нет! Он не пожелал снова вернуться к тому, что может возбудить в ней хотя бы минутное неудовольствие; он будет решительно бороться со своей привычкой и возвратит себе сон, рано или поздно, одной лишь силой воли и терпения. Вы можете сказать, что такая преданность (как внизу в людской и поговаривали) не могла не оказать на мисс Рэчел надлежащего действия, – преданность, к тому же поддерживаемая ежедневным расписыванием двери. Все это очень хорошо, но у нее в спальне висела фотографическая карточка мистера Годфри, изображавшая его говорящим на благотворительном собрании, с лицом, воспламененным собственным красноречием, и с глазами, самым восхитительным образом выманивавшими деньги из вашего кармана. Что скажете вы на это? Каждое утро – сама Пенелопа призналась мне – изображение мужчины смотрело, как причесывали волосы мисс Рэчел. Он сам скоро будет смотреть на это в действительности – таково было мое мнение.

Шестнадцатого июня случилось происшествие, понизившее более прежнего шансы мистера Фрэнклина на успех.

Незнакомый господин, говоривший по-английски с иностранным акцентом, приехал к нам в дом в это утро и пожелал увидеть мистера Фрэнклина по делу. Дело это не могло относиться к алмазу по следующим двум причинам: во-первых, мистер Фрэнклин ничего не сказал мне об этом; во-вторых, он сообщил о нем (после отъезда иностранца) миледи. Вероятно, она намекнула об этом и дочери. Как бы то ни было, рассказывали, что в тот вечер за игрой на фортепиано мисс Рэчел делала строгие замечания мистеру

Фрэнклину по поводу людей, с которыми он общался, и правил, которые он усвоил за границей. На следующий день в первый раз не расписывали дверь. Я подозреваю, что какой-нибудь неосторожный поступок мистера Фрэнклина на континенте (в отношении женщины или денежного долга) повлек за собой неприятности в Англии. Но все это одни догадки. В данном случае не только мистер Фрэнклин, но и миледи оставили меня в неведении.

Семнадцатого числа туча, по всей видимости, опять рассеялась. Они вернулись к работе над дверью и казались такими же добрыми друзьями, как и прежде. Если верить Пенелопе, мистер Фрэнклин воспользовался примирением, чтобы сделать предложение мисс Рэчел, и не получил ни согласия, ни отказа. Моя дочь была уверена (по некоторым признакам и приметам, которыми я нахожу излишним вам надоедать), что ее барышня уклонилась от предложения мистера Фрэнклина, отказавшись верить его серьезности, а потом втайне пожалела, что обошлась с ним таким образом. Хотя Пенелопа была допущена к большей близости со своей молодой барышней, чем обычно допускаются горничные, потому что они с детства почти воспитывались вместе, – а все-таки я слишком хорошо знал сдержанный характер мисс Рэчел, для того чтобы поверить в такую откровенность с ее стороны. То, что моя дочь сказала мне в данном случае, было, как я подозревал, скорее ее желанием, нежели слышанным в действительности.

Девятнадцатого числа случилось новое происшествие. К нам приезжал доктор. Его приглашали прописать лекарство одной особе, которую я уже имел случай представить вам на этих страницах, – нашей второй служанке, Розанне Спирман.

Эта бедная девушка, приведшая меня в недоумение на Зыбучих песках, не раз еще удивляла меня в течение того времени, о котором я пишу. Мнение Пенелопы, что ее подруга влюблена в мистера Фрэнклина (это моя дочь, по моему приказанию, держала в строгой тайне), казалось мне по-прежнему нелепым. Но, должен

признаться, поведение нашей второй служанки сделалось прямо таинственным, чтобы не сказать более.

Девушка, например, постоянно попадалась навстречу мистеру Фрэнклину, – очень хитро и тихо, но попадалась. Он обращал на нее внимания не более чем на кошку: ему и в голову не приходило хоть раз взглянуть на некрасивое лицо Розанны. Appetit бедняжки, и без того небольшой, совсем пропал, а глаза утром выказывали явные признаки бессонницы и слез. Однажды Пенелопа сделала щекотливого свойства открытие, о котором мы никому не сказали: она застала Розанну у туалетного стола мистера Фрэнклина, когда та украдкой вынимала розу, которую мисс Рэчел дала ему носить в петлице, и на ее место ставила точно такую же розу, но сорванную ею самой. После этого она два дерзко ответила мне на мой доброжелательный совет вести себя осторожнее и, что еще хуже, была не слишком почтительна в тех немногих случаях, когда мисс Рэчел случайно заговаривала с нею.

Миледи заметила эту перемену и спросила меня, что я думаю об этом. Я старался выгородить девушку, ответив, что, по моему мнению, она не совсем здорова. Кончилось тем, что послали за доктором, как упомянуто выше, девятнадцатого числа. Он сказал, что у нее расстроены нервы, и сомневался, годится ли она для услуг. Миледи предложила отправить ее для перемены воздуха в одну из наших отдаленных ферм. Розанна просила и умоляла со слезами на глазах, чтобы ей позволили остаться, и в недобрый час я посоветовал миледи испытать ее еще некоторое время. Как показали события и как вы скоро увидите, я не мог дать худшего совета. Если бы можно было заглянуть в будущее, я собственной рукой вывел бы Розанну Спирман из нашего дома.

Двадцатого числа была получена записка от мистера Годфри. Он предполагал заночевать во Фризинголле, имея надобность посоветоваться с отцом об одном деле. На следующий день, после полудня, он и две его старшие сестры должны были приехать к нам верхом, задолго до обеда. С запиской была прислана нарядная

шкатулка из китайского фарфора в подарок мисс Рэчел, с любовью и пожеланиями всего наилучшего от ее кузена. Мистер Фрэнклин подарил ей простой медальон, стоивший вдвое дешевле шкатулки. И все-таки дочь моя Пенелопа – уж таково упрямство женщин – предсказала ему успех.

Слава богу, мы дошли, наконец, до кануна дня рождения. Сознаться, что на этот раз я вел вас, не слишком мешкая по пути. И развеселитесь – я пораду вас новой главой, которая введет вас прямо в самую суть истории.

Глава 9

Двадцать первого июня, в день рождения, погода с утра была пасмурная и переменчивая, но к полудню совершенно прояснилась.

Мы, слуги, начали этот счастливый день, по обыкновению, с поднесения маленьких подарков мисс Рэчел, а я произнес речь, которую произношу ежегодно, как глава слуг. Я следую в этом методу, принятому королевой при открытии парламента, то есть говорю каждый год почти одно и то же. Мою речь (так же, как и речь королевы) до ее произнесения ждут с нетерпением, как нечто такое, подобного чему не слыхивали прежде. Когда же она оказывается вовсе не новой, слушатели, хоть и ворчат немножко, но надеются услышать что-нибудь поновее в будущем году. Легко управлять и в парламенте и на кухне – вот что следует из этого заключить.

После завтрака мистер Фрэнклин имел со мной тайное совещание о Лунном камне: пора было вынуть его из фризинголльского банка и отдать в собственные руки мисс Рэчел.

Пытался ли он опять объясниться в любви своей кузине и получил отказ, или продолжительная бессонница увеличила странные противоречия и нерешительность его характера – я не знаю. Но только мистер Фрэнклин выказал себя весьма невыгодно утром в день рождения. Он двадцать раз менял свои намерения касательно

алмаза. Я, со своей стороны, придерживался простых фактов, нам известных. Не случилось ничего такого, что дало бы нам повод тревожить миледи по поводу алмаза и не из-за чего было отменять законное обязательство, по которому мистер Фрэнклин должен был передать алмаз своей кузине. Таков был мой взгляд на дело, и хотя мистер Фрэнклин много раз менял свое решение, он вынужден был, наконец, согласиться со мной. Мы решили, что он поедет верхом, после ланча, во Фризинголл и привезет алмаз и, по всей вероятности, мистера Годфри в обществе двух молодых девиц, его сестер.

Приняв такое решение, наш молодой джентльмен опять отправился к мисс Рэчел.

Они провели все утро за раскрашиванием двери. Пенелопа, стоя рядом, размешивала краски по их указанию, а миледи перед ланчем то входила в комнату, то выходила, приложив к носу платок (они злоупотребляли в этот день составом мистера Фрэнклина), и напрасно старалась оторвать художников от работы. Не ранее трех часов сняли они передники, отпустили Пенелопу (которая больше всех пострадала от состава) и смыли с себя всю эту пачкотню. Но они добились, чего хотели, – закончили дверь ко дню рождения и очень гордились своей работой. Грифы, купидоны и все прочее было, должен признаться, очень красиво на глаз, но их было так много, они были так перепутаны цветами и девизами, а позы их представлены так ненатурально, что купидоны эти пренеприятно врезались вам в память на много часов после того, как вы имели удовольствие посмотреть на них. Если я прибавлю, что по окончании утренней работы Пенелопу стошнило в черной кухне, то говорю это не из предубеждения против состава. Нет, нет! Он перестал вонять, как только высох, а если искусство требует подобных жертв, то, хотя Пенелопа родная дочь мне, – я скажу: пусть искусство получит эту жертву.

Мистер Фрэнклин закусил наскоро за ланчем и поехал во Фризинголл – привезти своих кузин (как он сказал миледи) и

доставить Лунный камень (как было известно только ему и мне).

Так как это был один из тех торжественных дней, когда я должен был занять место у буфета и распорядиться во время обеда, то в отсутствие мистера Фрэнклина у меня было чем занять свои мысли. Приготовив вино и сделав смотр мужской и женской прислуге, которая должна была служить за обедом, я ушел к себе собраться с мыслями, прежде чем приедут гости. Затянувшись – вы знаете чем – и заглянув – вы знаете, в какую книгу, о которой я уже имел случай упоминать на этих страницах, – я успокоился и душевно и телесно. Меня пробудил – не от дремоты, а от задумчивости – топот копыт, и я пошел встречать кавалькаду, состоявшую из мистера Фрэнклина, его кузена и двух кузин, сопровождаемых грумом старого мистера Эблуайта.

Мистер Годфри весьма поразил меня тем, что был похож на мистера Фрэнклина в одном отношении, – он казался не в духе. Он, по обыкновению, ласково пожал мне руку и вежливо выразил удовольствие, видя своего старого друга Беттереджа в столь добром здоровье. Но он был как-то сумрачен, чего я ничем не мог объяснить, и когда я спросил о здоровье его отца, ответил довольно коротко:

– Как всегда, Беттередж!

Зато обе мисс Эблуайт были веселы за десятерых, и это вполне восстановило равновесие. Они были почти так же высоки, как их брат, рослые, желтоволосые, румяные девицы, с избытком крови и мяса; здоровьем и веселостью так и пышет от них. Бедные лошади прямо подгибались под ними, и когда они соскочили с седел, не дожидаясь помощи, то, уверяю вас, подпрыгнули на земле, словно резиновые мячи. Все, что говорят мисс Эблуайт, начинается с большой буквы «О», все, что они делают, сопровождается шумом; они хихикали и кричали кстати и некстати при малейшем поводе. Тараторки – вот как я их прозвал.

Воспользовавшись шумом, производимым этими молодыми девицами, я тайком обменялся словцом-другим с мистером

Фрэнклином в передней:

– Благополучно привезли алмаз, сэр?

Он кивнул головой и ударил по нагрудному карману своего сюртука.

– Видели индусов?

– Ни одного.

Дав этот ответ, он спросил о миледи и, услышав, что она в маленькой гостиной, направился прямо туда. Он не пробыл там и минуты, как раздался звонок и Пенелопа доложила мисс Рэчел, что мистер Фрэнклин Блэк желает поговорить с ней.

Проходя через переднюю спустя полчаса после этого, я вдруг остановился как вкопанный, услышавши взрыв восклицаний из маленькой гостиной. Не могу сказать, чтобы я испугался, – в этих возгласах мне послышалось любимое «О» обеих мисс Эблуайт. Однако я вошел (под предлогом спросить распоряжений об обеде), чтобы узнать, не случилось ли чего-нибудь серьезного.

Там, у стола, стояла, как очарованная, мисс Рэчел, с злополучным алмазом полковника в руках. Там, по обе ее стороны, стояли на коленях тараторки, пожирая глазами драгоценный камень и вскрикивая от восторга всякий раз, как он излучал новый блеск. Там, у противоположного конца стола, стоял мистер Годфри; он всплескивал руками, как взрослый ребенок, и тихо произносил своим певучим голосом:

– Бесподобен! Бесподобен!

Мистер Фрэнклин сидел перед футляром, дергая себя за бороду, и тревожно поглядывал в сторону окна. А у окна, куда он смотрел, повернувшись спиной ко всему обществу, сидел предмет его созерцания – миледи, державшая в руке выписку из завещания полковника.

Она обернулась, когда я спросил у нее о распоряжениях к обеду, и я увидел фамильную складку у нее на лбу, и фамильный темперамент проглянул в уголках ее рта.

– Зайдите через полчаса ко мне в комнату, – ответила она. – Я должна кое-что вам сказать.

С этими словами она вышла из гостиной. Было ясно, что ею овладели те же сомнения, какие охватили мистера Фрэнклина и меня во время нашего совещания на Зыбучих песках. Что означало завещание Лунного камня? То ли, что она жестоко и несправедливо обошлась со своим братом? Или же брат ее был еще хуже, чем она думала о нем? Серьезный вопрос должна была решить миледи, между тем как ее дочь, ничего не зная о характере полковника, стояла с его подарком в руках.

Прежде чем я успел в свою очередь выйти из комнаты, мисс Рэчел, всегда внимательная к старому слуге, бывшему в доме со дня ее рождения, остановила меня.

– Посмотрите, Габриэль, – сказала она и поднесла сверкнувший алмаз к солнечному лучу, падавшему из окна.

Господи помилуй! Вот уж поистине алмаз! Величиной с яйцо ржанки! Блеск, струившийся из него, походил на сияние полной луны. Когда вы смотрели на камень, его золотистая глубина притягивала ваши глаза к себе, так что вы не видели ничего другого. Глубина его казалась неизмеримой: этот камень, который вы могли держать между большим и указательным пальцами, казался бездонным, как само небо. Сначала он лежал на солнце; потом мы затворили ставни, и он засиял в темноте своим собственным лунным блеском. Неудивительно, что мисс Рэчел была очарована; неудивительно, что кузины ее то и дело вскрикивали. Алмаз до такой степени обворожил и меня, что я так же громко вскрикнул «О!», как и тараторки. Один мистер Годфри сохранил самообладание. Он обнял за талию своих сестер и, снисходительно посматривая то на алмаз, то на меня, сказал:

– Уголь, Беттередж! Простой уголь, мой добрый друг!

Я полагаю, он сказал это с целью просветить меня. Но он только напомнил мне об обеде. Я заковылял к своей команде вниз. Когда я выходил, мистер Годфри проговорил:

– Милый, старый Беттередж! Я питаю к нему искреннее уважение!

В ту минуту, когда он достаивал меня этим изъявлением своего расположения, он нежно обнимал своих сестер и нежно поглядывал на мисс Рэчел, – вот какой запас любви таился в нем! Мистер Фрэнклин был настоящий дикарь по сравнению с ним.

Через полчаса я явился, как мне было приказано, в комнату миледи.

То, что произошло в этот вечер между моей госпожой и мной, было повторением того, что произошло между мистером Фрэнклином и мною на Зыбучих песках, с той лишь разницей, что я умолчал о фокусниках, ибо пока ничто не давало мне повода пугать миледи на этот счет. Когда меня отпустили, я не мог не заметить, что миледи смотрела с самой черной стороны на побуждения полковника и желала при первом удобном случае отнять у дочери Лунный камень.

Возвращаясь на свою половину, я встретил мистера Фрэнклина. Он пожелал узнать, не видел ли я его кузину Рэчел. Нет, я ее не видел. Не мог ли я сказать ему, где кузен Годфри? Нет, не мог; но я начал подозревать, что кузен Годфри должен быть недалеко от кузины Рэчел. Подозрения мистера Фрэнклина, по-видимому, приняли то же направление. Он сильно дернул себя за бороду и заперся в библиотеке, захлопнув за собою дверь с шумом, который многое обозначал.

Меня уже не отрывали от приготовлений к обеду, пока не настало время принарядиться для приема гостей. Не успел я надеть белый жилет, как явилась Пенелопа, будто бы для того, чтобы причесать те немногие волосы, которые у меня остались на голове, и поправить бант моего галстука. Девочка моя была очень весела, и я видел, что она хочет что-то сказать мне. Она поцеловала меня в лысину и шепнула:

– Новости, батюшка! Мисс Рэчел отказала ему.

– Кому? – спросил я.

– Члену дамского комитета, – ответила Пенелопа. – Гадкий хитрец! Я ненавижу его за то, что он старается вытеснить мистера Фрэнклина.

Если бы я мог свободно вздохнуть в эту минуту, я, наверное, запротестовал бы против таких неприличных выражений о знаменитом филантропе. Но дочь моя в эту минуту завязывала бант моего галстука, и вся сила ее чувства перешла в ее пальцы. Я никогда в жизни не был так близок к удушению.

– Я видела, как он увел ее в цветник, – болтала Пенелопа, – и спряталась за остролистником, чтобы посмотреть, как они воротятся. Они ушли рука об руку, и оба смеялись. А воротились они врозь, угрюмые, как могила, и глядя в разные стороны, так что ошибиться было нельзя. Я никогда в жизни не была так рада, батюшка! Есть же на свете хоть одна женщина, которая может устоять против мистера Годфри Эблвайта; а будь я леди, я была бы второй!

Тут я хотел опять запротестовать. Но моя дочь в это время взяла в руки щетку, и вся сила ее пальцев перешла туда. Если вы плешивы, вы поймете, как она меня исцарапала. Если вы не плешивы, пропустите эти строки и благодарите Бога, что у вас есть защита между головной щеткой и кожей вашей головы.

– Мистер Годфри остановился по другую сторону остролистника, – продолжала Пенелопа. – «Угодно ли вам, – сказал он, – чтобы я у вас остался, как если бы ничего не произошло?» Мисс Рэчел обернулась к нему быстро, как молния. «Вы приняли приглашение моей матери, – сказала она, – и вы здесь вместе с ее гостями. Если вы не хотите возбудить разговора в доме, разумеется, вы останетесь здесь!» Она сделала несколько шагов, а потом как будто немножко смягчилась. «Забудем, что случилось, Годфри, – сказала она, – и останемся кузенами». Она подала ему руку, которую он поцеловал, что я сочла бы за вольность, а потом ушла. Он немножко постоял, повесив голову и медленно копая каблуком яму в песке; вот уж никогда в моей жизни не видела я человека более сконфуженного. «Неловко! – сказал он сквозь зубы, подняв глаза и направившись к

дому. – Очень неловко!» Если это было его мнение о самом себе, то он был совершенно прав. Конечно, довольно неловко. А ведь вышло-то, батюшка, как я вам давно говорила! – вскричала Пенелопа, в последний раз царапнув меня щеткой изо всех сил. – Настоящий-то – это мистер Фрэнклин!

Я завладел щеткой и раскрыл рот, чтобы сделать выговор, которого, сознайтесь, слова и поведение моей дочери вполне заслуживали. Но прежде чем я успел сказать слово, послышался стук колес. Это начали съезжаться гости. Пенелопа тотчас убежала. Я надел фрак и посмотрел на себя в зеркало. Голова моя была красна, как рак, но в других отношениях я был одет для вечерней церемонии так прилично, как полагалось. Я поспел в переднюю как раз вовремя, чтобы доложить о двух первых гостях. Вам нечего ими особенно интересоваться. Это были только отец и мать филантропа – мистер и миссис Эблуайт.

Глава 10

Один за другим гости прибывали вслед за Эблуайтами, пока не оказались в полном составе. Включая хозяев, всех было двадцать четыре человека. Прекрасное это было зрелище, когда все уселись за стол и ректор фризинголлский, обладавший превосходным произношением, встал и прочел молитву.

Не буду утомлять вас описанием гостей. Вы не встретите никого из них во второй раз – по крайней мере, в моей части рассказа, – за исключением двух.

Эти последние сидели по обе стороны мисс Рэчел, которая, как царица праздника, естественно, была предметом внимания всего общества. На этот раз она более обыкновенного была центром, к которому обращали свои глаза присутствующие, потому что (к тайному неудовольствию миледи) на груди ее сиял чудный подарок, затмевавший все остальные, – Лунный камень. Он был отдан ей без

оправы, но этот универсальный гений, мистер Фрэнклин, успел с помощью своих ловких пальцев и серебряной проволоки пришпилить его, как брошку, к ее белому платью. Разумеется, все восхищались огромной величиной и красотой алмаза. Но только двое сказали кое-что не совсем обыкновенное – это были два гостя, о которых я упоминал, сидевшие по правую и по левую руку мисс Рэчел.

Гость по левую руку был мистер Канди, наш фризинголлский доктор.

Это был приятный, общительный маленький человек, однако, должен признаться, с одним недостатком: он любил кстати и некстати восхищаться собственными шуточками и довольно опрометчиво вступать в разговор с незнакомыми. В обществе он постоянно делал ошибки и без всякого умысла ссорил других людей между собой. В медицинской практике он держал себя гораздо осторожнее, руководствуясь каким-то инстинктом (по словам его врагов), который оказывался безошибочным там, где более рассудительные доктора делали ошибки. То, что он сказал об алмазе мисс Рэчел, было сказано, по обыкновению, в виде мистификации или шутки. Он умолял ее (в интересах науки) взять алмаз да и сжечь.

– Мы сначала нагреем его, мисс Рэчел, – говорил доктор, – до известного градуса теплоты, потом подвергнем его действию воздуха и мало-помалу испарим алмаз и избавим вас от забот сохранять такой драгоценный камень.

Миледи слушала с таким озабоченным выражением на лице, словно желала, чтобы доктор говорил серьезно и чтобы ему удалось возбудить в мисс Рэчел желание пожертвовать для пользы науки своим подарком.

Другой гость, сидевший по правую руку моей барышни, был знаменитый индийский путешественник, мистер Мертуэт, который, рискуя жизнью, пробрался, переодевшись, туда, где никогда еще не бывала нога ни одного европейца.

Это был длинный, худощавый, смуглый, молчаливый человек, утомленный на вид и с очень твердым, внимательным взглядом. Ходили слухи, что ему надоела будничная жизнь среди людей в наших странах и что он тоскует по диким странам Востока. За исключением того, что он сказал мисс Рэчел по поводу ее алмаза, вряд ли проговорил он и шесть слов или выпил стакан вина за все время обеда. Лунный камень был единственным предметом, заинтересовавшим его до некоторой степени. Слава этого камня, по-видимому, дошла до него давно, когда он странствовал в каких-то опасных местах. Пристально глядя на него, он молчал так долго, что мисс Рэчел начала конфузиться, и, наконец, сказал ей со своим обычным хладнокровием:

– Если вы когда-нибудь поедете в Индию, мисс Вериндер, не берите с собою подарка вашего дяди. Индийский алмаз является предметом религиозного культа в Индии. Я знаю один город и один храм в этом городе, где ваша жизнь не продлилась бы и пяти минут, появившись вы с этим украшением.

Мисс Рэчел, находясь в безопасности в Англии, с восторгом слушала о той опасности, которая грозила бы ей в Индии. Тараторки были в еще большем восторге – они шумно побросали ножи и вилки и громко закричали:

– О, как интересно!

Миледи задвигалась на своем стуле и переменила разговор.

По мере того как подвигался обед, я примечал мало-помалу, что этот праздник далеко не так удался, как удавались предыдущие.

Припоминая теперь день рождения и то, что случилось позже, я почти готов думать, что проклятый алмаз навел какое-то уныние на все общество. Я потчевал их вином и, будучи привилегированным лицом, следовал вокруг стола за теми кушаньями, которых брали мало, и шептал гостям:

– Пожалуйста, попробуйте; я знаю, что это вам понравится.

В девяти случаях из десяти они пробовали из уважения к старому оригиналу Беттереджу – так угодно было им именовать меня, – но

все напрасно. Разговор не клеился, и мне самому делалось не по себе. А когда кто-нибудь заговаривал, то всегда как-то некстати. К примеру, мистер Канди, доктор, более обыкновенного наговорил неловкостей. Вот вам один образчик, и вы поймете, что я должен был чувствовать, стоя у буфета в качестве человека, который всем сердцем желал успеха празднику.

Среди дам, присутствовавших за обедом, была почтенная миссис Тридголл, вдова профессора. Эта добрая дама беспрестанно говорила о своем покойном муже, никогда не сообщая посторонним о том, что он уже отошел в лучший мир. Я полагаю, она была уверена, что каждый мало-мальски образованный англичанин должен это знать. В одну из наступивших заминок в разговоре кто-то упомянул о сухом и довольно неприличном предмете – об анатомии человеческого тела; тотчас же добрая миссис Тридголл завела речь о своем покойном муже, не упоминая, что он умер. Анатомия, по ее словам, была любимым занятием профессора в часы досуга. К несчастью, мистер Канди, сидевший напротив и ничего не знавший о покойном джентльмене, услышал ее. Будучи чрезвычайно вежлив, он воспользовался этим случаем, чтобы тотчас же предложить профессору свои услуги по части анатомических досугов.

– Недавно в хирургической академии получено несколько замечательных скелетов, – сказал мистер Канди через стол своим громким, веселым голосом. – Я очень советую, сударыня, профессору посмотреть их, когда у него найдется свободный часок.

Стало так тихо, что можно было бы услышать, как падает булавка. Гости (из уважения к памяти профессора) сидели в гробовом молчании. Я в это время стоял за стулом миссис Тридголл, потчюя ее рейнвейном. Она опустила голову и проговорила тихим голосом:

– Мой возлюбленный супруг уже не существует более.

К несчастью, мистер Канди не услышал ее слов и, нисколько не подозревая истины, продолжал через стол еще громче и вежливее прежнего:

– Может быть, профессору неизвестно, что с карточкой члена академии он может быть там каждый день, кроме воскресенья, от десяти до четырех часов?

Миссис Тридголл уткнула голову в кружевной воротник и повторила еще тише торжественные слова:

– Мой возлюбленный супруг не существует более.

Я мигал мистеру Канди через стол. Мисс Рэчел толкала его под руку. Миледи бросала на него невыразимые взгляды. Совершенно бесполезно! Он продолжал с добродушием, которого никак нельзя было остановить:

– Я был бы очень рад послать профессору мою карточку, если вы сообщите мне его адрес.

– Его адрес, сэр, – могила, – сказала миссис Тридголл, вдруг выйдя из терпения, и заговорила с такой яростью, что рюмки забренчали: – Профессор скончался десять лет назад!

– О великий Боже! – сказал мистер Канди.

Исключая тараторок, которые захохотали, такое уныние распространилось во всем обществе, будто все готовы были убраться вслед за профессором и, подобно ему, взывать из могилы.

Но довольно о мистере Канди. Остальные гости вели себя так же неподобающе, как и доктор. Когда им следовало говорить, они не говорили, а когда заговаривали, то все невпопад. Мистер Годфри, обычно столь красноречивый на трибуне, решительно не желал проявлять себя в частном обществе. Сердит он был или сконфужен после своего поражения в цветнике, я сказать не могу. Он приберег все свое красноречие для ушей сидевшей с ним рядом дамы, члена нашей семьи. Она была участницей его комитета, особой весьма достойной, с прекрасной обнаженной шеей и с большим пристрастием к шампанскому, – она любила его сухим и, вы понимаете, в большом количестве. Я стоял за их спиной возле буфета и могу засвидетельствовать, что общество лишилось очень назидательного разговора, который я слушал, откупоривая пробки, разрезая баранину и прочее, и прочее. Что именно говорили они о

благотворительных делах, я не слышал. Но когда я начал прислушиваться к ним, они уже давно перестали рассуждать о женщинах, разрешающихся от бремени, и о женщинах, спасаемых от бедности, и перешли к более серьезным предметам. Религия (как я понял из их слов, откупоривая пробки и разрезая мясо) означает любовь. А любовь означает религию. А земля была небом несколько обветшалым. А небо было землею, несколько обновившеюся. На земле жили довольно порочные люди, но зато, искупая это, все женщины будут на небе членами обширного комитета, где никто никогда не ссорится, а мужчины, в виде ангелов-распорядителей, будут исполнять веления женщин. Прелестно! Прелестно! Но почему же мистер Годфри лишил остальное общество такой интересной беседы?

Вы, может быть, думаете, что мистер Фрэнклин постарался расшевелить общество и сделать вечер приятным?

Ничуть не бывало! Он совершенно оправился и был в самом веселом расположении духа; я подозреваю, что Пенелопа сообщила ему, как мистер Годфри был принят в цветнике. Но о чем бы он ни заговаривал, в девяти случаях из десяти он выбирал неловкий предмет или обращался невпопад, и кончилось тем, что одних он оскорбил, других озадачил. Его заграничное воспитание – эти французская, немецкая и итальянская стороны его, о которых я упоминал выше, – обнаружилось самым неблагоприятным образом за гостеприимным столом миледи.

Что вы думаете, например, по поводу его рассуждения о том, как далеко может зайти замужняя женщина в своем расположении к постороннему мужчине? Все это он с французским остроумием растолковывал незамужней тетке фризинголлского vicария! Что вы скажете, когда он, уклонившись в немецкую сторону, объявил одному из землевладельцев, великому авторитету по части скотоводства, говорившему о своей опытности в разведении быков, что опытность, строго говоря, ничего не стоит и что надлежащий способ разводить быков состоит в том, чтобы углубиться в самого

себя, развить идею образцового быка и таким способом произвести его на свет? И наконец, какого вы мнения о следующем его выпаде: когда у депутата нашего графства, разгорячившегося за сыром и салатом по поводу распространения демократизма в Англии, вырвались следующие слова: «Если мы лишимся старинной защиты наших прав, мистер Блэк, позвольте вас спросить, что же у нас останется?» – мистер Фрэнклин ответил с итальянской точки зрения:

– У нас останутся три вещи, сэр: любовь, музыка и салат!

Мистер Фрэнклин не только перепугал людей подобными выходками, но, когда английская сторона его вышла, наконец, наружу, он утратил свой заграничный лоск и, перейдя к разговору о медицинской профессии, так поднял на смех всех докторов, что взбесил даже маленького добродушного мистера Канди.

Спор между ними начался с того, что мистер Фрэнклин принужден был сознаться – я забыл, по какому поводу, – что в последнее время он страдает бессонницей. Мистер Канди сказал ему на это, что его нервы расстроились и что он немедленно должен начать лечиться. Мистер Фрэнклин ответил, что лечиться и идти ощупью впотьмах – по его мнению, одно и то же. Мистер Канди, отвечая метким ударом, сказал, что сам мистер Фрэнклин ищет сна ощупью впотьмах, и только лекарство может помочь ему найти его. Мистер Фрэнклин, отражая удар, со своей стороны сказал, что он часто слышал, как слепец водит слепца, а теперь в первый раз он узнал, что это значит. Таким образом пререкались они резко и метко, и оба разгорячились; особенно мистер Канди до того вышел из себя, защищая свою профессию, что миледи была вынуждена вмешаться и запретила продолжать спор. Этот вынужденный необходимостью приказ окончательно уничтожил веселость гостей. Разговор начинался еще время от времени то там, то сям минуты на две, но в нем не доставало ни жизни, ни огня. Сатана (или алмаз) вселился в гостей, и все почувствовали облегчение, когда госпожа моя встала и подала дамам сигнал оставить мужчин за вином.

Только я расставил в ряд графины перед старым мистером Эблуайтом (который заменял хозяина дома), как на террасе раздались звуки, до такой степени испугавшие меня, что я тотчас же лишился всех светских манер. Мы переглянулись с мистером Фрэнклином: это был звук индийского барабана. Я готов был поклясться, что фокусники возвратились к нам, узнав о появлении в нашем доме Лунного камня.

Когда они уже обходили угол террасы, я поспешил к ним, чтобы отослать их прочь. Но, к несчастью, две тараторки опередили меня. Они выбежали на террасу, как пара фейерверочных ракет, с нетерпением желая взглянуть на фокусы индусов. Другие дамы последовали за ними, и, наконец, вышли и мужчины. Прежде чем вы успели бы сказать «Господи помилуй», мошенники начали свое представление, а тараторки уже целовали хорошенького мальчика.

Мистер Фрэнклин стал возле мисс Рэчел, а я позади нее. Если наши подозрения были справедливы, она, ничего не подозревая, показала индусам алмаз на своем платье.

Не могу сказать, какие шутки они представляли и как они представляли. Раздосадованный неудачным обедом и рассерженный на мошенников, подоспевших как раз вовремя, чтобы увидеть алмаз собственными глазами, я, признаюсь, совсем растерялся. Первое, что я помню, это внезапное появление на сцене индийского путешественника мистера Мертуэта. Обойдя полукруг стоявших или сидевших гостей, он спокойно подошел сзади к фокусникам и вдруг заговорил с ними на их родном языке.

Если бы он пронзил их штыком, я сомневаюсь, испугались ли бы индусы сильнее и повернулись ли бы к нему с такой же быстротою, как сейчас, услышав первые слова, сорвавшиеся с его губ. Через минуту они уже кланялись ему самым вежливым и раболепным образом. Обменявшись с ними несколькими словами на неизвестном языке, мистер Мертуэт ушел так же спокойно, как пришел. Главный фокусник, исполнявший роль переводчика, опять повернулся к зрителям. Я заметил, что кофейное лицо этого

человека сделалось серым, после того как мистер Мертуэт поговорил с ним. Он поклонился миледи и объявил ей, что представление кончилось. Тараторки, чрезвычайно разочарованные, вскричали громко: «О!» – направленное против мистера Мертуэта за то, что он остановил представление. Главный фокусник униженно приложил руку к груди и во второй раз сказал, что представление кончено. Мальчик стал обходить всех со шляпой. Дамы ушли в гостиную, а мужчины (за исключением мистера Фрэнклина и мистера Мертуэта) возвратились к своему вину. Я с одним из лакеев пошел вслед за индусами, чтобы выпроводить их подальше от нашего дома.

Возвращаясь через кустарник, я почувствовал запах табака и увидел мистера Фрэнклина и мистера Мертуэта (последний курил сигару), медленно ходивших взад и вперед между деревьями. Мистер Фрэнклин сделал мне знак, чтобы я подошел к нему.

– Это, – сказал мистер Фрэнклин, представляя меня знаменитому путешественнику, – Габриэль Беттередж, старый слуга и друг нашего семейства, о котором я сейчас вам говорил. Повторите ему, пожалуйста, все то, что вы сейчас сказали мне.

Мистер Мертуэт вынул сигару из рта и со своим обычным утомленным видом прислонился к дереву.

– Мистер Беттередж, – начал он, – эти три индуса такие же фокусники, как мы с вами.

Новая неожиданность! Само собой, я спросил у путешественника, не встречался ли он с этими индусами прежде.

– Никогда, – ответил мистер Мертуэт, – но я знаю, что такое индусские фокусы. Все, что вы видели сегодня, это только очень плохое и неловкое подражание им. Если мой большой и долгий опыт не обманывает меня, эти люди – брамины высокой касты. Я сказал им, что они переодеты, и вы видите, как это их смутило, хотя индусы очень искусно умеют скрывать свои чувства. В их поведении есть какая-то тайна, которой я объяснить не могу; они вдвойне погрешили против своей касты, – во-первых, переехав через море,

во-вторых, переодевшись фокусниками. В той стране, где они живут, это страшное преступление. Должна быть очень серьезная причина для этого и какое-нибудь не совсем обыкновенное оправдание, чтобы они получили возможность снова быть принятыми в свою касту, когда возвратятся на родину.

Я онемел от изумления. Мистер Мертуэт продолжал курить свою сигару. Мистер Фрэнклин, маневрируя, как показалось мне, между различными сторонами своего характера, прервал молчание, заговорив в милом итальянском стиле, сквозь который проглядывал прочный английский фундамент:

– Я не решился бы, мистер Мертуэт, беспокоить вас нашими семейными делами, которые не могут вас интересовать и о которых я сам не весьма охотно говорю вне нашего домашнего круга. Но после ваших слов я считаю себя обязанным, в интересах леди Вериндер и ее дочери, рассказать вам о том, что, может быть, даст вам в руки ключ. Я говорю с вами по секрету, и, смею надеяться, вы этого не забудете.

После такого предисловия он передал индийскому путешественнику (перейдя к ясному французскому способу изложения) все, о чем рассказывал мне на Зыбучих песках. Даже бесстрашный Мертуэт до того заинтересовался этим рассказом, что дал потухнуть своей сигаре.

– Что говорит вам обо всем этом ваш опыт? – спросил мистер Фрэнклин в заключение.

– Мой опыт говорит, – ответил путешественник, – что вы были гораздо ближе к смерти, чем бывал я в своей жизни, мистер Блэк, а этим много сказано.

Пришла очередь удивиться самому мистеру Фрэнклину.

– Неужели это так серьезно? – спросил он.

– По моему мнению, да, – ответил мистер Мертуэт. – Я не могу сомневаться после всего рассказанного вами, что возвращение Лунного камня на его место, на чело индусского идола, есть причина и оправдание того нарушения закона касты, о котором я вам

говорил. Эти люди будут ждать удобного случая с терпением кошек и воспользуются им со свирепостью тигра. Как вы избавились от них, я понять не могу, – прибавил знаменитый путешественник, снова закулив свою сигару и пристально глядя на мистера Фрэнклина. – Вы разъезжали с алмазом взад и вперед здесь и в Лондоне, и вы еще живы! Постараемся это разъяснить. Я полагаю, оба раза вы вынимали алмаз из лондонского банка среди белого дня?

– Да, – ответил мистер Фрэнклин.

– И на улицах тогда было много народа?

– Много.

– Вы, разумеется, назначили время, в какое должны были приехать к леди Вериндер. Отсюда до станции местность уединенная. Вы приехали в назначенный день?

– Нет, я приехал четырьмя часами ранее назначенного срока.

– Позвольте поздравить вас с этим! Когда вы отвезли алмаз назад?

– Я отвез его через час после приезда сюда и за три часа до того, как меня ожидали здесь видеть.

– Позвольте опять вас поздравить! Вы привезли его обратно один?

– Нет. Я приехал с моим кузенком, кузинами и грумом.

– Позвольте поздравить вас в третий раз! Если когда-нибудь вы вздумаете попутешествовать вне границ цивилизации, мистер Блэк, дайте мне знать, и я поеду с вами. Вы счастливый человек.

Тут я вмешался. Мои английские взгляды не мирились с подобными вещами.

– Неужели вы хотите сказать, сэр, – воскликнул я, – что индусы лишили бы жизни мистера Фрэнклина, чтобы овладеть своим алмазом, если бы он предоставил им эту возможность?

– Вы курите, мистер Беттередж? – спросил путешественник.

– Курю, сэр.

– Очень вы дорожите той золой, которая остается на дне вашей трубки?

– Нисколько не дорожу, сэр.

– В той стране, из которой приехали эти люди, так же мало дорожат жизнью человека, как вы – золой вашей трубки. Если бы жизнь тысячи человек стояла между ними и возвращением алмаза и если бы они думали, что могут убить этих людей безнаказанно, они убили бы их всех. Жертва кастой дело серьезное в Индии, жертва жизнью не значит ничего.

На это я высказал свое мнение, что это шайка воров и убийц. Мистер Мертуэт высказал свое мнение, что это удивительный народ. Мистер Фрэнклин не высказал никакого мнения, а возвратил нас к делу.

– Они видели Лунный камень на платье мисс Вериндер, – сказал он. – Что теперь делать?

– То, что грозил сделать ваш дядя, – ответил мистер Мертуэт. – Полковник Гернкастл понимал, с какими людьми он имеет дело. Пошлите алмаз завтра (под караулом нескольких человек) в Амстердам. Велите сделать из него полдюжины бриллиантов вместо одного. Тогда кончится священное значение Лунного камня – кончится и опасность.

Мистер Фрэнклин обернулся ко мне.

– Нечего делать, – сказал он. – Мы должны завтра же переговорить с леди Вериндер.

– А как же сегодня, сэр? – спросил я. – Что, если индусы вернуться?

Мистер Мертуэт ответил мне, прежде чем успел заговорить мистер Фрэнклин.

– Индусы не решатся вернуться сегодня, – сказал он. – Они никогда не идут прямым путем, не говоря уже о таком деле, как это, когда малейшая ошибка может быть гибельной для их цели.

– Но если эти мошенники окажутся смелее, чем вы думаете, сэр? – настаивал я.

– В таком случае спустите собак, – сказал мистер Мертуэт. – Есть у вас большие собаки на дворе?

– Есть две, сэр. Бульдог и ищейка.

– Их достаточно. В настоящем случае, мистер Беттередж, бульдог и ищейка имеют одно большое достоинство: их, вероятно, не будет мучить ваша совестливость относительно неприкосновенности человеческой жизни.

Звуки фортепиано донеслись до нас из гостиной, когда он пустил в меня этот последний заряд. Он бросил свою сигару и взял под руку мистера Фрэнклина, чтобы возвратиться к дамам. Идя за ними в дом, я заметил, что небо быстро покрывается тучами. Мистер Мертуэт тоже это заметил. Он посмотрел на меня со своей обычной сухостью и насмешливостью и сказал:

– Индусам в нынешнюю ночь понадобятся зонтики, мистер Беттередж!

Хорошо было ему шутить. Но я не был знаменитым путешественником и прошел свой жизненный путь, не рискуя жизнью среди воров и убийц в разных заморских странах. Я вошел в свою комнатку, сел в свое кресло, весь в поту, и спросил себя с отчаянием: что же теперь делать? В таком тревожном состоянии духа другие впали бы в лихорадку. Я кончил совсем другим образом. Я закурил трубку и заглянул в «Робинзона Крузо».

Не прошло и пяти минут, как мне попало это удивительное место, страница сто шестьдесят первая:

«Страх опасности в десять тысяч раз страшнее самой опасности, видимой глазу, и мы находим, что бремя беспокойства гораздо больше того несчастья, которое нас тревожит».

У человека, который после *этого* не уверует в Робинзона Крузо, или недостает в мозгу винтика, или он отуманен самонадеянностью. Не стоит тратить на него доказательств, лучше сохранить их для человека с более доверчивой душой.

Я давно уже выкурил вторую трубку и все восхищался этой удивительной книгой, когда Пенелопа (подававшая чай) пришла ко мне с донесением из гостиной. Она оставила тараторок певшими дуэт, – слова начинались с «о», и музыка соответствовала словам. Она заметила, что миледи делала ошибки в висте, чего мы прежде

никогда за ней не замечали. Она видела, что знаменитый путешественник заснул в углу. Она слышала, как мистер Фрэнклин потешался над мистером Годфри по поводу дамских комитетов вообще, а мистер Годфри возражал ему гораздо резче, нежели приличествовало джентльмену с такими благопристойными манерами. Она подметила, как мисс Рэчел, по-видимому пытаясь успокоить миссис Тридголл, показывала ей фотографии, на самом же деле бросала украдкой на мистера Фрэнклина такие взгляды, в которых ни одна умная горничная не могла ошибиться ни на минуту. Наконец, она видела, как мистер Канди, доктор, таинственно исчезнувший из гостиной и потом таинственно вернувшийся, вступил в секретный разговор с мистером Годфри. Словом, дела шли гораздо хуже, чем, судя по обеду, мы имели право ожидать. Если бы только мы могли продержаться еще часок, старик Время подвез бы экипажи и освободил бы нас совсем от гостей.

Все проходит на этом свете, и даже успокоительное действие «Робинзона Крузо» прошло, когда Пенелопа ушла от меня. Я опять разволновался и решил обойти вокруг дома, прежде чем начнется дождь. Вместо того чтобы взять лакея, у которого был человеческий нос и, следовательно, бесполезный в каком-нибудь непредвиденном случае, я взял с собой ищейку. Можно было положиться на то, что уж ее-то нос почуял бы чужого. Мы обошли вокруг дома и вышли на дорогу; мы вернулись так, как и ушли, – ни с чем, не найдя нигде притаившегося человеческого существа. Я опять посадил собаку на цепь и, возвращаясь через кустарник, встретил наших двух джентльменов, выходявших ко мне из гостиной. Это были мистер Канди и мистер Годфри; они (как сообщила мне Пенелопа) все еще разговаривали между собой, тихо смеясь над какой-то забавной выдумкой. Я подивился тому, что эти два человека подружились, но, разумеется, прошел мимо, будто не замечая их.

Прибытие экипажей как бы послужило началом к дождю. Он полил так, словно имел намерение лить всю ночь. За исключением доктора, которого ожидал открытый гиг^[4], все остальное общество

очень удобно отправилось домой в каретах. Я высказал опасение мистеру Канди, как бы он не промок насквозь. Он же ответил мне, что удивляется, как это я дожил до своих лет и не знаю, что кожа доктора непромокаема. Он укатил под дождем, смеясь над своей шуточкой, и мы, таким образом, избавились от наших обеденных гостей. Теперь остается рассказать историю этой ночи.

Глава 11

Когда последний из гостей уехал, я вернулся в холл и нашел Сэмюела у бокового столика, готовившего бренди и содовую воду. Миледи и мисс Рэчел пришли из гостиной в сопровождении двух джентльменов. Мистер Годфри выпил бренди с содовой водой, мистер Фрэнклин не пил ничего. Он сел; вид у него был смертельно усталый. Должно быть, разговор в этот торжественный день измучил его.

Миледи, повернувшись, чтоб пожелать нам спокойной ночи, пристально посмотрела на подарок нечестивого полковника, блиставший на платье ее дочери.

– Рэчел, – сказала она, – куда ты спрячешь на ночь свой алмаз?

Мисс Рэчел находилась в самом веселом расположении духа, именно в таком расположении, когда хочется говорить пустяки и упорно отстаивать их, как нечто разумное, что вы, может быть, замечали в молодых девицах, когда нервы их возбуждены в конце дня, переполненного сильными ощущениями. Сперва она объявила, что не знает, куда спрятать алмаз. Потом сказала: «Разумеется, положу на туалет вместе с другими вещами». Потом сообразила, что алмаз может засиять сам по себе своим странным лунным светом в темноте и напугать ее ночью. Потом вспомнила об индусском шкафчике, который стоял в ее гостиной, и тотчас решила спрятать индийский алмаз в индийский шкафчик, чтобы дать возможность двум прекрасным туземным произведениям полюбоваться друг на

друга. Слушавшая терпеливо весь этот вздор, миледи вмешалась и остановила Рэчел:

– Душа моя, твой индусский шкафчик не запирается!

– Великий Боже, мама! – вскричала мисс Рэчел. – Да разве мы в гостинице, разве у нас в доме есть воры?

Не обращая внимания на этот причудливый ответ, миледи пожелала джентльменам доброй ночи, потом повернулась к мисс Рэчел и поцеловала ее.

– Почему бы тебе не отдать мне спрятать твой алмаз? – спросила она.

Мисс Рэчел приняла эти слова так, как приняла бы десять лет назад предложение расстаться с новой куклой. Миледи поняла, что ее в этот вечер не уговорить.

– Приходи ко мне утром, Рэчел, как только встанешь, – сказала она, – я тебе кое-что расскажу.

С этими словами миледи медленно оставила нас, глубоко задумавшись и, по всей вероятности, не очень довольная направлением, какое приняли ее мысли.

Вслед за нею простилась и мисс Рэчел. Сперва она пожала руку мистеру Годфри, который стоял на другом конце зала, разглядывая картину на стене. Потом повернулась к мистеру Фрэнклину, все еще молча и утомленно сидевшему в уголке.

О чем они говорили между собой, я не могу сказать. Но, стоя возле большой дубовой рамы, в которую вделано зеркало, я увидел в нем, как она, прежде чем уйти спать, украдкой вынула из-за корсажа медальон, подаренный ей мистером Фрэнклином, и показала ему с улыбкой, конечно, означавшей нечто не совсем обыкновенное. Это обстоятельство несколько поколебало мою прежнюю уверенность, и я начал думать, что, может быть, Пенелопа права насчет чувств ее барышни.

Как только мисс Рэчел перестала ослеплять его зрение, мистер Фрэнклин заметил и меня. Его непостоянный нрав, то и дело изменявшийся, уже успел измениться и в отношении индусов.

– Беттередж, – сказал он, – я почти готов допустить, что придал слишком большое значение словам мистера Мертуэта, когда мы разговаривали в кустарнике. Желал бы я знать, не угостил ли он нас

росказнями, которыми так любят щегольнуть путешественники? Неужели вы в самом деле намереваетесь выпустить собак?

– Я сниму с них ошейники, сэр, – ответил я, – и дам им вволю побегать ночью, если они учуют чужой след.

– Это хорошо, – сказал мистер Фрэнклин. – Мы тогда увидим, что нам делать завтра. Я вовсе не собираюсь пугать тетушку, Беттередж, без серьезной причины. Спокойной ночи!

Он казался таким утомленным и бледным, когда кивнул мне головой и взял свечу, чтобы идти наверх, что я осмелился посоветовать ему выпить на ночь бренди с содой. Мистер Годфри, подошедший к нам из другого конца комнаты, поддержал меня. Он самым дружеским образом стал уговаривать мистера Фрэнклина выпить чего-нибудь, прежде чем лечь спать.

Я упоминаю об этом обстоятельстве потому, что после всего виденного и слышанного мной в этот день мне было приятно заметить, что оба наши джентльмена по-прежнему находятся в хороших отношениях. Их словесная битва (слышанная Пенелопой в гостиной) и соперничество за благосклонность мисс Рэчел, по видимому, не привели к серьезной размолвке. Но ведь оба они были хорошего характера и люди светские. А люди высокого звания имеют то достоинство, что никогда так не вздорят между собой, как люди незнатные.

Мистер Фрэнклин отказался от бренди и пошел наверх с мистером Годфри, так как комнаты их были рядом, но, вероятно, на площадке кузен уговорил его или, по обыкновению, у него изменилось настроение.

– Может быть, мне и захочется выпить ночью, – крикнул он, – пришлите-ка мне в комнату бренди!

Я послал Сэмюела с бренди и водой, а потом вышел снять ошейники с собак. Обе они чуть не сошли с ума от удивления, что их выпустили в такую пору ночи, и прыгали на меня, как щенки. Однако дождь скоро охладил их пыл; они полакали немножко воды и вползли назад в свою конуру. Возвращаясь домой, я заметил на

небе признаки, предвещавшие перемену погоды к лучшему. Мы с Сэмюелом обошли весь дом и, по обыкновению, заперли все двери. На этот раз я все осмотрел сам и ни в чем не положился на своего помощника. Все было крепко-накрепко заперто, когда мои старые кости улеглись в постель в первом часу ночи.

Должно быть, хлопоты этого дня были мне не под силу. Как бы то ни было, а и я заразился болезнью мистера Фрэнклина в эту ночь. Солнце уже всходило, когда я наконец заснул. Все время, пока я не спал, в доме было тихо, как в могиле. Не слышалось ни малейшего звука, кроме шума дождя и шелеста ветра в деревьях, поднявшегося к утру.

В половине восьмого я проснулся и открыл окно. День был прекрасный, солнечный. Часы пробили восемь, и я вышел, чтобы снова посадить собак на цепь, когда услышал позади себя на лестнице шелест женских юбок.

Я обернулся: с лестницы, как сумасшедшая, бежала за мною Пенелопа.

– Батюшка! – кричала она. – Ради бога, ступайте наверх! Алмаз пропал!

– Ты, верно, с ума сошла? – спросил я.

– Пропал! – повторила Пенелопа. – Пропал, и никто не знает как. Ступайте и посмотрите.

Она потащила меня за собой в гостиную нашей барышни, ведущую в ее спальню. Там, на пороге спальни, стояла мисс Рэчел, почти такая же бледная, как ее белый пеньюар. Обе половинки индийского шкафчика были раскрыты настежь, один из ящиков выдвинут так далеко, как только можно его было выдвинуть.

– Посмотрите! – сказала Пенелопа. – Я сама видела, как мисс Рэчел положила вчера алмаз в этот ящик.

Я подошел к шкафчику: ящик был пуст.

– Правда ли это, мисс? – спросил я.

Со взглядом, который не походил на ее обычный взгляд, и голосом, который не походил на ее голос, мисс Рэчел, ответила, как

моя дочь:

– Алмаз пропал!

Сказав эти слова, она ушла в свою спальню и заперла за собой дверь.

Прежде чем мы успели сообразить, что теперь делать, вошла миледи; она услышала мой голос в гостиной дочери и спросила, что случилось. Известие о пропаже алмаза ошеломило ее. Она тотчас подошла к спальне дочери и настояла, чтобы ее впустили. Мисс Рэчел впустила ее.

Тревога, охватившая дом с быстротой пожара, прежде всего достигла обоих джентльменов.

Мистер Годфри первый вышел из своей комнаты. Когда он услышал, что случилось, он только в изумлении поднял руки кверху, что не слишком много говорило в пользу его душевной твердости. Мистер Фрэнклин, на прозорливость которого я рассчитывал, надеясь, что он подаст нам совет, оказался так же ненаходчив, как и его кузен, когда в свою очередь услышал это известие.

Против ожидания, он наконец-то хорошо выспался, и эта непривычная роскошь привела его, как он сам говорил, в какое-то одурение. Однако, когда мистер Фрэнклин выпил чашку кофе, которую, по иностранному обычаю, всегда выпивал за несколько часов до завтрака, разум его прояснился, и он стал проявлять свое врожденное здравомыслие: решительно и умно он принял следующие меры.

Он начал с того, что послал за слугами и велел им оставить все нижние двери и окна (за исключением парадной двери, которую я отпер) именно так, как они были, когда мы запирали их накануне. Потом он предложил своему кузену и мне, прежде чем предпринять дальнейшие шаги, удостовериться, не завалился ли куда-нибудь алмаз, например, за шкафчик или за стол, на котором стоял шкафчик. Поискав в обоих местах и не найдя ничего, расспросив также Пенелопу и узнав от нее не более того, что она уже сказала

мне, мистер Фрэнклин предложил расспросить мисс Рэчел и послал Пенелопу постучаться в дверь ее спальни.

На стук вышла миледи и закрыла за собою дверь. Через минуту мы услышали звуки ключа в замке – мисс Рэчел заперла дверь изнутри. Госпожа моя подошла к нам в сильном недоумении и огорчении.

– Пропажа алмаза совершенно потрясла Рэчел, – сказала она в ответ мистеру Фрэнклину. – Она какая-то странная и не хочет говорить об этом даже со мной. Вам невозможно увидеть ее теперь.

Усилив этим сообщением о мисс Рэчел наше недоумение, миледи после маленького усилия вернула себе свое обычное спокойствие и смогла действовать с обычной решимостью.

– Я полагаю, что ничего больше не остается делать, как послать за полицией, – сказала она спокойно.

– А полиция прежде всего должна, – прибавил мистер Фрэнклин, подхватив ее слова, – схватить индусских фокусников, дававших здесь вчера представление.

Миледи и мистер Годфри (не знавшие того, что было известно мистеру Фрэнклину и мне) оба вздрогнули и удивились.

– Мне теперь некогда объясняться, – продолжал мистер Фрэнклин. – Я могу только сказать вам, что именно индусы украли алмаз. Дайте мне рекомендательное письмо, – обратился он к миледи, – к одному из фризинголлских судей; просто скажите ему, что я представитель ваших интересов и желаний, и позвольте мне тотчас же отправиться с этим письмом. Наша возможность поймать воров зависит от наших стараний не потерять ни единой минуты понапрасну.

Nota bene. Французская или английская сторона мистера Фрэнклина одержала теперь верх, только это была сторона разумная. Вопрос состоял лишь в том, надолго ли ее хватит.

Он положил перо, чернила и бумагу перед теткой, которая (как мне показалось) написала письмо не совсем охотно. Если бы было возможно оставить без внимания пропажу вещи, стоящей двадцать

тысяч фунтов, я полагаю, судя по мнению миледи о ее покойном брате и по ее недоверию к его подарку, для нее было бы облегчением позволить ворам убежать с Лунным камнем.

Я пошел с мистером Фрэнклином в конюшню и воспользовался этим случаем, чтобы спросить его, каким образом индусы (которых я подозревал с такой же догадливостью, как и он) могли забраться в дом.

– Один из них мог пробраться в залу, когда гости уезжали, – сказал мистер Фрэнклин. – Он, должно быть, лежал под диваном, когда тетушка и Рэчел решали, куда спрятать алмаз. Ему стоило только подождать, пока в доме все стихнет, а потом подойти к шкафчику и взять оттуда алмаз.

Сказав это, он крикнул груму, чтобы открыли ворота, и ускакал.

Это было действительно единственное разумное объяснение. Но каким же образом вор успел выбраться из дома? Когда я пошел отворять парадную дверь, утром она оказалась запертой на замок совершенно так, как я оставил ее вечером. А другие двери и окна сами говорили за себя – они до сих пор оставались запертыми. А собаки? Положим, вор убежал, выпрыгнув из верхнего окна, – но как же он мог избавиться от собак? Не запасся же он для них отравленным мясом? Не успело это подозрение промелькнуть в голове моей, как собаки выбежали ко мне из-за угла, кувыркаясь по мокрой траве, такие веселые и здоровые, что я с большим трудом унял их и снова посадил на цепь. Чем более думал я об этом, тем менее удовлетворительным казалось мне объяснение мистера Фрэнклина. Мы позавтракали, – ведь что бы ни случилось в доме, воровство или убийство, все равно люди должны завтракать. После завтрака миледи послала за мной, и я вынужден был рассказать ей все, что до сих пор скрывал об индусах и об их заговоре. Будучи женщиной очень мужественной, она скоро оправилась от первого испуга, возбужденного в ней тем, что я ей сообщил. Она казалась гораздо более встревоженной состоянием дочери, нежели этими мошенниками-язычниками и их заговором.

– Вы знаете, какая странная девушка Рэчел и как не похожа она на других своих сверстниц, – сказала мне миледи. – Но я никогда еще не видела ее такой странной и скрытной, как сейчас. Пропажа алмаза как будто лишила ее рассудка. Кто мог бы подумать, что этот ужасный камень так очарует ее в такое короткое время?

Конечно, это было странно. Мисс Рэчел вовсе не сходила с ума по безделушкам и всяким вещицам, как многие другие молодые девушки. Между тем она оставалась неутешной и сидела взаперти в своей спальне. Справедливость требует прибавить, что не одна она в нашем доме вышла из своей привычной колеи. Мистер Годфри, например, – общий утешитель по профессии, – казалось, тоже не знал, куда ему деваться. Сознаюсь, что и сам я был встревожен и не в духе. Проклятый Лунный камень перевернул все вверх дном в нашем доме.

Незадолго до одиннадцати мистер Фрэнклин воротился. Судя по его виду, решительность его испарилась под гнетом ответственности, свалившейся на его плечи. Он уехал от нас галопом, а воротился шагом. Когда он уезжал, то казался железным. Когда он вернулся, то был подбит ватой.

– Ну что же, – спросила миледи, – будет полиция?

– Да, – ответил мистер Фрэнклин, – сказали, что едут вслед за мной. Главный инспектор нашей местной полиции, Сигрэв, и два его помощника. Чистая формальность! Надежды нет никакой.

– Как! Да разве индусы убежали, сэр? – спросил я.

– Бедные, обиженные индусы зря были заключены в тюрьму, – ответил мистер Фрэнклин. – Они невинны, как новорожденные младенцы. Мое предположение, что один из них спрятался в доме, как и все остальные мои предположения, рассеялось, как дым. Было доказано, – прибавил мистер Фрэнклин, с жаром подчеркивая свою ошибку, – что это просто физически невозможно.

Удивив нас известием об этом новом обороте дела с Лунным камнем, наш джентльмен, по просьбе тетки, сел и объяснился.

Оказалось, что решительная сторона его характера продержалась до самого Фризинголла. Он ясно изложил все дело перед судьей, а судья тотчас же послал за полицией. По первым же наведенным справкам оказалось, что индусы и не пытались выйти из города. Дальнейшие справки выяснили, что всех троих вместе с мальчиком видели возвращающимися во Фризинголл накануне, в одиннадцатом часу вечера, – а это (принимая в расчет время и расстояние) доказывало, что они воротились назад прямо после представления на нашей террасе. Еще позднее, в полночь, полиция, делавшая обыск в том доме, где они остановились, опять видела их всех троих и с мальчиком. Вскоре после полуночи я сам благополучно запер дом. Не могло быть более ясных доказательств в пользу индусов. Судья сказал, что покуда против них нет и тени подозрения. Но так как возможно, что по приезде полиции розыски приведут к каким-нибудь открытиям, касающимся фокусников, он арестует их как плутов и бродяг и продержит некоторое время под замком, на случай, если они нам понадобятся.

Достойный судья был старым другом миледи – и шайка индусов в то же утро, как началось следствие, была арестована.

Таков был рассказ мистера Фрэнклина о событиях во Фризинголле. Индийский ключ от тайны пропавшего алмаза, по всей вероятности, сломался у нас в руках. Если фокусники были невинны, то кто же вынул Лунный камень из ящика мисс Рэчел?

Минут через десять, к бесконечному нашему облегчению, прибыл инспектор Сигрэв. Он сообщил, что прошел мимо мистера Фрэнклина, сидевшего на террасе на солнышке (верно, итальянскою стороною кверху), заранее предупредившего их, когда они проходили, что всякое следствие будет бесполезно, – еще прежде, чем это следствие началось.

В том положении, в каком мы находились, инспектор фризинголльской полиции был самым приятным посетителем, какого только можно было желать. Мистер Сигрэв был высок и представительен, с военной выправкой, приятным начальственным

голосом и решительным взглядом, в мундире, сверху донизу красиво усаженном пуговицами. «Я именно тот человек, какой вам нужен», – было написано на его лице. Он обращался с сопровождавшими его двумя низшими полицейскими чинами со всей строгостью, способной сразу убедить вас, что с ним шутки плохи. Он начал с того, что осмотрел все строения снаружи и внутри; результат этого осмотра показал, что снаружи воры не могли к нам проникнуть и что, следовательно, кражу совершил кто-нибудь в доме. Предоставляю вам судить, в какое состояние пришли слуги, когда это официальное заявление дошло до их ушей. Инспектор решил, что начнет с осмотра «будуара», а потом допросит слуг. В то же время он поставил одного из своих подчиненных на лестнице, которая вела в спальни слуг, с приказом не впускать туда никого из живущих в доме до дальнейших распоряжений.

При этом последнем приказании представительницы слабейшей половины рода человеческого окончательно помешались. Они выскочили из своих углов и помчались наверх, к комнате мисс Рэчел, увлекая за собой на этот раз и Розанну Спирман, накинулись на инспектора Сигрэва, и все с одинаково виновным видом стали требовать, чтобы он сказал, которую из них он подозревает.

Инспектор не растерялся: он посмотрел на них решительными глазами и припугнул их своим военным голосом:

– Эй, вы, бабы, ступайте-ка опять вниз, все до одной! Я вас сюда не звал... Посмотрите-ка! – вдруг прервал он себя, указав на пятнышко под самым замком на раскрашенной двери мисс Рэчел. – Посмотрите, что наделали ваши юбки. Вон отсюда!

Розанна Спирман, которая была всех ближе к нему и к пятнышку на двери, первая подала пример послушания и тотчас же возвратилась к своей работе. Остальные последовали за ней. Инспектор закончил осмотр комнаты и, ничего этим не добившись, спросил меня, кто первый открыл пропажу. Первой открыла ее моя дочь. Послали за моей дочерью.

Инспектор сначала обошелся с Пенелопой несколько круто:

– Слушайте меня, молодая женщина, и помните, что вы должны отвечать правду.

Пенелопа тотчас вспылила:

– Меня никогда не учили лгать, и если отец мой может стоять здесь и выслушивать, как его дочь обвиняют во лжи и в воровстве, не пускают в собственную ее комнату, отнимают доброе имя, единственное достояние бедной девушки, то он не такой добрый отец, каким я его считала.

Слово, сказанное мною кстати, поставило правосудие и Пенелопу в более приятные отношения. Вопросы и ответы пошли гладко и не завершились ничем, о чем стоило бы упомянуть. Дочь моя видела, как мисс Рэчел вечером спрятала алмаз в ящик шкафчика. Она вошла в восемь часов утра к мисс Рэчел с чашкой чая, увидела, что ящик открыт и пуст, и тотчас подняла тревогу. На том и закончились показания Пенелопы.

Затем инспектор попросил позволения видеть мисс Рэчел. Пенелопа передала его просьбу через дверь. Ответ пришел к нам тем же путем:

– Мне не о чем говорить с полицейским; я никого не могу видеть.

Наш опытный полицейский, казалось, был удивлен и обижен, услышав такой ответ. Я объяснил ему, что наша барышня нездорова, и просил его подождать немного и повидаться с ней попозже. После этого мы опять спустились вниз и, проходя через переднюю, встретили мистера Годфри и мистера Фрэнклина.

Оба джентльмена, гостившие в доме, были опрошены им: не смогут ли они пролить какой-нибудь свет на это дело? Никто из них ничего не знал. Освобожденный от допроса, мистер Фрэнклин шепнул мне:

– Этот человек не принесет нам никакой пользы. Инспектор Сигрэв – осел.

Освобожденный в свою очередь мистер Годфри шепнул мне:

– Очевидно, знаток своего дела. Беттередж, я сильно на него надеюсь!

Сколько голов, столько и умов, как сказал какой-то древний писатель задолго до меня.

Потом инспектор отправился назад, в «будуар», в сопровождении меня и дочери. Целью его было удостовериться, не переставлялась ли за ночь мебель, – первый его обыск в комнате, очевидно, в этом отношении ничего ему не дал.

Пока мы шарили между стульями и столами, дверь спальни вдруг открылась. Отказавшись видеть нас всех, мисс Рэчел, к нашему удивлению, сама к нам вышла. Она взяла со стула свою летнюю шляпку и пошла прямо к Пенелопе с таким вопросом:

– Мистер Фрэнклин Блэк посылал вас ко мне сегодня утром?

– Посылал, мисс.

– Он желал говорить со мною, не так ли?

– Точно так, мисс.

– Где он теперь?

Услышав голоса внизу, я выглянул из окна и увидел двух джентльменов, ходивших взад и вперед по террасе. Отвечая за свою дочь, я сказал:

– Мистер Фрэнклин на террасе, мисс.

Не говоря более ни слова, не обращая внимания на инспектора, который пытался было заговорить с ней, бледная как смерть и странно погруженная в свои собственные мысли, она вышла из комнаты и спустилась к кузенам на террасу.

Я проявил недостаток должного уважения, я нарушил приличие, но если бы даже дело шло о моей жизни, я и тут не мог бы удержаться, чтобы не выглянуть из окна, когда мисс Рэчел встретилась с джентльменами. Она подошла к мистеру Фрэнклину, делая вид, будто не замечает мистера Годфри, который отошел и оставил их вдвоем. Она, по-видимому, говорила с мистером Фрэнклином раздражительно. Это продолжалось недолго и (судя по его лицу, которое я видел из окна) сильно его поразило. Когда они стояли вдвоем, на террасе показалась миледи. Мисс Рэчел заметила ее, добавила несколько последних слов мистеру Фрэнклину и вдруг

повернулась и ушла, прежде чем мать успела подойти к ней. Миледи, удивленная и сама, и видя необыкновенное удивление мистера Фрэнклина, заговорила с ним. Мистер Годфри подошел к ним и также заговорил. Мистер Фрэнклин начал ходить с ними обоими, очевидно передавая им, что случилось; слушая его, они оба, сделав несколько шагов, разом остановились как вкопанные, видимо, сильно изумленные. Не успел я заметить все это, как вдруг дверь гостиной снова распахнулась настежь. Мисс Рэчел быстро пошла в свою спальню, расстроенная и разгневанная, со сверкающими яростью глазами и пылающими щеками. Инспектор опять попытался остановить ее. Она обернулась к нему в дверях спальни.

– Я за вами не посылала! – вскричала она запальчиво. – Мне вы не нужны! Мой алмаз пропал! Ни вам да и никому на свете не удастся отыскать его.

С этими словами она вошла в комнату и захлопнула дверь перед самым нашим носом. Пенелопа, стоявшая ближе всех к двери, слышала, как она зарыдала, как только осталась одна.

Мгновение – в бешенстве, другое – в слезах... Что могло это значить?

Я сказал инспектору, что все это показывает лишь, до какой степени мисс Рэчел раздражена пропажей своего алмаза. Заботясь о чести семьи, я с огорчением видел, что моя молодая барышня забылась даже перед полицейским офицером, и принес извинение, какое только мог придумать. Но в душе я был более озадачен необыкновенными речами и поведением мисс Рэчел, нежели можно выразить словами. Основываясь на сказанном ею в дверях спальни, я мог только заключить, что она смертельно оскорблена прибытием полиции и что удивление мистера Фрэнклина на террасе вызвано было тем, что она резко выразила ему свои мысли на этот счет (как человеку, призвавшему полицию). Если эта догадка была справедлива, почему же, лишившись своего алмаза, она была против присутствия в доме тех самых людей, которые обязаны были

отыскать его для нее? И каким образом могла она знать, что Лунный камень никогда не найдется?

При настоящем положении дел ответа на эти вопросы нечего было ждать ни от кого в доме.

Обшарив всю мебель в «будуаре» и ничего не найдя, наш опытный сыщик обратился ко мне с вопросом, знали слуги или нет, куда будет положен алмаз на ночь.

– Я знал это, сэра, – ответил я. – Сэмюел, лакей, тоже знал это, потому что он был в передней, когда говорили о том, куда спрятать на ночь алмаз. Знала моя дочь, как она уже вам сказала. Она или Сэмюел могли сообщить об этом другим слугам, или другие слуги могли слышать этот разговор в боковую дверь передней, которая могла быть открыта на черную лестницу. Как мне кажется, все в доме могли знать, где прошлую ночь лежал алмаз.

Мой ответ представлял слишком обширное поле для подозрений инспектора, и он постарался сузить его, попросив меня охарактеризовать наших слуг.

Я тотчас подумал о Розанне Спирман. Но упоминать о ней сейчас было неуместно, да я и не желал направить подозрения на бедняжку, честность которой не подлежала никакому сомнению за все время ее пребывания у нас. Надзирательница исправительного дома говорила о ней миледи, как об искренне раскаявшейся и заслуживающей полного доверия девушке. Если полицейский офицер найдет причины подозревать ее, только тогда я обязан был сказать ему, каким образом попала она в услужение к миледи.

– Все наши слуги имеют прекрасные аттестаты, – ответил я. – И все заслужили доверие своей госпожи.

После этого мистеру Сигрэву оставалось только одно: самому приняться за дело и лично испытать характер наших слуг.

Их допросили одного за другим, и ни один из них не мог ничего открыть, хотя наговорили они, особенно женщины, очень много и весьма негодовали на запрещение, наложенное на их комнаты.

Следующий и последний шаг в следствии довел дело, как говорится, до кризиса. Полицейский офицер имел свидание (при котором я присутствовал) с миледи. Сообщив ей, что алмаз, должно быть, похищен кем-нибудь в доме, он просил позволения обыскать комнаты и сундуки слуг. Моя добрая госпожа, как великодушная и благовоспитанная женщина, не хотела позволить обходиться с нами, как с ворами:

– Я никогда не соглашусь отплатить таким образом за все, чем я обязана верным слугам, живущим в моем доме!

Полицейский офицер поклонился и бросил на меня взгляд, ясно говоривший: «Зачем же было призывать меня, если вы связываете мне руки таким образом?»

Как глава прислуги я тотчас почувствовал, что по справедливости мы не имеем права злоупотреблять великодушием нашей госпожи.

– Сердечно благодарим ваше сиятельство, – сказал я, – но просим позволения поступить так, как надлежит в этом деле, и сами отдаем наши ключи. Когда Габриэль Беттередж подаст пример, – сказал я, останавливая в дверях инспектора Сигрэва, – остальные слуги последуют ему, ручаюсь вам. Вот вам прежде всего мои ключи!

Миледи взяла меня за руку и поблагодарила со слезами на глазах. Боже! Чего не дал бы я в эту минуту, чтобы иметь право отколотить инспектора Сигрэва!

Так как я поручился за них, остальные слуги последовали моему примеру, – весьма неохотно, разумеется, но все же согласившись со мной. Стоило поглядеть на женщин, когда полицейские рылись в их вещах. Кухарка так смотрела, словно хотела изжарить инспектора живьем на сковороде, а другие женщины – словно собираясь съесть его, как только он изжарится.

Обыск окончился, а алмаза, разумеется, не нашлось и следа. Инспектор Сигрэв удалился в мою комнату поразмыслить, что ему предпринять дальше. Он и его помощники были у нас в доме уже несколько часов и не подвинулись ни на шаг к открытию того, как и кем был украден Лунный камень.

Пока полицейский инспектор раздумывал в одиночестве, меня позвали к мистеру Фрэнклину в библиотеку. К моему невыразимому удивлению, не успел я взяться за ручку двери, как она вдруг открылась изнутри и из комнаты вышла Розанна Спирман.

После того как библиотека была выметена и убрана утром, ни первой, ни второй служанке незачем было входить в эту комнату. Я остановил Розанну Спирман и тут же сделал ей выговор за нарушение домашней дисциплины.

– Что вам понадобилось в библиотеке в такую пору? – спросил я.

– Мистер Фрэнклин Блэк потерял кольцо наверху, – сказала Розанна, – и я ходила отдать его ему.

Щеки девушки пылали.

Я нашел мистера Фрэнклина пишущим за столом в библиотеке. Как только я вошел в комнату, он попросил у меня лошадей на станцию. Первый же звук его голоса открыл мне, что опять одержала верх его решительная сторона. Человек, подбитый ватой, исчез, и снова сидел человек железный.

– Вы едете в Лондон, сэр? – спросил я.

– Еду телеграфировать в Лондон, – ответил мистер Фрэнклин. – Я убедил тетушку, что нам должен помочь человек поумнее инспектора Сигрэва, и получил ее позволение послать телеграмму моему отцу. Он знает начальника полиции, а начальник может выбрать человека, способного разгадать тайну алмаза. Кстати, о тайнах, – прибавил мистер Фрэнклин, понизив голос, – я должен сказать вам два слова, прежде чем вы пойдете на конюшню. Но не говорите пока об этом никому. Или голова Розанны Спирман не совсем в порядке, или, боюсь, она знает о Лунном камне более, чем ей следует знать.

Не могу сказать наверное, чего причинили мне больше – испуга или огорчения – эти слова. Будь я помоложе, я бы признался в этом мистеру Фрэнклину. Но когда вы состаритесь, вы приобретете одну превосходную привычку: в тех случаях, когда в голове у вас не все ясно, помолчать.

– Она пришла сюда с кольцом, которое я обронил в своей спальне, – продолжал мистер Фрэнклин. – Я поблагодарил ее и ждал, разумеется, что она уйдет. Вместо этого она остановилась против моего стола и уставилась на меня самым странным образом – полуиспуганно и полуфамильярно, – я не мог разобраться. «Странное это дело насчет алмаза, сэр!» – сказала она вдруг неожиданно. Я ответил «да» и ждал, что будет дальше. Клянусь честью, Беттередж, мне кажется, она, должно быть, не в своем уме! Она говорит: «Алмаза-то ведь не найдут, сэр, не так ли? Нет, не найдут и того, кто его взял, – я поручусь за это». Она кивнула мне головой и улыбнулась. Прежде чем я успел спросить ее, что она хочет этим сказать, послышались ваши шаги за дверью. Она, верно, испугалась, что вы застанете ее здесь. Как бы то ни было, она изменилась в лице и ушла из комнаты. Что это может значить?

Я не мог решиться даже тогда рассказать ему историю этой девушки. Ведь это значило бы назвать ее воровкой. Кроме того, предположив даже, что я рассказал бы ему все откровенно, и допустив, что алмаз украли она, – причина, почему из всех людей на свете Розанна выбрала именно мистера Фрэнклина, чтобы открыть свою тайну, все равно осталась бы неразгаданной.

– Я не могу решиться обвинить эту бедную девушку только потому, что она ветрена и говорит очень странно, – продолжал мистер Фрэнклин. – А между тем, если она сказала инспектору то, что сказала мне, – как он ни глуп, я боюсь... – Он остановился, не досказав остального.

– Лучше всего будет, сэр, – ответил я, – если я передам об этом миледи при первом удобном случае. Миледи принимает дружеское участие в Розанне, и очень может быть, что эта девушка была только опрометчива и безрассудна. Когда в доме поднимается какая-нибудь кутерьма, сэр, служанки всегда любят смотреть на дело с мрачной стороны – это придает бедняжкам некоторый вес в их собственных глазах.

Такой взгляд на дело, кажется, очень облегчил мистера Фрэнклина; он сложил телеграмму и прекратил разговор. Отправляясь на конюшню, чтобы приказать заложить кабриолет, я заглянул в людскую, где люди обедали. Розанны Спирман не было между ними. Спросив о ней, я узнал, что она вдруг занемогла и пошла в свою комнату прилечь.

– Странно! Она казалась совсем здоровой, когда я недавно видел ее, – заметил я.

Пенелопа вышла вслед за мною.

– Батюшка, не говорите так при других, – сказала она, – вы этим только еще более вооружаете прислугу против Розанны. Бедняжка сокрушается от любви к мистеру Фрэнклину Блэку.

Это был уже другой взгляд на вещи. Если Пенелопа была права, это могло объяснить странные речи и поведение Розанны.

Я сам наблюдал, как запрягали пони. В адской сети тайн и неизвестностей, теперь окружавших нас, право, утешительно было глядеть, как пряжки и ремни понимали друг друга. Когда вы видите, как пони запрягают в оглобли, – это уже нечто, не подлежащее сомнению.

Подъезжая в кабриолете к парадной двери, я увидел не только мистера Фрэнклина, но и мистера Годфри и инспектора Сигрэва, ожидавших меня на лестнице.

Размышления инспектора, после того как ему не удалось найти алмаз в комнатах или в сундуках слуг, по-видимому, привели его к новому заключению. Все еще будучи убежден, что алмаз украден кем-то в доме, наш опытный чиновник был теперь такого мнения, что вор действовал заодно с индусами, и он предложил перенести следствие к фокусникам, во фризинголлскую тюрьму. Узнав об этом новом решении, мистер Фрэнклин вызвался отвезти инспектора обратно в город, откуда можно было телеграфировать в Лондон так же просто, как с нашей станции. Мистер Годфри, все так же упорно веривший Сигрэву и чрезвычайно желавший присутствовать при допросе индусов, просил позволения поехать с инспектором по

Фризинголл. Один из полицейских должен был остаться в доме на случай какого-нибудь непредвиденного обстоятельства. Другой возвращался с инспектором в город. Таким образом, четыре места в кабриолете были заняты.

Прежде чем мистер Фрэнклин взялся за вожжи, он отвел меня в сторону на несколько шагов, чтобы никто не мог нас слышать.

– Я подожду послать депешу в Лондон, – сказал он, – пока не увижу, что выйдет из допроса индусов. Я, собственно, убежден, что этот тупоголовый полицейский ровно ничего не понимает и просто старается выиграть время. Мысль, что кто-нибудь из слуг был в заговоре с индусами, по моему мнению, сущая нелепость. Наблюдайте-ка хорошенько в доме, Беттередж, до моего возвращения и постарайтесь выпытать что-нибудь от Розанны Спирман. Я не прошу у вас чего-нибудь унижительного для вашего достоинства или жестокого для девушки. Я только прошу вас пустить в ход всю вашу наблюдательность. Мы скроем все это от девушки, – но дело гораздо важнее, чем вы, может быть, предполагаете.

– Дело в двадцати тысячах фунтов, сэр, – сказал я, думая о ценности алмаза.

– Дело в том, чтобы успокоить Рэчел, – серьезно ответил мистер Фрэнклин. – Я очень беспокоюсь за нее.

Он вдруг отошел от меня, как будто желал прекратить дальнейший разговор. Мне показалось, я понял почему. Он побоялся, что выдаст мне тайну слов, сказанных ему мисс Рэчел.

Таким-то образом они уехали во Фризинголл.

За полчаса до обеда оба джентльмена воротились из Фризинголлы, условившись с инспектором Сигрэвом, что он вернется к нам на следующий день. Они заезжали к мистеру Мертуэту, индийскому путешественнику, проживавшему близ города. По просьбе мистера Фрэнклина, путешественник очень любезно согласился служить переводчиком при допросе тех двух индусов, которые совершенно не знали английского языка. Допрос, подробный и тщательный, окончился ничем: не нашли ни малейшего

повода подозревать фокусников в заговоре с кем-нибудь из наших слуг. Придя к этому заключению, мистер Фрэнклин послал в Лондон депешу; на том дело и остановилось до завтрашнего дня.

Но довольно об истории дня, последовавшего за днем рождения. Ни малейший свет не озарил тогда нас. Только дня через два туман как будто начал немножко рассеиваться.

Глава 12

Прошла ночь четверга, и ничего не случилось. В пятницу утром появились две новости.

Первая: приказчик булочника объявил, что он встретил Розанну Спирман накануне, под вечер, пробиравшуюся в густой вуали во Фризинголл, по тропинке, которая шла через болото. Странно, что кто-нибудь мог ошибиться в Розанне, плечо которой делало бедняжку слишком заметной, – но этот человек наверняка ошибался, потому что Розанна, как вам известно, весь четверг пролежала больная у себя наверху.

Вторую новость принес почтальон. Добрейший мистер Канди опять отпустил неудачную остроту, когда, уезжая под дождем, вечером в день рождения, сказал мне, что кожа доктора непромокаема. Кожа его промокла. Он простудился в ту же ночь и теперь лежал в горячке. По рассказам почтальона, он молот вздор в бреду так же бегло и безостановочно, как, бывало, врал в здравом рассудке. Мы все жалели маленького доктора, но мистер Фрэнклин сожалел о его болезни особенно, – из-за мисс Рэчел. Из слов, сказанных им миледи за завтраком, когда я присутствовал в комнате, можно было понять, что если неизвестность относительно Лунного камня не разрешится вскорости, то мисс Рэчел понадобится совет самого лучшего доктора, какого только мы сможем найти.

Вскоре после завтрака пришла телеграмма от мистера Блэка-старшего в ответ сыну. Депеша сообщала нам, что он напал (через

своего приятеля, начальника полиции) именно на такого человека, который может нам помочь. Звали его сыщик Кафф, а приезда его из Лондона можно было ожидать с утренним поездом.

Прочитав имя нового полицейского чиновника, мистер Фрэнклин вздрогнул. Кажется, он слышал разные любопытные анекдоты о сыщике Каффе от стряпчего своего отца во время своего пребывания в Лондоне.

– Я начинаю надеяться, что мы скоро увидим конец нашим беспокойствам, – сказал он. – Если половина рассказов, слышанных мною, справедлива, то в Англии никто не может сравниться с сыщиком Каффом, когда дело идет о том, чтобы раскрыть тайну.

Мы все пришли в волнение и в нетерпение, когда приблизилось время появления этого знаменитого и талантливого человека. Инспектор Сигрэв, возвратившийся к нам в назначенное время и узнавший, что ожидают лондонского сыщика, тотчас заперся в отдельной комнате и взял перо, чернила и бумагу, чтобы написать отчет, который, без сомнения, потребуют от него. Мне хотелось самому встретить на станции сыщика. Но о карете и лошадях миледи нечего было и думать даже для сыщика Каффа, а кабриолет был нужен для мистера Годфри. Он глубоко сожалел, что вынужден оставить свою тетку в такое тревожное время, и любезно отложил час отъезда до последнего поезда, чтобы узнать об этом деле мнение искусного лондонского сыщика. Но в пятницу вечером он непременно должен был быть в Лондоне, потому что дамский комитет ввиду каких-то серьезных затруднений нуждался в его советах в субботу утром.

Приближалось время приезда сыщика, и я вышел к воротам ожидать его.

Когда я стоял у домика привратника, со станции подъехала извозчичья карета, и из нее вышел седоватый пожилой человек, до того худой, что, казалось, у него нет ни одной унции мяса на костях. Одет он был в приличное черное платье, с белым галстуком на шее. Лицо его было остро, как топор, а кожа такая желтая, сухая и

поблекшая, как осенний лист. В его стальных светло-серых глазах появлялось весьма неутешительное выражение, когда они встречались с вашими глазами, – словно они ожидали от вас более того, что вы сами могли ожидать от себя.

Походка его была медленная, голос меланхолический; длинные сухощавые пальцы были крючковаты, как когти. Он походил на пастора, на подрядчика похоронного бюро, – на кого угодно, только не на того, кем он был. Большею противоположности инспектору Сигрэву, нежели сыщик Кафф, и полицейского менее успокоительной наружности (для встревоженной семьи), сколько бы ни искали, вы не могли бы найти.

– Это дом леди Вериндер? – спросил он.

– Точно так, сэр.

– Я сыщик Кафф.

– Пожалуйста сюда.

По дороге к дому я упомянул о моем имени и положении в семействе, чтобы дать ему возможность говорить о деле, которое поручила мне миледи. Однако он ни слова не сказал о деле. Он восхищался местоположением, заметил, что морской воздух очень резок и свеж. Я удивился про себя, чем это знаменитый сыщик Кафф заслужил свою репутацию. Мы дошли до дома, подобно двум незнакомым собакам, первый раз в жизни посаженным вместе на одну цепь.

Спросив о миледи и услышав, что она в оранжерее, мы обошли сад позади дома и послали слуг доложить ей. Пока мы ждали, сыщик Кафф разглядел сквозь арку, увитую плющом, наш питомник роз и прямо вошел туда, в первый раз выказав нечто похожее на интерес. К удивлению садовника и к моему негодованию, этот знаменитый полицейский оказался кладезем учености в пустячном искусстве разведения роз.

Хорош же был человек, который должен отыскать алмаз мисс Рэчел и узнать вора, укравшего его!

– Вы, кажется, любите розы, сэр? – заметил я.

– Не имею времени любить что-нибудь, – ответил сыщик Кафф. – Но когда у меня есть свободная минутка, я всегда посвящаю ее розам, мистер Беттередж. Я начал жизнь среди них, в питомнике моего отца, и кончу жизнь среди них, если смогу. Да. В один прекрасный день (с Божьей помощью) я перестану ловить воров и попробую ухаживать за розами. Между моими клумбами, господин садовник, будут травяные дорожки!

По-видимому, сыщика неприятно поразили наши дорожки, посыпанные песком.

– Для человека вашей профессии, сэр, это довольно странный вкус, – решился я заметить.

– Если вы посмотрите вокруг себя (а это делают немногие), – сказал сыщик Кафф, – вы увидите, что вкус человека по большей части совершенно не согласуется с его занятиями. Покажите мне две вещи, более противоположные, чем роза и вор, и я тотчас же изменю мой вкус, если еще не поздно в мои лета. Вы не находите, что дамасская роза – красивый фон почти для всех более нежных сортов, господин садовник? А, я так и думал. Вот идет дама. Это леди Вериндер?

Он увидел ее прежде, чем заметили ее я или садовник, хотя мы знали, в какую сторону смотреть, а он нет. Я начал его считать гораздо наблюдательнее, чем он показался мне с первого взгляда.

Наружность сыщика, или дело, по которому он приехал, или то и другое – как будто несколько смутили миледи. Первый раз в жизни заметил я, что она не нашлась, что сказать постороннему. Сыщик Кафф тотчас же вывел ее из затруднения. Он спросил, не поручали ли уже кому-нибудь дело о краже, прежде чем мы послали за ним, и, услышав, что был приглашен другой человек, который и теперь еще находится в доме, просил позволения прежде всего переговорить с ним. Миледи пошла к дому. Прежде чем инспектор последовал за нею, он облегчил свою душу насчет посыпанных песком дорожек прощальным словом садовнику.

– Уговорите миледи оставить дорожки заросшими травой, – сказал он, бросив кислый взгляд на песок.

Почему инспектор Сигрэв сделался гораздо ниже ростом, когда его представили Каффу, я не берусь объяснить. Я могу только упомянуть этот факт. Они удалились вместе и очень долго сидели запершись и не впуская к себе никого. Когда они вышли, инспектор был взволнован, а сыщик зевал.

– Мистер Кафф желает посмотреть гостиную мисс Вериндер, – сказал Сигрэв, обращаясь ко мне чрезвычайно торжественно и с большим воодушевлением. – Он, может быть, вздумает сделать несколько вопросов. Пожалуйста, проводите его.

Пока мною распоряжались таким образом, я взглянул на знаменитого Каффа. Знаменитый Кафф в свою очередь смотрел на инспектора с тем спокойным ожиданием, которое я уже заметил.

Я повел их наверх. Сыщик внимательно осмотрел индийский шкафчик и обошел вокруг всего «будуара», задавая вопросы (лишь изредка инспектору и постоянно мне), цель которых, я полагаю, была непонятна для нас обоих в равной мере. Он дошел, наконец, до двери и очутился лицом к лицу с известной нам разрисовкой. Он положил свой сухой палец на небольшое пятнышко под замком, которое инспектор Сигрэв уже приметил, когда выговаривал служанкам, толпившимся в комнате.

– Какая жалость! – сказал сыщик Кафф. – Как это случилось?

Он задал вопрос мне. Я ответил, что служанки столпились в этой комнате накануне утром и что эту беду наделали их юбки.

– Инспектор Сигрэв приказал им выйти, сэр, – прибавил я, – чтобы они не наделали еще больших бед.

– Правда, – сказал инспектор своим военным тоном, – я велел им обратиться вон. Это сделали юбки, мистер Кафф, это сделали юбки.

– Вы заметили, чьи юбки это сделали? – спросил сыщик Кафф, все еще обращаясь не к своему собрату по службе, а ко мне.

– Нет, сэр.

Тогда он обратился к инспектору Сигрэву и спросил:

– Вы это заметили, я полагаю?

Инспектор, казалось, был застигнут врасплох, но поспешил оправиться.

– Я не могу обременять свою память, – сказал он, – это пустяки, сущие пустяки.

Сыщик Кафф посмотрел на Сигрэва, как смотрел на дорожки, посыпанные песком в питомнике роз, и со своей обычной меланхолией в первый раз дал нам урок, показавший его способности.

– На прошлой неделе я производил одно секретное следствие, господин инспектор, – сказал он. – На одном конце следствия было убийство, а на другом чернильное пятно на скатерти, которого никто не мог объяснить. Во всех моих странствованиях по грязным закоулкам этого грязного света я еще не встречался с тем, что можно назвать пустяками. Прежде чем мы сделаем еще шаг в этом деле, мы должны увидеть юбку, которая сделала это пятно, и должны узнать наверно, когда высохла эта краска.

Инспектор, довольно угрюмо приняв это замечание, спросил, надо ли позвать женщин. Сыщик Кафф, подумав с минуту, вздохнул и покачал головой.

– Нет, мы прежде займемся краской. Вопрос о краске потребует двух слов, «да» или «нет», – это недолго. Вопрос о женской юбке длинен. В котором часу служанки были в этой комнате вчера утром? В одиннадцать часов? Знает ли кто-нибудь в доме, суха была краска в одиннадцать часов утра?

– Племянник миледи, мистер Фрэнклин Блэк, знает, – сказал я.

– Он здесь?

Мистер Фрэнклин был очень близко, ожидая удобного случая быть представленным знаменитому Каффу. Через полминуты он был уже в комнате и давал следующее показание:

– Эту дверь рисовала мисс Вериндер под моим наблюдением, с моей помощью и составом моего изобретения. Этот состав высыхает, с какими бы красками ни употребили его, через двенадцать часов.

– Вы помните, сэр, когда было закончено то место, на котором теперь пятно? – спросил сыщик.

– Помню очень хорошо, – ответил мистер Фрэнклин. – Это место было окончено последним. Нам надо было кончить к прошлой среде, и я сам закончил его к трем часам пополудни или вскоре после этого.

– Сегодня пятница, – сказал сыщик Кафф, обращаясь к инспектору Сигрэву. – Вернемся назад, сэр. В три часа в среду это место было окончено. Состав должен был высохнуть через двенадцать часов, то есть к трем часам утра в четверг. Вы производили здесь следствие в одиннадцать часов утра. Вычтите три из одиннадцати, и останется восемь. Эта краска была суха уже восемь часов, господин инспектор, когда вы предположили, что женские юбки запачкали дверь.

Первый жесткий удар для мистера Сигрэва! Если бы он не заподозрил бедную Пенелопу, я пожалел бы его.

Решив вопрос о краске, сыщик Кафф с этой минуты словно забыл о своем товарище по профессии и стал обращаться к мистеру Фрэнклину, как к более надежному помощнику.

– Вы дали нам ключ к тайне, сэр, – сказал он.

Не успели эти слова сорваться у него с губ, как дверь спальни распахнулась и мисс Рэчел неожиданно появилась перед нами. Она заговорила с сыщиком, словно не замечая или не обращая внимания на то, что он был ей совершенно незнаком.

– Вы сказали, – спросила она, указывая на мистера Фрэнклина, – что именно он дал вам ключ к тайне?

– Это мисс Вериндер, – шепнул я сыщику.

– Очень возможно, что именно этот джентльмен, мисс, – проговорил сыщик, внимательно изучая лицо моей барышни своими стальными серыми глазами, – дал нам в руки ключ.

Мгновенно она повернулась и сделала попытку взглянуть на мистера Фрэнклина. Я говорю «сделала попытку», потому что она тотчас же опять отвернулась, прежде чем глаза их встретились. Ее мысли, по-видимому, были чем-то странно встревожены. Она

покраснела, потом опять побледнела. Вместе с бледностью на ее лице появилось новое выражение – выражение, испугавшее меня.

– Ответив на ваш вопрос, мисс, – сказал сыщик, – я прошу у вас позволения в свою очередь задать вам вопрос. Здесь, на вашей двери, есть пятно. Известно ли вам, когда оно было сделано или кто его сделал?

Вместо того чтобы ответить ему, мисс Рэчел продолжала говорить свое, как если бы сыщик ни о чем не спросил ее или она ничего не слышала:

– Вы новый полицейский офицер?

– Я сыщик Кафф, мисс, из следственной полиции.

– Как вы думаете, стоит ли вам выслушать совет молодой девушки?

– Очень буду рад выслушать его, мисс.

– Так исполняйте вашу обязанность сами и не позволяйте мистеру Фрэнклину Блэку помогать вам!

Она сказала эти слова с таким озлоблением и с такой яростью, с таким необыкновенным взрывом недоброжелательства к мистеру Фрэнклину в голосе и в выражении лица, что, хотя я знал ее с младенчества, хотя я любил и уважал ее больше всех после миледи, мне сделалось стыдно за мисс Рэчел первый раз в моей жизни.

Сыщик Кафф не отрывал от ее лица своего неподвижного взгляда.

– Благодарю вас, мисс, – сказал он, – не знаете ли вы чего-нибудь об этом пятне? Не сделали ли вы его нечаянно сами?

– Я ничего не знаю об этом пятне. – С этим ответом она отвернулась от нас и опять заперлась в своей спальне.

На этот раз и я услышал, как услышала прежде Пенелопа, что она зарыдала, лишь только осталась одна. Я не мог решиться взглянуть на сыщика и взглянул на мистера Фрэнклина, который стоял ближе всех ко мне. Он казался еще более огорченным, нежели я, тем, что случилось.

– Я говорил вам, что встревожен за нее, – шепнул он. – Теперь вы понимаете почему?

– Мисс Вериндер, кажется, не в духе по случаю пропажи ее алмаза, – заметил сыщик, – это вещь ценная... Весьма естественно.

Извинение, которое я придумал за нее вчера (когда она забылась при инспекторе Сигрэве), сделал за нее сегодня человек, не принимавший в ней такого участия, как я, потому что он был посторонним ей человеком. Холодная дрожь пробежала по мне, почему – я тогда не знал; думаю, что в ту минуту у меня, должно быть, мелькнуло первое подозрение о новой мысли (и мысли ужасной), которая появилась у сыщика Каффа, – лишь на основании того, что он усмотрел в мисс Рэчел и услышал от нее при этом их первом свидании.

– Язык молодых девиц имеет свои особенности, сэр, – продолжал сыщик, обращаясь к мистеру Фрэнклину. – Забудем о том, что произошло, и приступим прямо к делу. Благодаря вам мы знаем, когда краска высохла. Теперь остается узнать, когда в последний раз эту дверь видели без пятна. У вас по крайней мере есть голова на плечах, и вы понимаете, о чем я говорю.

Мистер Фрэнклин постарался успокоиться и с усилием оторвал свои мысли от мисс Рэчел.

– Кажется, я понимаю. Чем более мы ограничим вопрос о времени, тем более мы ограничим поле розысков.

– Именно так, сэр, – ответил сыщик. – Вы смотрели на вашу работу в среду, после того как кончили ее?

Мистер Фрэнклин покачал головой и ответил:

– Не помню.

– А вы? – обратился сыщик Кафф ко мне.

– И я также не могу сказать, сэр.

– Кто был последний в этой комнате вечером в среду?

– Я полагаю, мисс Рэчел, сэр.

– Или, может быть, ваша дочь, Беттередж, – вмешался мистер Фрэнклин.

Он обернулся к мистеру Каффу и объяснил, что моя дочь была горничной мисс Вериндер.

– Мистер Беттередж, попросите вашу дочь сюда. Пойдите, – сказал сыщик, отводя меня к окну, где нас никто не мог услышать. – Сигрэв, – продолжал он шепотом, – дал мне подробный отчет о том, как он вел дело. Между прочим, он, по своему собственному признанию, рассердил всех слуг, а для меня очень важно помириться с ними. Кланяйтесь от меня вашей дочери и всем остальным и скажите им, что, во-первых, я не имею еще доказательств перед глазами, что алмаз был украден; я только знаю, что алмаз пропал. И во-вторых: обращение мое к служащим заключается просто в том, чтобы просить их помочь мне.

Зная, какое действие произвело на женскую прислугу запрещение, наложенное инспектором Сигрэвом на их комнаты, я поспешил спросить:

– Могу ли я, мистер Кафф, сказать женщинам еще третье? Могу ли я им сообщить, что вы приказали им кланяться и сказать, что они свободно могут бегать по лестницам взад и вперед и заглядывать в свои комнаты, когда это им вздумается?

– Можете, – сказал сыщик.

– Это их всех тотчас смягчит, сэр, – заметил я, – начиная с кухарки и кончая судомойкой.

– Ступайте же и сделайте это немедленно, мистер Беттередж.

Я сделал это менее чем в пять минут. Было только одно затруднение, когда я дошел до спален. Мне, как главе слуг, понадобилось употребить всю свою власть, чтобы удержать всю женскую прислугу от попытки влететь наверх вслед за мной и Пенелопой в качестве добровольных свидетельниц, горячо желавших помочь сыщику Каффу.

Сыщику, по-видимому, понравилась Пенелопа. Он стал несколько менее сух, и на лице его появилось точно такое же выражение, какое было в то время, когда он заметил белую мускатную розу в цветнике. Вот показание моей дочери, взятое с нее сыщиком. Она дала его, мне кажется, очень мило, но ведь она вся в меня! В ней ничего нет материнского; слава богу, в ней ничего нет материнского!

Пенелопа показала, что ее весьма заинтересовала разрисовка двери и что она помогала смешивать краски; она заметила место под замком, потому что его раскрашивали последним; видела его несколько часов спустя без пятна; оставила его в двенадцать часов ночи без пятна. Простившись со своей барышней в этот час в ее спальне, она слышала, как часы пробили в «будуаре»; она держалась в это время за ручку разрисованной двери; знала, что краска сыра (так как помогала смешивать краски, как было выше сказано); особенно старалась поэтому не дотрагиваться до двери; могла присягнуть, что подобрала подол платья и что тогда не было на краске пятна; не могла присягнуть, что ее платье случайно не коснулось двери, когда она выходила; помнила, какое платье было на ней, потому что оно было новое, подарок мисс Рэчел; отец ее тоже помнил и тоже мог это подтвердить; он подтвердил это и сам принес платье, бывшее на ней в тот вечер; юбку понадобилось рассматривать долго, ввиду обширности ее размеров, и ни одного пятнышка на ней нигде не оказалось.

Потом сыщик стал расспрашивать меня, нет ли у нас в доме больших собак, которые могли бы вбежать в комнату и размазать краску своим хвостом. Услышав, что это было невозможно, он послал за увеличительным стеклом и попробовал разглядеть пятно с его помощью. На краске не виднелось следа человеческой руки. Все видимые признаки показывали, что краска была размазана чьим-то платьем. Тот, на ком было это платье, судя по показаниям Пенелопы и мистера Фрэнклина, чтобы сделать это пятно, должен был находиться в комнате между полуночью и тремя часами утра в четверг.

Доведя следствие до этого пункта, сыщик Кафф вспомнил, что в комнате еще находится инспектор Сигрэв, и, в назидание своему товарищу по службе, сделал следующий вывод из произведенного им следствия.

– Эти ваши пустяки, господин инспектор, – сказал он, указывая на пятно, – сделались довольно важными после того, как вы видели их

в последний раз. В том положении, в каком находится теперь следствие, это пятно должно привести к трем открытиям. Следует, во-первых, узнать, есть ли в этом доме одежда, запачканная такою краской. Во-вторых, выяснить, кому эта одежда принадлежит. В-третьих, добиться объяснений от этой особы: почему она была в этой комнате и как сделала это пятно между полночью и тремя часами утра? Если эта особа не сможет дать удовлетворительного объяснения, то вам незачем искать далеко руку, похитившую алмаз. Я сделаю это сам, с вашего позволения, и вас не стану больше отрывать от ваших городских занятий. Я вижу, что у вас здесь есть один из ваших подчиненных. Оставьте его мне на всякий случай и позвольте мне пожелать вам доброго утра.

Уважение инспектора Сигрэва к сыщику было велико, но уважение его к себе самому было еще больше. Метко задетый знаменитым Каффом, он отразил удар не менее ловко.

– До сих пор я воздерживался от высказывания своего мнения, – сказал инспектор все тем же нисколько не изменившимся воинственным тоном. – Теперь мне остается заметить, оставляя следствие в ваших руках, что из мухи очень легко сделать слона. Прощайте!

– Легко также совсем не заметить мухи тем людям, которые слишком высоко задирают голову.

Ответив на комплимент своего собрата в таких выражениях, сыщик Кафф отвернулся от него и отошел к окну.

Мистер Фрэнклин и я ждали, что будет дальше. Сыщик стоял, засунув руки в карманы, глядел в окно и тихо насвистывал про себя мотив «Последняя летняя роза».

Позднее я заметил, что только этот свист выдавал работу его мысли, шаг за шагом продвигавшейся к цели. «Последняя летняя роза», очевидно, помогала ему и ободряла его. Вероятно, она чем-нибудь соответствовала его характеру, напоминая ему, видите ли, о любимых розах; и насвистывал он эту песенку на самый заунывный мотив.

Постояв у окна минуты две, сыщик дошел до середины комнаты и остановился в глубокой задумчивости, устремив взгляд на спальню мисс Рэчел. Через несколько мгновений он опомнился, кивнул головой, как бы говоря: «Так будет лучше!» – и, обратясь ко мне, изъявил желание поговорить десять минут с моей госпожой, как только миледи это будет возможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

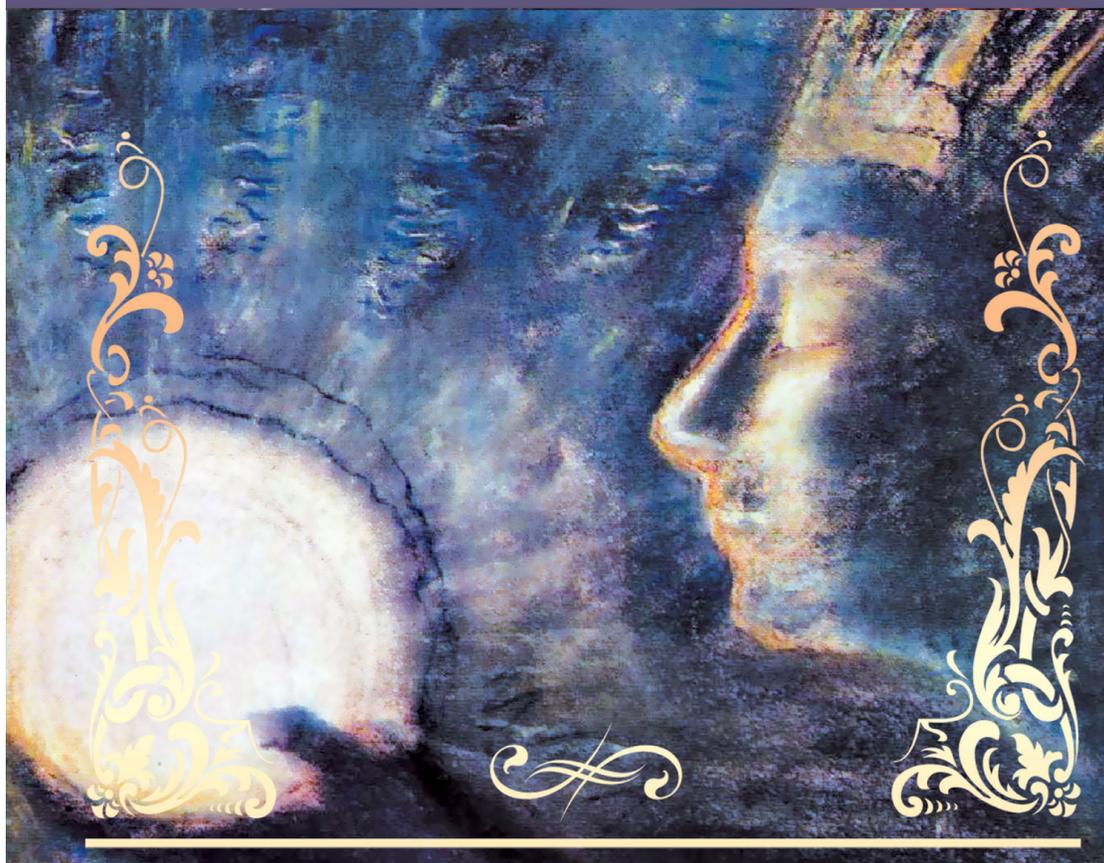
Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

100 великих романов

Уилки КОЛЛИНЗ

ЛУННЫЙ
КАМЕНЬ

Примечания

1

Брамины – жрецы браминизма (религии, возникшей в Индии в IX – X вв. до н. э.); высшая индусская каста.

[Вернуться](#)

2

Вишну – один из главных богов индуизма, бог Солнца.

[Вернуться](#)

3

Ригорист – последователь ригоризма, мелочно-строгое соблюдения каких-либо правил, принципов, преимущественно в вопросах нравственности.

[Вернуться](#)

4

Гиг – двухколесная открытая коляска с оглоблями для одной лошади, управляемая самим седоком.

[Вернуться](#)